

Борис Карлов

ПЛАГИАТ

ВЕСЁЛЫЕ КАРТИНКИ

Часть первая СРЫВАЕТ С РЕЗЬБЫ

Глава первая ПОСЛЕДНЯЯ РЕДАКЦИЯ

Не стоило бежать вверх по эскалатору, несколько минут опоздания ничего не изменят. От резкого перепада давления на свежем воздухе в глазах потемнело. Телегин встал у витрины, коснулся пальцами оледеневшего стекла, отышался, затем торопливо зашагал в сторону Адмиралтейства. Ветер с Невы мгновенно продул насеквоздь пальтишко и свитер. В висках стучало, глаза слезились от февральского мороза и бессонной ночи. Последняя правка, последние изменения, последняя попытка оживить мёртворождённые, до боли знакомые слова и фразы. «Найти и заменить» — самая необходимая функция программы; мгновение ока — и спекулянты превращаются в дилеров, оптовики в дистрибуторов, шик в гламур, а доллар в евро. Только за эту ночь — сотни три замен, не считая рутинной правки.

Осовременивание текста ведётся давно, и этому нет конца. Вот уже четвёртая, подстроенная под стремительно меняющуюся современность, редакция. Эта — последняя, больше не будет, он решил.

До издательского дома рукой подать: пять минут уверенной ходьбы. В рюкзаке за спиной — свежераспечатанная рукопись, одна тысяча пятьсот страниц, три миллиона знаков, не считая пробелов, и двадцать лет жизни. Уверенность в ногах; на душе отчаянно скребут кошки. Но это уже точно в последний раз: сегодня ночью он дал себе слово...

Второй этаж, кабинет главного. Назначено.

Листает.

— Угу... угу... Мало сократили... Угу... Ну давайте сразу том третий... наши дни.

Телегин начал писать этот труд в 1984-м, будучи ещё студентом журфака ленинградского Университета. Заголовок: «Генеральный Секретарь». Замысел вылился в трёхтомную эпопею — «Ровесник века», «Вставай страна огромная» и «Отвечаю за всё». Босоногое детство, революционная юность, коллективизация, раненый замполит поднимает солдат в атаку, мирное строительство, Второй секретарь, Первый секретарь...

Подробный план дробился на ещё более подробный; на сюжетный линии и, наконец, на главы-ячейки с условными пока ещё заголовками. В эти ячейки, словно кропотливая пчела в соты, он заливал свой мёд творческого вдохновения... В эпопее нашлось место для подвига и предательства, для любви, измены и детальных описаний одежды, природы, производственного процесса....

Уже первые сто напечатанных под копирку страниц были опубликованы в номерах журнала «Комсомол» за январь-февраль 1985-го. Маенька, заведующая отделом культуры горкома КПСС, стала поговаривать о переезде в Москву.

Но вот, в апреле ударила перестройка, и все планы полетели под откос.

К тому времени Телегин уже закончил журфак. Он работал в молодёжной газете «Трудовая смена». Сотрудники редакции приходили после обеда, а расходились поздним вечером, часто нетрезвые. Но каждое утро, ровно в десять, после большой чашки кофе, Телегин садился за машинку и набивал главу «Генерального секретаря». Он уже плохо понимал, для чего. Скорее всего, в силу наработанной привычки, вроде гимнастики, для тонуса.

В 1989-м рукопись была закончена, отредактирована и перепечатана в четырёх экземплярах. Первую копию маменька отдала в нужные руки, и месяц спустя в Литературке появился очерк о подающем надежды молодом писателе.

Но всё уже стремительно менялось. Издательство под различными предлогами тянуло с публикацией. Для «Генерального Секретаря» уже не хватало ни денег, ни бумаги, ни покупательского спроса.

К 1991-му Телегин был почти готов. Он смиренно переправил заголовок и переписал наиболее нелепые теперь фрагменты текста. Редакция 1993 года получила название «Первый Президент». Но издателей уже не устраивал и «Президент» с его махровой партноменклатурной биографией; над освободившейся Россией витал дух ацетоновой водки и кислых приправ для шавуры.

В девяносто восьмом Телегин предлагал издателям эпopeю о династии русско-финского коммерсанта, открывшего в Питере сеть ресторанов быстрого питания «Самовар». Урезанную до восьмисот страниц эпopeю поставило в свой план издательство «Феникс». Но тут случился дефолт, и птица сгорела вместе с рукописями и планами.

Очередной римейк, который он принёс в редакцию в 2002-м назывался «Олигарх». Пока трилогию читали, олигархи вышли из моды, и рукопись сочувственно отклонили.

Наступил февраль 2004-го. Телегину стукнуло сорок четыре. Двадцать лет он работает в молодёжной газете, двадцать лет переписывает этот проклятый роман, ставший его наваждением и кошмаром. Настоящая творческая жизнь, которая, наверное, могла бы состояться, но както иначе, пролетела мимо, едва успев пролепетать «извините...». В этой, сложившейся не очень удачно, были первая жена и дочка, с которыми он не виделся после развода. Могила родителей, на которой он ни разу не был. Секретарь Ниночка, на которой он двадцать лет назад должен был жениться и которая с каждым годом всё меньше похожа на невесту. Пятьнадцать тысяч долларов за квартиру в банке, который лопнул. Сгоревшая зимой пустая полуразвалившаяся дача. Комната в коммуналке, доставшаяся после второго развода...

Издательство «Вехи», второй этаж, секретарша. Его примут.

Новая версия эпопеи называется «Законник». Это история вора в законе, достигшего высшей власти.

— Крысятника держали четверо. Гусев оттянул мошонку и стал резать её у основания тупым ножом. Нечеловеческий крик прорезал тишину тюремных коридоров.

— Откуда в камере нож? — рассуждает редактор вроде как сам с собой. — Заточка?.. Почему тупая?..

Телегин не знает, тюрьму видел только по телевизору.

Редактор пожилой, лысый, худощавый. Повидал всякого. По крайней мере, на бумаге. Листает дальше, изредка на несколько секунд замирает. У него такая отвратительная манера — находить и проборматывать вслух наиболее, как бы это сказать, ароматные участки текста...

— В коридорах государственной Думы было пусто. Гусев закрыл дверь кабинета и щёлкнул замком. Берёзкина прильнула к его мускулистому телу, ладонь скользнула под ремень...

— Прямо как в песне... — замечает редактор. — Там рябина, а у вас берёзка.

— Диван-то кожаный, холодный, а вы с меня уже трусики стащили... Какой он у вас стал большой... товарищ министр. Можно потрогать? Давайте, давайте, ближе, ешё...

Оксана Берёзкина, председатель партии «Женщины без границ», обхватила Гусева за бёдра и притянула к себе, к алым трепещущим губам.

— Где-то уже было: «Авдотья обхватила Никифора за шею и притянула к себе, к жарким трепещущим губам...» Это ладно... Только там, раньше, у вас большой кусок, страниц на сорок, заседание комитета по рыболовству... квоты... Это надо сократить. Или лучше вообще убрать.

Пока редактор листал и рассеянно бормотал вслух, Телегин понял окончательно, что всё напрасно, в несостоявшейся писательской карьере надо поставить точку. Эпизод с конфликтом по поводу квот на вылов минтая он считал лучшим из всего переписанного заново.

— А правда, что в тюрьме мужчины друг друга... ну, по-другому, совсем неприлично, сзади?..

— Бывает, если петух, опущенный...

— А у нас в Думе, такие есть?

— Кого только нет. Тут всё как в зоне, один к одному. И бугор, и мужики, и опущенные...

— А меня можешь? Как петуха?.. — Берёзкина встала на колени, прогнула спину, отбросила волосы и обернулась. «Зачем она это делает? — подумал Гусев и послюнявил палец. — Рассчитывает получить комитет по строительству?..»

— Ого... — редактор безотчёtnо послюнявил палец и перевернул страницу. — Тут у вас посильнее «Фауста» Гёте... Дальше, как говориться, детям до шестнадцати. Чувствуется глубокое знание вопроса.

Телегин покраснел и даже взмок. Какое ещё знание вопроса. Вся эта галиматья от отчаяния. Он даже матом ругаться толком не умеет. А что писать после всех этих... Кто купит книжку, если её не жгли в кострах и нетопили в гигантском унитазе?

— Тут у вас не по делу... на свадьбе говорят. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». Это на похоронах принято. Ну, душа к новому хозяину... вы понимаете.

Пока Телегин думал, редактор прицепился к другой неточности.

— А Борис Абрамыч твой — душегуб. Сколько душ невинных загубил? Одних только депутатов в думе — пять нераскрытых убийств...

— Фамилия другая, — пояснил Телегин.

— При чём тут фамилия. Сколько душ по-вашему может загубить один душегуб? Как вы себе это представляете? Да разумеется, одну, свою собственную, поэтому так и называется.

«Дурак, медведь, животное! — мысленно обругал себя Телегин. — Графоман Графоманович.

— Знаете, Александр... — редактор вопросительно поднял брови.

— Сергеевич.

— Даже так... Знаете, Александр Сергеевич, дело не в содержании, — редактор начал укладывать третий том в папку. — Дело совершенно не в этом. Всё можно обтесать, отшлифовать... когда есть материал, камень, с которым можно работать. Камень, извините, а не папье-маше с акварелью. Не вижу, нечуствую. То, что у вас, я уже видел, читал и слышал. Видел в кино, читал в толстых журналах, слышал по радио... Причём, в основной массе, когда-то давно, в семидесятых. Слова поменяли, а по сути ничего не изменилось. У вас у самого нет такого ощущения?

Такое ощущение у Телегина было. Мало того, он давно уже знал причину творческой беспомощности. Его беда заключалась в редком природном даре — абсолютной памяти. Раз что-то прочитавши или услышавши, он мог безошибочно воспроизвести это и через десять и через двадцать и даже многое через сорок лет. Когда вместе с дачей сгорел лэптоп с единственным экземпляром «Олигарха», он без малейших затруднений набил его заново, слово в слово, все полторы тысячи страниц. Уникальная способность помогала ему в рутинной работе, но не давала возможности для творчества. В голову лезли только готовые штампы — когда-то увиденные или услышанные слова, фразы, ощущения, сюжеты... Редактор правильно понял: всё написанное было невольной компиляцией когда-либо увиденного, услышанного или прочитанного.

— Но ведь покупают не за оригинальность стиля, а за пистолет и красавицу на обложке, — попытался защититься Телегин. — Вы лучше меня знаете, что за литература становится у нас бестселлером. Разве мой «Законник» хуже какого-нибудь «Антиквара»?

— Нет, не хуже. Но вы не хотите писать серию милицейских или дамских романов для электричек. Вы хотите обрушить на читателя современный «Тихий Дон», а по сути пытаетесь навязать ему еду, которую он съел позавчера. Вы можете до бесконечности менять слова, имена, должности, антураж... Но вы не избавите читателя от ощущения затхлости пыльного журнала. Извините за прямоту и примите мой добрый совет: бросьте это дело. У вас замечательная работа; именно в ежедневной газете цепится то, что мешает вам в творчестве — консерватизм и лёгкий налёт... — редактор пошевелил пальцами.

— Плесени?

— В хорошем смысле, как на куске сыра. Честное слово, я люблю читать вашу телевизионную критику — смешно и уютно, как в домашних тапочках.

— Благодарю вас.

Телегин поднялся, взял папку, запихал её в рюкзак. Редактор тоже встал и проводил его до двери.

— Просто бизнес, ничего личного, — пошутил он, подмигнул и сделал указательным пальцем «пиф-паф».

Телегин поклонился и вышел.

* * *

Теперь на работу. Полчаса пешочком до Лениздата. Нинка-как-картинка уже двадцать лет смотрит на него с одинаковым выражением. Читается приблизительно так: «Ничего не хочешь мне сказать?» По существу вопроса сказать нечего.

— Кто-нибудь звонил?

— Да, вам звонили.

Если на «вы», дело плохо.

— Женщина?

Звонят беспрерывно, но вопрос «кто-нибудь звонил?» Ниночка понимает прекрасно.

— Звонила Колтакова, по поводу аккредитации... и Кира Владимировна.

— Ага!

— Что передать Колтаковой?

— Что хочешь. Десять минут не беспокой, прошу как друга.

Телегин захлопнул за собой дверь в кабинет. Сегодня двадцать пятое февраля, день рождения Киры Берёзкиной. Сорок четыре! После очередного развода выглядит максимум на тридцать два. Она всё ещё фотомодель, и нет такого мужчины, который бы с первого взгляда не испытал к ней отчётливого физического влечения. У них был мимолётный роман в далёком прошлом. Скомканная постельная сцена во время туристической поездки. Гусеву повезло больше: он жил с красоткой на даче целую неделю. Есть подозрение, которое неприятно, что они тайно встречаются...

К чёрту. Телегин это я. Когда мне стыдно или когда придётся записывать вымышленные эпизоды, повествование будет вестись от третьего лица.

Глава вторая «СТАЛИН»

Огромный ресторан «Сталин» находится в здании бывшего кинотеатра «Ленинград» у Таврического сада. Большой зал стилизован, понятное дело, под сталинский ампир. Золото, хрусталь, тёмно-вишнёвая плюшевая драпировка, колонны, лепнина, роспись на потолке, люстра, фонтан, чучело медведя... Метрдотель похож на Леонида Ильича Брежнева. На здешнюю сцену выходили Иосиф Кобзон и Алла Пугачёва. Мужчины в «ролексах», дамы в бриллиантах. Здесь невольно начинаешь волноваться, хочется поскорее выпить первую рюмку.

Столик служебный, для своих не так дорого, тем более в складчину. Блюда и приборы — из иллюстраций к книге «Образцовая кулинария» 1953 года выпуска. Снимки делались на кремлёвских банкетах. Дичь перьях. Постаменты крутонаов, пышные папильотки. Посуда массивная, начищенная, из мельхиора. Каждая вилка застрахована.

Пианист Дима Гусев работает в штатном оркестре. Он здесь как у себя дома. Уже сидит за накрытым для нас столом, делает себе бутербродик с красной икрой. По натуре он немного авантюрист. Бог дал ему абсолютный музыкальный слух и способности виртуозного пианиста. Двадцать лет назад, в начале восьмидесятых, он играл на клавишах в легендарном ленинградском рок-подполье. Гусев, безусловно, талантливый музыкант, но, как бы это сказать помягче, разгильдяй. Поэтому уже лет десять работает в ресторане.

- Выпьешь? — говорит Гусев вместо «здравствуй».
- Нет.
- ??!
- Не ел, не спал. Переволновался. Потом выпью, со всеми.
- Как скажешь.
- Кого ждём? Берёзкину и Енукидзе?
- Енукидзе?..
- По телефону ты сказал, что она пригласила четвёртого мужа.
- Енукидзе — третий. Разве я сказал «третий»?
- Тогда... Зюскевич? С чего вдруг?
- Ему светит Нобелевская премия.

— Хочется верить. Кстати! Откуда ты знаешь?

— Ну... мы с Кирой случайно... Виделись. Пару раз, на той неделе. Сама позвонила. У женщин такое бывает.

Я ощущал ревность, которой никогда не испытывал по отношению к законным мужьям Берёзкиной.

— Скотина.

— Да ладно, они сами не знают, чего хотят. Тебе налить?

— Давай. Водки.

Берёзкина, Гусев и я — одноклассники, все трое 1960-го года рождения. Это великая тайна. Сколько лет Берёзкиной, кроме нас, знают только её бывшие мужья. Миня Зюскевич — последний и самый молодой из мужей, ему только что стукнуло тридцать три. Он типичный «ботаник», человек науки. В 1994-м Кира почему-то вышла за него замуж. Возможно, она интуитивно поняла, что он гений. Возможно, рассчитывала на Нобелевскую премию. Но пять лет ожидания не принесли ни славы, ни денег, ни даже большого женского удовлетворения. А годы летели мимо как столбы за окном вагона. Развод был мирный и цивилизованный. Не считая того, что Миня ползал по паркету и пытался целовать ей ноги.

А вот и он.

— Добрый вечер.

Мы с Гусевым поднялись и протянули руки. Зюскевич выглядывал из-за букета цветов. Бабочка в горох сбилась на бок. Легко догадаться, что в кармане пиджака коробочка с дорогой побрякушкой. Гусев принёс кувшин, и букет поставили в центре стола. Теперь сидевшие напротив, чтобы увидеть друг друга, были вынуждены наклоняться.

— Выпьешь?..

Чокнулись «за встречу» и выпили. С Зюскевичем, на его свадьбе, пили на брудершафт и с тех пор были на ты.

— И никаких воспоминаний, — сказал я Гусеву многозначительно.

Берёзкиной неприятно, когда ей напоминают о школе в дремучих семидесятых, а то и шестидесятых. Она тогда вроде как ещё не родилась.

После выпитой натощак рюмки Зюскевич раскраснелся и стал вертеться, с нетерпением дожидаясь появления своей всё ещё любимой женщины.

И она появилась.

Она издалека помахала рукой и улыбнулась. Потом пошла между столиков и мужчины, переставая слышать собеседниц, оборачивались на её «98-65-98», и глаза у них становились масляными, с поволокой.

— Привет, мальчики.

Встретили стоя, расцеловались чисто символически, едва коснувшись, дабы не испортить. Пробормотали банальное, протянули подарки. Зюскевич — колечко с камешком; я, на правах близкого друга, — две сотни евроренег в конвертике. У Гусева подарка не было, но он всё организовал и находился, вообще-то, на работе, что сбивало с толку. Он начал шептать Берёзкиной в ухо, но та милостиво отмахнулась:

— Да ладно, вообще не надо.

— За мной, за мной, — пообещал Гусев, испытывая, скорее всего, облегчение.

Глава третья ПРОГРАММА ВНУТРИ

Прошло часа два или три. Именинница танцевала с незнакомыми кавалерами, Гусев работал в оркестре, лишь изредка, в перерывах, подсаживаясь к нам. Мы сидели вдвоём с Зюскевичем, уже сильно выпившие, пили ещё и разговаривали. Я говорил о самом важном.

— ...Понял давно. Признаваться не хотел. Боялся.

— Кому? — говорил Зюскевич, роняя пепел себе в рукав.

— Я боялся признаться самому себе, что всю жизнь занимаюсь не своим делом.

— А что такое?..

— Я пишу роман.

— Да-да, эпопею. Все знают.

— Смешно?

Зюскевич удивлённо помотал головой.

— Вот именно. Это даже не смешно.

— А сейчас все пишут. Скачивают программу и пишут.

— Какую программу?

— «Логос». Сто тысяч цитат, изречений и афоризмов.

— Ну и что?

— Берёшь за основу какую-нибудь экзотическую хрень, вроде арабских сказок. Чтобы стиль. Ну, не Маринина...

— Понятно.

— Подставляешь немного другие имена, немного другой сюжет. Можно перенести в нашу реальность. А самое главное, после каждого осмысленного куска вставляешь умное отступление. То есть, допустим, ключевое слово этого куска «лошадь», ты вводишь в программу «ЛОШАДЬ» и выбираешь цитату. Или две. Пишешь своими словами. То есть, в стилистике тех же арабских сказок. И так страниц на четыреста. Чем не Пуэльо? А читателю приятно, что не Донцова, что он вроде как приобщается...

— Коэльо. На четыреста много. Сейчас столько не читают. Двести страниц за уши. Только мне уже не надо.

— Правильно, лучше не надо. Начнёшь думать, что ты в правду талантлив. Это не надо.

— Не надо.

— Но важнее всего детали. Допустим, если на почте, то обязательно указать, что пахло сургучом, а в сарае — прелым сеном. Метафоры, вроде того, что лужа под деревом похожа на спящую цыганку...

Я стал думать, что раньше совершенно не знал Зюскевича. Мне мешало его понять то, что он влюблён в Берёзкину.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Пишу такую программку для шефа. Он маршал Советского союза, хочет мемуаров.

Мы чокнулись и выпили.

— Или ещё есть такая штука — «Литератор», — продолжал Зюскевич.

— Для стилизаций.

— Что делает?

— Сама пишет.

— Может сочинять?

— Ну так. Немного. Стилизации.

— Объясни.

— Ну, представь, что твоя фамилия Акунин, а ты хочешь писать как Гоголь.

— Или как Чехов.

— Как Гоголь или как Чехов. Хочешь?

Я кивнул и махнул рукой.

— Ты садишься за стол и выписываешь на нарезанные квадратики начала, середины и концы фраз. Из Гоголя или Чехова. Складываешь в три кучки и перемешиваешь.

— Как домино.

— Как домино. Потом раскладываешь по три карточки...

— Ага!

— ...Получаются новые предложения.

— Фигня. Легче написать.

— Кому как. Кому-то, может быть, легче бумагу резать.

— Картон.

— Картон! А кому-то легче написать.

— У Сорокина есть. Куски. Клоны пишут.

— Да, точно. Типичные такие болванки текста. Как будто мёртвый написал. Зомби.

— А что программа?

— Она делает. Там, внутри. Эти тексты. Книги. Нажал — «Три мушкетёра», нажал — «Собор Парижской Богоматери»...

— Два.

— Как?..

— «Три мушкетёра-два». Сиквел.

— Точно. То есть, конечно, надо ещё править. Редактировать. Но главное уже есть. Болванка. Массив художественного текста. Делается одной кнопкой. Раз — и готово.

— С сюжетом всё равно будет проблема.

— А если без сюжета? Я читал. Такого тоже много.

— Можно без сюжета, — кивнул я. — Джойс, Кафка, Пруст... Поток сознания.

— Поток?..

— Ну, бывает. Талант есть... а писать нечего. Тогда пишут просто так, ни о чём, поток сознания.

— А кто читает?

— Критики любят. Но это другое. То, что ты говоришь, — рыба.

— Рыба?..

— Ну, твоя программа. Песни сочиняют. Сначала музыку. Стихов нет. Поют рыбу — тары-бары-растабары... набор слов. Потом поэт сочиняет. Болванка называется «рыба».

- Нет, не «тары-бары», там уже заложено...
- Я понял.
- В чём проблема?
- Проблема в том, — я поднял глаза на Зюскевича, — что ЭТА ПРОГРАММА У МЕНЯ В ГОЛОВЕ.

Зюскевич несколько минут думал. Он гений. Хотя и пьяный. Он всё понял.

- Такая хорошая память?
- Четыреста томов Библиотеки Всемирной литературы. Плюс всё заметное, что выходило после перестройки. Вот это особенно, хотелось бы... удалить. Ну, delete по вашему.

— Почему?!

- Не хочу. Моя голова, имею право. Потому что вообще больше не хочу. Завязал.

Зюскевич не понял. И начал смотреть на бутылку.

— Не туда!! Писать.

— А... Это ничего. Эпопею?..

— И вообще. Эпопею в первую очередь. Сожгу.

— Правильно. Как-то она тебя не радует. Чисто по жизни.

— Отсюда как стереть?! — я постучал себя ладонью по голове.

- Н-не надо. Нельзя. В психику нельзя. Туда, в ум, нельзя. Ни в коем случае.

— А как? Как избавиться?

- Ну как... Ну, допустим, если ты заехал куда-то... Как от этого избавиться?

— Не понял.

— Ну, ты повернул и заехал... не туда. Что делать?

— Вернуться.

— Вернуться — и — выбрать — правильную — дорогу.

Ошибочно приняв последнюю фразу за метафору, я надолго задумался.

— Дзен-буддизм?

— Куда? — не понял Зюскевич.

— Вернуться и выбрать правильную дорогу. Дао? Дзен-буддизм?

— При чём тут дзен-буддизм. Это, скорее, научная фантастика. Машина времени.

- Машина времени?
- Ты в каком возрасте всю эту... трехтомию читал?
- Что?
- Всемирную библиотеку.
- В четырнадцать... в пятнадцать.
- А кем ты хотел быть? В смысле профессии?
- Это... продавать мороженое. Нет, тогда уже космонавтом, то есть, моряком загранплаванья. Чтобы привозить жевачку и джинсы.
- Стало быть, в четырнадцать ты ещё был совершенно здоров.
- Так.
- Что мы делаем, — Зюскевич вынул ручку, попытался что-то смело изобразить на салфетке, но порвал бумагу и спрятал ручку. — Короче. Засыпаем тебя машиной времени туда. И ты — не читаешь.
- Куда, что?..
- Не читаешь книг. Тебе четырнадцать лет. Максимум — листаешь порно. Занимаешься онанизмом и каким-нибудь лёгким спортом на свежем воздухе. Растёшь здоровым и крепким. Чтобы не сублимировалось. Чтобы вообще не было потугов к творчеству. Не напрягаешься с учёбой в школе. Идёшь работать... официантом. Или товароведом. Начинаешь любить деньги; после смены любовно разглаживаешь каждую бумажку. Ты свободен, ты счастлив, ты уверен в завтрашнем дне.
- Отличная идея. Я согласен.
- Мы встали и обменялись рукопожатием.

Глава четвёртая ПОЯВЛЯЕТСЯ ОРАНГУТАНГ

Оркестр сделал паузу, пришли Гусев и Берёзкина. В выражении лица Гусева некоторая важность — признак того, что он добрал до своей средней дозы. Кира раскраснелась и вспотела. Она не теряет надежды встретить своего Билла Гейтса и танцует со всеми незнакомыми мужчинами. Мы, трое за столом, в неё влюблены. Гусев совсем немного, я — порыцарски, уже без притязаний. Зюскевич готов отдать жизнь. Разумеется, что доступ к телу красавицы имеет Гусев.

— Что случилось? — поинтересовалась Берёзкина, имея в виду ру-
копожатие.

— Я завязал...

— Что!

— Не пить. Это... с этим, с литературой, грамматией.

Кира смотрела на меня и соображала. Группу поддержки пред-
ставлял Зюскевич, и она решила не напрягаться.

— Бедняжка. У тебя в жизни останется одна работа. Нужно подо-
брать тебе занятие. Какой-нибудь лёгкий спорт на свежем воздухе... вроде
игры в городки. Такие бодрые пожилые дядечки в пулloverах, слегка под-
шофе.

— Я ещё не пожилой.

— Телегин, у тебя есть мечта?

— Есть. Она... слишком большая.

— Насколько она большая?

— Для начала пятьдесят... лучше семьдесят тысяч.

— Выбраться из коммуналки?

— Какая же это мечта. Тыфу.

— Тогда что? Новенький педальный автомобильчик?

— Газету. Свою.

— Свою газету! — обрадовался Зюскевич.

— У газеты должен быть олигарх... — сказал Гусев. — То есть, наоборот.

— Не такую! — замахал я пальцем перед его носом. — Телепро-
граммку. Скромную. Но хорошую. Такую... нового типа.

Кира притянула к себе мою голову и звучно поцеловала её в губы.

— Умница. Я бы тебе дала, честное слово.

— А сколько есть? — спросил Гусев.

— Ничего нет. Я живу на проценты.

— А в агентстве сколько платят? — настаивал Гусев.

То время, когда Берёзкина могла быть моделью мирового класса,
пришлось на совковые 80-е. Теперь она снималась для раздела женщин
бальзаковского возраста.

Заграл оркестр, Гусев опрометью бросился на сцену.

Кто-то прислал на наш стол бутылку дорогое вина. Официант наклонился к Берёзкиной. Она оглянулась. В другом конце зала приподнял ладонь мужчина лет пятидесяти. Даже с этого расстояния было видно, что рука у него сильно волосатая, а часы золотые.

— Ого... — произнесла Кира, сделавшись серьёзной. — Вот это встреча...

Мужчина оскалился улыбкой, поднялся и приблизился. Он оказался широкоплечим и приземистым, с необычайно длинными, большими и, по-видимому, сильными руками. Всё на нём было очень дорогое. Кира подала ему руку, и они вышли на медленный танец. Дама оказалась едва ли не на голову выше своего кавалера.

Мы долго и уныло смотрели. Официант принёс винные фужеры и откупорил подаренную бутылку. Мы выпили водки.

— Как она может танцевать с этим орангутангом, — злобно проговорил Зюскевич.

— Расслабься, она ему не рада. Беда в том, что женщины покупаются и продаются. Проститутки делают это явно, остальные хитро.

— Дело в том... Я сам хочу её купить. Я смогу перебить любую цену. Пусть только подождёт.

— Она больше не может ждать. Ей сорок четыре.

— Чего она хочет?

— Ей нужны серьёзные отношения с каким-нибудь серьёзным типом.

— Я на пороге открытия, которое перевернёт всё.

— Если у тебя есть машина времени, — приблизился я к нему и понизил голос, — она твоя. Она будет просить, плакать и унижаться.

— Но зачем? Она и так молодая. Она выглядит на двадцать восемь.

— Знаешь, как говорят у них в модельном бизнесе? Если женщина выглядит на двадцать, поставьте рядом двадцатилетнюю.

— Ерунда, они там все как пауки в банке...

В перерыве пришёл Гусев, а Берёзкина подсела к орангутангу в другой конец зала. Мы не имели понятия, кто он, но мы его ненавидели.

Потом она приблизилась к нам и сказала:

— Мальчики, держитесь за стулья. Обстоятельства резко изменились. Сейчас я уйду. И никаких истерик!

Мне показалось, это слишком. Она могла поступить так со мной и с Гусевым. Но не с Зюскевичем, которого обнадёжила и которого, возможно, по своей женской глупости, недооценивает.

— Это твой самый подлый и глупый поступок с тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, — мстительно сказал я.

— Что?..

Я отвернулся.

Кира сверкнула глазами на Зюскевича, но он тоже отвернулся.

Через пару минут нам принесли записку из гардероба: Продолжайте без меня, расходы оплачены.

Орангутанг оплатил вперёд все наши мыслимые расходы и чаевые.

В следующем перерыве Гусев сходил к метрдотелю и всё разнюхал. Похитителем оказался всемирно известный доктор Борг. Пластический хирург, генетик и что-то ещё и ещё — зловещий карл с тянувшейся за ним бородой из званий, степеней и заслуг перед отечеством. Я не удивился, потому что злодеям, по законам кино, положено быть пластическими хирургами. Патологоанатомы, к примеру, все как один душки и симпатяги.

— Странная фамилия — Борг.

— Лев Гургенович... Грузин?

— Не то, — сказал я. — У него нет национальности. Он просто «гроб».

— Что?

— «Гроб» — перевернули.

— Кто перевернул? — всё ещё не понимал Гусев.

— Кто это пишет. Эту книгу.

— Книгу судеб?

— Да...

Зюскевич тем временем окончательно расклеился и заплакал.

— Перестань, — сказал я, разозлённый на Берёзкину и проливая водку мимо рюмок, — не такая она красавица. Как теперь можно договариваться. Покровы таинственности сброшены. Не настолько она упруга, белолица и румяна. Всё непонятное в итоге оказывается проще пареной репы. Теперь я тоже знаю секрет вечной молодости. Он называется «пятьдесят тысяч баков для доктора Франкенштейна». Всё враньё, надувательство,

бутафория, графика, спецэффекты. Растворяющие, подтяжки, вязь, шитьё, арматура по всему телу. Дёрнешь за узелок и пппп...

Зюскевич взял свою рюмку, и она застучала по зубам. У него началась истерика:

— Я! Я сам могу вернуть ей молодость. Настоящую, без этих... фокусов. Я мог ей это подарить. Но теперь... пусть просит, пусть унижается. Я так хочу. Понял? Вы оба поняли? Да?!

— Хорошо, хорошо. Как скажешь.

Глава пятая КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

В гардеробе Лев Гургенович помог Кире набросить на плечи шубу, они вышли из «Сталина» и залезли в чёрный BMW, заднюю дверцу которого придерживал шофер в запорошённой снегом форменной фуражке. Утонули в бархатных сидениях, Борг налил шампанского, звякнули бокалами. Машина оставила позади Литейный мост, выехала на Выборгское шоссе и помчалась вперёд, просвечивая и рассекая пелену снега.

— Всё в порядке?

— Да... Почти. Немного здесь... прикус.

Борг взял голову спутницы и развернул к свету.

— Открой. Шире.

Кира раскрыла рот.

— Сомкни. Челюсть вперёд. Назад.

Борг откинулся и закурил.

— Что? — сказала Кира смиренно.

— Это нормально. Будем немного работать с ушами и подбородком.

— Но мне казалось...

— Не надо ничего казаться. Надо было проходить на осмотр, соблюдая наши договорённости.

— Но, Лев Гургенович... вы не позвонили... я не знала...

— Хорошо, хорошо, не плачь. Не надо «Лев Гургенович». Скажи как тогда, как раньше...

Кира взяла руки Борга в свои руки, поднесла к мокрому лицу и поцеловала.

- Лёвшка, Лапа...
- Всё хорошо, не плачь, — он обнял Киру за плечи. — Одна небольшая корректировка, и опять будешь как новенькая.
- Мы едем на осмотр?
- Нет, я уже смотрел. Мы едем на операцию.
- Что... Сейчас?
- Нет, не сейчас, не сразу. Это займёт некоторое время, месяц. Поживёшь там, у меня.
- Но я и так должна...
- Конечно, детка, ты меня огорчила. Но я не просил денег. Я всего только хотел видеть результаты своего труда. Я только просил, чтобы ты приходила осмотреться. Зачем так сделала? Просто пообещай, что будешь слушаться.
- Да, я обещаю... — всхлипывая, Кира покрыла мокрыми поцелуями ладонь Борга.

Почти десять лет назад, летом 1994-го, Кира познакомилась с этим человеком. Сначала в её уборную внесли корзину с цветами и записку, затем появился и он сам. Он был невысок ростом и широк в кости. У него были огромные волосатые руки. От него исходила первобытная энергия грубой мужской силы. Он пригласил поужинать, и она пошла как кролик на удава.

Тогда Берёзкиной уже было тридцать четыре. Этот год был её лебединой песней на подиуме. Ничего другого она делать не умела. Каждый этап её жизни становился более или менее удачным замужеством.

Борг привёз её в своё сказочное, по любым временам, поместье под Выборгом и повёл себя как джентльмен. Ей была предоставлена полная свобода, катание на яхте по заливу, теннис и послеобеденная дрёма на берегу сверкающего бассейна. Таинственный незнакомец вёл себя как лесное чудище; он во всём угождал гостью, не навязывая своего общества. Тактика сработала: спустя несколько дней они сделались любовниками.

Ошарашенная не свойственными её северному темпераменту многократными оргазмами, Берёзкина признала в любовнике хозяина, она стала робеть перед ним, ей захотелось угождать ему.

Однажды он зашёл к ней в комнату и жестом, ставшим впоследствии для Кирьи привычным, повернул её голову к свету. Затем, поводив пальцами по её лицу, шее, груди, животу и бёдрам, внезапно скомандовал:

— Приготовьте всё.

Кира не упала в обморок и даже не испугалась. Она покорно легла на операционный стол и вдохнула снотворный газ. Лёвша, бог и царь, обещал ей десять лет молодости. Она не знала, что он будет резать, где шить, не знала, как будет расплачиваться, если они расстанутся, и если он вдруг потребует денег.

Когда бинты сняли, она ощущала себя девочкой-подростком, настолько ладно и аккуратно всё было на ней пригнано.

Потом умерла мама в деревне под Новгородом, она туда поехала и прожила там, на родном пепелище, четыре месяца, не снимая с головы чёрного платка. Любовь к доктору Боргу она теперь воспринимала как помутнение рассудка, вызванное, скорее всего, психологическими, анатомическими или медикаментозными манипуляциями.

В канун нового 1995 года она вернулась в Питер. Уплатив неустойку, выгнала постояльцев из квартиры и устроила вечеринку. До прихода гостей она только приняла душ и причесалась. «Деревенский воздух делает чудеса», — пропел изумлённый хор.

Но вот этот человек снова рядом, и она снова полностью в его власти.

Засигналил телефон, Борг поднёс маленькую трубку к большому волосатому уху.

— Что? В Пулково? Вы с ума сошли. Я еду в противоположном направлении. Неужели в Корее нет других квалифицированных врачей? Мне наплевать, я не занимаюсь политикой.

Позади послышался тяжёлый гул: догонявший машину вертолёт ослепил мощным прожектором.

— Что за голливудские трюки, я не Джеймс Бонд, убирайтесь!..

Но связь уже прервали, вертолёт встал посреди дороги, машина остановилась. На минуту сделалось тихо. Борг повернулся к спутнице.

— Можете ничего не объяснять, — сказала Кира. — Попросите, чтобы меня отвезли обратно в город. Я ещё успею вернуться на свой день рождения.

— Нет, нет, это уже слишком. Я вас похитил, а теперь вынужден бросить на половине дороги. Я чувствую вину не только перед вами, но и перед вашими друзьями. Пригласите их в мой дом. Клянусь, вас будут обслуживать по-царски. Завтра за обедом я уже буду сидеть вместе с вами, трижды клянусь.

— Поторопитесь, вас ждут.

— Вы согласны?

— А вы понимаете, что они заблюют вам все ковры?

— У меня больше нет ковров. Совершенно новое решение интерьера.

— Они прожгут сигаретами ваше новое решение.

— Куплю всё новое. Миссия будет выполнима!

Борг пожал её руку, выбрался наружу и, прикрываясь воротником, побежал к вертолёту.

Винт загудел, машина оторвалась от дороги и, накренившись вперед, стремительно умчалась в темноту. Кира достала из сумочки трубку, вздохнула и набрала номер.

Глава шестая

НАКЛЁВЫВАЕТСЯ ПОЛЕЗНОЕ ЗНАКОМСТВО

Оркестр делал очередной перерыв, поэтому я услышал сигналы своего телефончика. Пытаясь перекричать общий гул, он надрывно, старательно и без ошибок, выпискивал марш гномов из диснеевской «Белоснежки».

— Хей-хо, — сказал Гусев, усаживаясь на своё место.

— Слышишь... — я достал телефончик. — Да.

Берёзкина сидела рядом с «орангутангом», тоже держала трубку, махала рукой и улыбалась.

Зюскевича с нами уже не было. Однажды он, схватившись за рот, выбежал в туалет и больше не вернулся. После Гусев утверждал, что видел из оркестра, как за Зюскевичем из разных частей зала, словно тени, проследовали люди. На фоне слухов о предстоящей Нобелевской премии и учитывая секретность его работы, в это можно было поверить.

— Что такое? — поинтересовался Гусев.

— Предлагает переместиться в гости к этому...

Подсела Берёзкина, и мы втроём выпили.

— Ты так и будешь... курсировать? — сказал Гусев.

— Правда, поехали, у него здорово.

— К этому? Боргу? — я тревожно встрепенулся.

— К какому ещё... моргу? В гости к Георгию Семёновичу.

— Разве его фамилия не Борг?

— Его фамилия Кварцхава.

— Но он пластический хирург?..

— Он владелец медиа-союза. Один из богатейших людей Европы. Телевидение, радио, модные журналы... Знаешь, что он сказал? «Лары-сочка, кирасавица, ты будешь лицом журнала. Специально для тебя: журнал «Женщины бальзаковского возраста»».

— Он сильно пьяный?

— Нет, он вообще не пьнеет.

— Почему же он называет тебя Ларисой?

— Он так шутит. В действительности он говорит без акцента. Он еврей, а не грузин.

— Он шутит, а ты готова поверить?

— Когда дело касается денег, он всё-таки не шутит. Под журнал на-верняка готов бизнес-план, и моя кандидатура обсуждалась. Я уверена, что он здесь не случайно. Он здесь ради встречи со мной. Так, в непри-нуждённой обстановке.

Мы все помолчали, взвешивая её слова и искоса поглядывая на сидевшего в другом конце зала медиа-магната. На сцене под фонограмму дрыгали ногами девушки из кордебалета, Кварцхава улыбался, попыхивал сигарой и прихлопывал в ладоши.

Мы подумали: а почему бы не поехать к нему в гости. Знакомство с таким человеком может буквально перевернуть жизнь. В-общем, так и случилось.

Вскоре мы залезли в его лимузин и, пока я собирал в кучку пьяные мысли, приехали.

Кварцхава занимал не дом, даже не этаж, а квартиру. Хотя очень большую и богато обставленную. Вернее сказать, оборудованную. Если бы он был не медиа-магнатом, а, допустим, сахарозаводчиком или торговал газом, наверняка купил бы дом с коврами и ходил бы в атласном халате с кистями. Детей у него не было, зато была игровая комната с барной стойкой. Мы с Гусевым надели шлемы-симуляторы, пристегнулись в раскачивающихся креслах и устроили вертолётный воздушный бой над Нью-Йорком. Потом засели в орбитальную крепость и отражали атаки космического агрессора, не забывая хлопнуть по рюмке-другой после каждого успешного гейма.

Когда за нами пришла Берёзкина, оказалось что уже утро. Мы с Гусевым хлопнули по полной, а закурили уже в лимузине. Хозяин сам проводил нас до машины.

— Как поговорили? — поинтересовался я, ненадолго приободрившись от выпитого — ровно настолько, чтобы добраться до постели.

— Реклама сухих прокладок и затычек будет радовать телевизионного зрителя? — сказал Гусев.

Берёзкина, промолчав, таинственно улыбнулась.

Глава седьмая ДОЛЛАР НЕНАДЁЖЕН

Ближе к вечеру меня разбудил телефонный звонок. Я нащупал трубку и прохрипел «алло».

— Александр Сергеевич? Как самочувствие? — раздался бодрый голос Кварцхавы.

Я открыл глаза, сел на кровати и, предельно сосредоточившись, вспомнил имя и отчество.

— Спасибо... Георгий Семёнович.

— О! Да вы совсем молодец. Вчера мы так и не поговорили.

Я подумал, что сейчас он назначит встречу, но Кварцхава приступил к делу прямо по телефону.

— Через месяц у меня будет дециметровый канал. «Кварц-ТВ». Шестнадцать городов. Нужны толковые люди. Хотите работать?

— Я не работал на телевидении.

— У вас хорошая колонка в газете. Как это... «Вид с кровати»?..

— «Телевидение. Взгляд с дивана».

— Точно! Всегда читаю. Метко, смело, ядовито. То, что мне нужно. Вы заводной, у вас внутри есть свежая батарейка.

— Благодарю...

— Мне нужен редактор развлекательных программ. Новичок, не испорченный рутиной и дрягами. Фантазёр, способный удивить. На первых порах зрителей следует чем-то ошараширить. Грубо, цинично, на уровне балагана.

— Ниже пояса?

— Ниже и даже глубже. Шутка. Одним словом, подумайте.

— Хорошо...

— Второе. Ваша новая газета, программка. Она заложена в проект. Впоследствии сможете выкупить её для себя лично, если будет желание. А пока зайдите в наш офис и подпишите бумаги. Начинайте с нуля — так, как вы хотели. Арендуйте помещение, нанимайте людей, покупайте оборудование...

Я потерял дар речи и произнёс нечленораздельное.

— И не забудьте положить себе оклад. С сегодняшнего дня. Две, две с половиной тысячи, для начала.

— А-а-а...

— Евро, разумеется. Доллар не надёжен.

Глава восьмая ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ССЫЛКЕ «BLACK»

В это время Гусев уже сидел в «Сталине» перед сценой и по-купечески размашисто хлопал кордебалету. Час назад Кварцхава назначил его главным редактором музыкальных программ на «Кварц-ТВ». Гусев был тип безответственный, шкодный, но везучий. Абсолютно всё шло ему на

пользу. Лично мне казалось, что он в этой жизни беспрестанно катается как сыр в масле. Он легко вписывался в авантюры, вроде поездки в Китай за партией дешёвых таблеток от импотенции. И всё получалось — и поездка в состоянии непрерывного подпития, и покупка, и запланированная прибыль по возвращению.

Хотя игра на пианино не была ему в тягость, работа в ресторане порядком осточертела. Те же лица, те же мелодии, те же полы и стены, те же запахи со стороны кухни. Перспектива работы на телевидении виделась ему новой счастливой жизнью. Повесив трубку, он незамедлительно хлопнул пару рюмок, после чего заявился в «Сталин», чтобы утереть носы бывшим коллегам. Вчера ему разрешили взять выходной; его появление в зале было вызывающим и нелепым.

Время шло, и Гусеву самому смертельно захотелось поиграть. Да так, что буквально зудели и ходили ходуном пальцы на руках и на ногах. Он поднялся и решительно направился за кулисы, к своему инструменту.

Но его не пустили. Здоровенный охранник в безукоризненном костюме, сказал ему:

— Витёк, не надо.

— Ты чего? — удивился Гусев и попытался отодвинуть охранника, но от этого усилия сам пошатнулся.

— Иди домой, Витёк. В менты ведь сдадут, шеф велел, как другу говорю.

— В менты?..

Гусев подумал, что такого рода подлянка как раз в духе директора ресторана. А проблемы ему сейчас нужны меньше всего. Он расплатился, сунул начатую вторую бутылку коньяка во внутренний карман и направился к выходу.

Оркестр делал паузу между номерами. Не удержавшись, Гусев обернулся и крикнул:

— Лабухи!

— До-ре-ми-до-ре-до, — негромко отозвался саксофонист.

— Бездари!

— До-ре-ми-до-ре-до! — невпопад отозвался весь оркестр.

Гусев свистнул в два пальца, но свист потонул в звуках.

Повалил снег. Гусев шагал по бульвару в сторону Литейного и подмигивал всем женщинам, а иногда, по ошибке, и юношам. Кто их разберёт

в темноте и юнисексе. На нём самом была пушистая шапка с опущенными ушами, а куртка была расстёгнута, потому что время от времени он доставал из-за пазухи бутылку и делал глоток из горлышка.

На углу, возле станции метро, он остановился прикурить. Спички были, но он подошёл к молодёжи, чтобы пообщаться. Два парня и девушка не отказались выпить. Бутылка, несколько раз пройдя по кругу, опустела. Ребята предложили ехать в общагу. Что такое «институт маркшейдерского дела» Гусев не знал, но приглашение принял с удовольствием.

Потом была водка в номере, водка с соком через трубочку на ежевечерней студенческой «дискотеке», водка в других номерах, с чернокожими студентами, дружное пение под раздолбанное пианино песен из репертуара Бориса Гребенщикова, пальцы, липнущие к клавишам от сладкого коктейля, попытка исполнить «что-нибудь из «Нирваны», делегация соседей с требованием уgomониться, экзотические объятия совершенно чёрной студентки, полный мрак.

Гусев проснулся в номере один, голый. Светло. На столе — записка. В записке — караокули непонятно на каком языке. Оделся, оглядел стол, сунул записку в карман, допил выдохшееся шампанское, прикурил окурок.

Деньги, документы на месте, потратил немного. Если бы остался в «Сталине» потратил бы больше. Хорошие ребята, студенты. Ребята... Им по двадцать-тридцать, ему — сорок. Не такая уж пропасть между ними. Вспомнил, как орали песни под фортепьяно и покраснел. Особенно на псевдоанглийском... не стоило.

Опасаясь встретить кого-то из вчерашних друзей, опустив глаза, спустился вниз и вышел на Малый проспект Васильевского острова. Остановил такси, назвал свой адрес, плюхнулся на заднее сидение, с облегчением вздохнул. Поехали. Гусев попытался вспомнить свой секс с негритянкой, но ниекса, ни даже её самой не вспомнил. На свету их было много, а потом, в темноте... В голову лезли всякие картинки, но, скорее всего, не из жизни, а из порносайтов по ссылке «black». После такой дозы подробности проявляются в мозгу постепенно, дни и недели.

Приключение с экзотической красоткой (в том, что он имел дело с красоткой, Гусев не сомневался) нравилось ему всё больше. Несомненно,

думал он, надо будет нагрянуть к ней ещё разок... Ему чертовски захотелось общения с женщиной.

Едва поднявшись к себе в квартиру, он подошёл к телефону и позвонил Берёзкиной.

— Как успехи?

— Ещё сама толком не поняла. Всё так быстро...

— А на личном фронте?

— Я с ним не сплю.

— Никаких поползновений?

— Брось, человек конкретно помешан на своём деле. За кого ты меня вообще принимаешь? Будто мне не с кем встречаться.

— С кем? — мурлыкнул Гусев.

— Кое с кем, — мурлыкнула Берёзкина.

— Ну, так я жду?..

— Ну так жди...

Гусев прилёг и задремал. А разбудил его звонок в дверь. На пороге стояла Кира Берёзкина. Ему по жизни вообще ничего не нужно было делать, всё само плыло к нему в руки.

После долгого, похотливого и утомительного секса с белой женщиной Гусев захотел остаться один. Он получил всё, что хотел, присутствие любовницы начало его тяготить. Так бывало всегда, Берёзкина это чувствовала и назло не уходила.

— А во сколько у тебя это... — сказал он будто рассеянно после долгой паузы и потянулся за сигаретами, — деловое свидание?

— А я не тороплюсь, — ответила Берёзкина, помолчав.

Гусев покурил, зевнул, встал и, сверкнув голой задницей, прошагал в туалет. Потом ещё минут десять стоял под душем. Ему хотелось есть, пить, спать, смотреть телевизор... Он решил как-нибудь уже более решительно намекнуть. Вышел из ванной, запахнулся в халат... и встретился с глазами Берёзкиной. Что-то было не так. В её руках была мятая бумажка, в глазах — паника.

— Что это?.. — сказала она.

— Это? Что это? — повторил Гусев, перепугавшись.

— Откуда? Кто это написал?

— Н-не знаю.

— Я подняла с пола. Это выпало у тебя из кармана, когда ты раздевался.

Гусев понял: та самая записка на непонятном языке.

— И что там написано? — поинтересовался он, усаживаясь в кресло. Немного расслабился, открыл пиво, поднёс горлышко к губам. Не могла же, на самом деле, Берёзкина владеть африканскими языками.

— Не знаешь, что написано?

— Прочти, пожалуйста.

— Про-вер-са на вса-кий слу-чай.

— Что?! — поперхнувшись, Гусев облил себя пивом.

— Английскими буквами.

Вот этого юмора он с бодуна тогда даже не понял.

— Что?.. Дай!

Выхватив бумажку, впился глазами в закорючки, а кадры уже мелькали дальше написанного: анализ крови, СПИД, огласка, долгая смерть прокажённого в одиночестве.

Вдруг его оглушил удар, другой, третий... Сначала ладонями, потом кулаками... Гусев скрючился и сгруппировался; теперь удары приходились по рукам и затылку.

— Ой-йоо!.. — вскрикнула Берёзкина, отошла и затряслась рукой. — Тв-варь...

Голова оказалась твёрже кулака.

— Ну всё, — сказала она и стала быстро одеваться. — Если триппер — тебе не жить. Понял? — она схватила его за волосы и подняла лицо к свету.

— Сейчас пойду... сегодня... завтра проверюсь.

Берёзкина плюнула ему в глаза и хлопнула дверью.

— Если триппер, чего ж не жить... — пробормотал Гусев.

Кира была женщиной, закалённой в боях. Если бы её, условно говоря, откуда-нибудь выгнали и хорошенко попинали ногами, она бы встала, отряхнулась, вытерла платочком кровь под носом — и начала всё с начала.

У Гусева не было опыта серьёзных неприятностей, по крайней мере таких, какие напрочь вышибают из седла людей слабовольных. Он

не был трусом и мог порисоваться в условиях, опасных для жизни. Но тут он запаниковал. Где-то он слышал, что СПИДом на африканском континенте инфицировано едва ли не девяносто процентов коренных жителей. В долгом, позорном и мучительном умирании, когда тело отказывается подчиняться и гниёт заживо, нет места для куража. Это не какая-нибудь звонкая дуэль на шпагах...

И он твёрдо решил жить не больше месяца, если анализ крови покажет, что всё плохо.

Глава девятая КАТАСТРОФА

Прошло три недели. Два раза Кварцхава собирал нас и других редакторов для выработки стратегии и подведения итогов. Всё шло как нельзя лучше, новый телевизионный канал был готов к мощному информационно-развлекательному старту. К этому времени Гусева с нами уже не было. Не то, чтобы он умер от СПИДа или застрелился, я вообще не знал об этой истории. Просто он запил и сошёл с дистанции. Кварцхава назвал это «одной из возможных потерь, заложенных в смету изначально».

Падение Гусева началось с драки в общаге на Васильевском, где ему били морду чернокожие братья. Подоплёка истории была мне тогда совершенно неизвестна. Вопросы, обращённые к Берёзкиной, натыкались на холодное отчуждение и даже, как мне казалось, злорадную усмешку.

Потом было не до этого. Я сам попал в такую историю, страшнее которой не придумать.

В понедельник пятнадцатого марта я получил наличными сумму, необходимую для выхода первого номера моей альтернативной программки. Это был журнал книжного формата, удобный, подробный, информативный, с расписаниями всех «говорящих» радиостанций. Экспертиза бытовой техники, советы, хитрости... Переплёт устроен так, что

можно перегибать на любой странице. Название короткое и ёмкое — «Спрут». Макет лежал у меня на рабочем столе, плёнки уехали в типографию. Оставалось со всеми рассчитаться и запустить рекламу. Для первого раза я придумал ролик, в котором супруг требует нормальную программку, а жена всё время приносит не те, но наконец приносит мою, и все радуются. На обложке — фирменный знак: зелёненький спрут с приветливой рожицей, в диснеевском стиле... Меня била дрожь радостного волнения.

С чемоданчиком, полным денег, я шёл по набережной Фонтанки со стороны «Ватрушки» к Лениздату. Пахло весной, солнце светило прямо в лицо, на подтаявших льдинах копошились птицы. Мне было радостно: я всё-таки ухватил свою маленькую птицу-мечту за хвост, держал её, и она совсем не трепыхалась. Я был почти счастлив. Рано или поздно мой спрут раскинет щупальца на всю Россию, появится издательский дом «Телегинь» или даже...

Краем глаза мне показалось, что сбоку, бровень со мной, медленно движется автомобиль. Двое мужчин поравнялись со мной и крепко взяли за руки. Кто-то третий выдернул у меня портфель с деньгами. Первые двое по очереди ударили меня в солнечное сплетение и отпустили. Хлопнули дверцы, машина скрылась из виду.

Меня словно протаранили бревном; скорее всего, в кулаках были свинчатки. Опустившись на колени, я беззвучно задыхался.

— Санёк! Александр Сергеевич!.. — двое знакомых по работе подхватили меня и, прислонив к гранитной тумбе, стали обмахивать. — Сердце? Скорую вызывать?

— Не надо, — сдавленно выговорил я. — Сердце будет болеть после... Ребята, деньги это зло, их придумал дьявол. Тридцать семь тысяч грёбаных условных единиц. Дадут мне где-нибудь ссуду на тридцать семь лет?.. Всё, спасибо, мужики. Всё, нормально, стою. Пока.

Цепляясь за холодные чугунные перила, я побрёл уже не зная куда. Чернее дня не было в моей жизни.

Глава десятая КАК НАС УБИВАЛИ

Убивают и за меньшие деньги. Последнюю неделю я скрывался — пьянировал с Гусевым у Палыча, его родственника. Старый чёрт работал истопником в пустом, занесённом снегом пионерском лагере. Он хрюпал смеялся, бегал в магазин и топил печку. Главной темой его разговоров были трубы, некоторые из которых будто бы полопались при старом истопнике от мороза. На территории высилась занесённая снегом окаменевшая куча угля, которую он долбил ломом и нагружал в вёдра. Он был убеждён, что мы скрываемся от милиции.

Гусев рассказал о своих похождениях «по ссылке «black». О залиске, о том, как анализ крови подтвердил СПИД. Как он ходил разбираясь в общагу и как его побили. Он умолчал о том, как засунул свою поганую яду в Киру Берёзкину. За это я бы его убил и сжёг в печке, и он это понимал.

— Африканский континент, — говорил я, путаясь в мыслях, — инфицирован сплошь и рядом. В районах, расположенных ниже уровня моря... необходимо... чемодан армейского антидота. Странно, что ты этого не понимаешь.

— Это я понимаю, — отвечал Гусев. — Я же её не видел. Как это можно увидеть в тёмной комнате... Палыч, не пей из моей кружки!

— А, чего там, — отмахивался Палыч, — через водку оно не заразно. — Если б ты, Витёк, с китайцой... ну, любовь и дружба... тогда бы имел эту... типичную мнемонию. От её можно быстро коньки отбросить, за неделю. А со спидом жить можно, оно не заразное.

— Ты откуда знаешь?

— Так ведь вот оно, радио. Не в каменном веке живём. Опять же газеты, журналы на растопку...

— Слушай, Гусев, — сказал я, — если ты сдавал анализ, тебя ищут. Есть статья за распространение, если ты инфицирован.

— Мне официально не предъявляли.

— Как же ты узнал?

— Услышал. Открыл кабинет, они как раз обо мне говорили. Типа, Гусев Виктор Иванович... пиздец котёнку.

— Да, попали мы с тобой.

— Сравнил... Да я бы на твоём месте вообще не переживал. Уехал бы куда-нибудь, и всё по новой. Для Кварцхавы эти тридцать семь штук как для Палыча пузырь водки. Палыч, ты бы за пузырь водки убил человека?

— Не...

— А искал бы?

— Не, было уже. Уходили за бутылкой — и с концами.

— Вот так.

Гусев, ходячий мертвец, утешал меня здоровенького, и мне хотелось тоже сказать ему что-нибудь хорошее. Я разлил водку в кружки.

— Ты тоже... не очень переживай. И по десять и по двадцать лет живут. А за это время придумают... вакцину. Я где-то читал, что она вот-вот уже... скоро.

И Палыч тоже бубнил в этом роде, что будто бы читал или слышал по радио, и все трое понимали, что это ложь — если и не спасение, то во благо.

Выпив, мы бодрились и рассказывали смешное.

Дурея от водки и печного угара, не замечая смен дня и ночи, не следя за собой и зарастая щетиной, мы постепенно теряли связь с реальностью. А Палыч, который с нами жил как у Христа за пазухой, уже расписывал красоты летнего отдыха и осеннего грибного сезона.

Пару раз Гусев ездил на станцию звонить Берёзкиной. Она посыпала его матерно и бросала трубку.

К концу недели у нас закончились деньги. Палыч заметно погрустнел. Мы собрали последние и устроили отвальную. Гусев вызвался поехать за выпивкой. Вернулся сияющий. Он узнал главное: Берёзкина проверялась, и у неё всё в порядке. А когда проверяют на триппер, проверяют на всё сразу. И у неё всё в порядке.

Мы напились как никогда, до чёртиков. Гусев признался, что твёрдо намерен застрелиться или как-нибудь ещё... Мы оба плакали.

На другой день, а это была суббота двадцатое марта, нас разбудил встревоженный хозяин. Я подумал, что лопнули трубы.

— Баба сюда какая-то идёт! — прохрипел Палыч мне в лицо.

Я выглянул в окно и прозрел. Схватил Гусева за воротник и тряхнул:

— Берёзкина идёт!

Гусев затравленно взглянул, зарылся в ватник и отвернулся к стене. Прятаться с головой под одеяло не лучший выход из положения. Но мне не хотелось принимать удар на себя, и я тоже притворился спящим.

Послышались голоса, дверь скрипнула. Палыч, видимо, не желая быть свидетелем душераздирающей сцены, ускрипел по снегу куда-то в сторону корпусов. Двинулся стул, качнулся стол, звякнула неприбранная посуда. Забулькала жидкость, я напрягся. Чиркнула зажигалка, запахло дымом.

— Какой детский сад... — негромко проговорила Берёзкина.

Я резко обернулся и принял сидячее положение. Гусев вздрогнул всем телом, но не пошевелился. Кира, несомненно, только что выпила. Она курила и молча смотрела на меня. Мне сделалось страшно.

— Они уже знают, где я?..

— Нет, — проговорила Берёзкина.

— А ты... Что-то случилось?

— Случилось. Кажется, я его убила.

Гусев повернулся, в ту же секунду ему стало плохо, и он, зажавши рот рукой, выбежал блевать на снег. Мы сидели, не произнося ни звука, пока он не вернулся. Короткая мысль о том, что меня теперь некому убивать, успела прокрутиться в голове раз семьсот.

— Зачем?..

— Ни за чем. Случайно. Он сказал, что застрелится и взвёл курок.

А я толкнула под руку, и он выстрелил.

— Почему... застрелится?..

— Не знаю. Чтобы я с ним жила.

— Погоди, — сказал я, — а ты точно знаешь, что он умер?

— Ну конечно... Пистолет выстрелил ему в голову.

— Дай трубку.

Я набрал номер Кварцхавы и, после нескольких гудков, раздался его голос:

— Да. Говорите!

Это услышали все, и я надавил сброс.

— Результат положительный, — констатировал Гусев. — Кира, он живее всех живых. Шлёпнуть олигарха не очень просто. И патроны у него наверняка были фальшивые... Можешь возвращаться.

— Холостые... — пробормотал я машинально, однако в голове у меня крутилось другое слово, произнесённое только что Гусевым. Я посмотрел на него внимательно и сказал очень серьёзно: — Вспомни точно и скажи мне слово в слово то, что ты услышал в кабинете врача.

— Врача?..

— Да, врача. По поводу результатов анализа.

— Я же говорил... Она сказала «результат отрицательный».

— Идиот... — прошептала Берёзкина.

— Что же это значит по-твоему? — сказал я спокойно, потому что сил давно уже не было.

— Ну, отрицательный... Плохой значит.

— Телегин, ты тоже можешь возвращаться, — устало заметила Берёзкина и налила водки себе в кружку. — Все можем возвращаться. Простит он эти деньги, я договорюсь...

В этот день мы не вернулись в город. Мы катались с горок, жарили шашлыки и остались переночевать у Палыча в последний раз.

Утром Киры уже не было.

Гусев вышел пописать, но тут же вернулся. Лицо его было белее снега. Я бросился к окну и ногтём проскрёб в инее лунку. Наш домик окружали какие-то люди с автоматами. Вдалеке стоял чёрный автомобиль Кварцхавы. Я был уверен, что он смотрит на нас из-за тонированного стекла.

Гусев налил себе полную кружку.

Звякнуло и разлетелось стекло, по каменному полу покатилась граната.

Давясь и проливая, Гусев стал пить. Я зажал уши ладонями и захмурился.

Глава одиннадцатая ЗЮСКЕВИЧ ИГРАЕТ ПО-КРУПНОМУ

Барабанщик ударил по тарелке, всё стихло, раздались аплодисменты. Снова откуда-то появился Зюскевич, заметно посвежевший. Наверное, проглотил секретную таблетку. Он был в другом костюме и беспрестанно задавал вопросы, словно только что вылупившийся на свет цыплёнок.

Оркестр разошёлся на перерыв, на сцене начался шоу-балет под фонограмму. Гусев и Берёзкина приблизились с разных сторон к столику одновременно. События вдруг начали развиваться столь стремительно, что я, если бы имел на голове шапку, крепко бы за неё ухватился. Я уже ничему не удивлялся и ни о чём не задумывался.

— Фу, совсем запарилась, — Берёзкина осушила бокал минералки.
— Где мои семнадцать лет... Миня! Ты же уехал!..

— Сначала уехал. Но после почувствовал себя хорошо и вернулся.

— Слишком хорошо. Какой-то ты подозрительно гладкий и трезвый. Неужели съездил домой, помылся и переоделся? Как будто вдруг помоло-дел. Миня, ты не должен молодеть, мне это не идёт.

— Кира, — произнёс Зюскевич, — я могу вернуть тебе молодость.

Я поверил ему сразу. Потому что разговор уже был.

Берёзкина — потому, что слишком хорошо его знала.

Гусев не поверил.

— Это можно сделать сейчас, сегодня ночью. Условие только одно: ты снова выходишь за меня замуж и хранишь верность.

Кира присела, выпила второй бокал минералки и сказала без тени насмешки:

— Подробнее.

— Это моё открытие... за которое будто бы могут дать Нобелевскую премию. Я изобрёл машину времени.

А мы и так всё поняли.

— Ты покажешь её? Прямо сейчас?..

— Нужно спуститься в лабораторию. Здесь, не очень далеко.

— Ещё подробнее.

— Ты наденешь комбинезон, такой особенный, состоящий из сигнальных устройств... Сядешь в кресло... ну, просто как в парикмахерской, под феном. Только это не фен... Я всё включу, и ты вернёшься туда... в восемьдесят четвёртый. Тебе будет двадцать четыре.

— А тебе?

— Я подожду.

— Долго будешь ждать?

— Нет, не долго. Там для тебя пройдёт двадцать лет, а здесь — одно мгновение.

— Погоди, ты хочешь сказать, что я сяду в это твоё кресло... и встану с него — ничуть не изменившись? Тогда лучше в парикмахерскую.

— Я думаю, через двадцать лет ты на многое посмотришь совсем иначе. Станешь мудрее, многие вещи покажутся...

— Ты что, дурак? На хрена мне мудрость? Я хочу быть красивой, молодой и счастливой!

— Счастливым и мудрым быть нельзя, — отметил Гусев. — Понятия взаимоисключающие.

— Живи как хочешь, — сказал Зюскевич. — Со второго раза может получится так, как ты мечтаешь.

— Со второго раза... Может и получится. Я согласна!

— Что согласна?

— Ну это... То, что ты сказал. Снова стать молодой. А потом выйду за тебя замуж. И буду век тебе верна, честное пионерское. Или даже раньше. Ну, как только созреешь. Не могу же я выйти замуж за октябрёнка, этого не поймут.

— Лучше я подожду здесь. Там... вообще не надо знакомится.

— Как скажешь.

— Ещё надо будет позвонить в одно место и сказать пару фраз. Но это потом, в девяносто четвёртом. Важно не забыть.

— Что значит «потом в девяносто четвёртом»?

— Одного раза вам покажется мало.

— Почему?

— Ежу понятно.

— Как скажешь.

— Едем?

— Погоди, погоди. Я так не могу. Я боюсь. Пускай они тоже... — Кира посмотрела на меня и Гусева. — Пускай тоже грызут молодильные яблоки. Места есть, или к мастеру надо записываться?

— Я позвоню, для вас подготовят три места.

— Мальчики, не трусьте, вы видите, женщина готова на всё. Мишаня, этим двоим не надо на тебе жениться?

Зюскевич отвернулся и сообщил по телефону какой-то Анечке, что нас будет трое. Спрятал трубку и подбодрил нас улыбкой:

— Всё будет в порядке.

А мы были пьяные и ничего не боялись.

Глава двенадцатая ПОЕХАЛИ...

Была половина первого: мы успевали на метро. Зюскевич объяснил, что так будет проще. Иначе пришлось бы оформлять пропуска через секретный вход. На «Знаменской» мы, не поднимаясь вверх, зашли в служебное помещение, проследовали мимо одетых в милицейскую форму охранников, спустились по узенькому, но длинному эскалатору, который заработал, едва мы на него встали, миновали цепь коридоров и остановились перед невысокой железной стеной. Постояли.

— Нас идентифицируют, — негромко пояснил Зюскевич. — Скажите что-нибудь.

— Они всех знают? — сказал я.

— Всех, кто когда-либо со мной соприкасался.

— Не то слово, — пробормотала Берёзкина.

— Имел сношения, — опошили Гусев.

Пол завибрировал, железная стена откатилась на метр, образовав проход. Мы шагнули в проём и оказались в просторном мраморном зале с колоннами, с бронзовыми светильниками и росписью на потолке — в стиле самых первых дорогих станций метрополитена. То есть, скорее всего, это и была одна из первых станций метро, по каким-то причинам не пущенная в эксплуатацию.

Всё было подготовлено для нашего прихода: по центру перрона стояли три кресла с высокими спинками. Они были такие же вычурные, как всё остальное, из бронзы и мрамора. К спинкам были привинчены штативы, к штативам — колпаки матово-серебристого металла. Метрах в десяти перед креслами находился пульт управления.

— Колпаки не в тон, — отметил Гусев. Он окончательно уверился, что вся «машина времени» — фикция сумасшедшего или навороченный симулятор.

— Что? — не рассыпал Зюскевич, уже суетившийся возле кресел.

— Ничего, что мы датые?

— Ничего. Даже лучше. Легче войдёте. Без шока и без стресса.

— Попадём в это же время суток?

— В полночь с двадцать пятого на двадцать шестое.

— А почему восемьдесят четвёртый?

— Шаг прибора — ровно десять лет.

— Надо вспомнить, что мы делали... тогда вечером...

— Гусев, — сказала Берёзкина. — Ты что, не понимаешь? Двадцать лет назад, десять или пятнадцать — было одно и то же. Мой день рождения.

— Верно! — обрадовался Гусев.

Между тем, Берёзкина внезапно о чём-то задумалась. Она медленно походила туда-сюда, резко повернулась и сказала:

— А почему в восемьдесят четвёртый? Двадцать четыре года — не такая уже первая молодость. Все подруги повыскакивали, а кто-то уже ведёт детей в первый класс. Я не хочу двадцать четыре.

— Сколько ж ты хочешь, ненормальная?

— Шаг десять лет?.. Хочу четырнадцать. Да, да! Как я сразу не сообразила! Первая любовь и всё такое...

Мы посмотрели на Зюскевича. Ему было всё равно.

— Мне тоже четырнадцать больше нравится, — поддержал Гусев идею Берёзкиной. — Работать не надо. Где мы были? Ах да. Нет! Тогда ещё не отмечали. Спали у себя дома. Никакого похмелья. Давай, давай! Крути назад свою машину. Хочу свежих, забытых ощущений! Хочу первый раз в первый класс!

— Натягивайте комбинезоны и садитесь.

— Почему так грустно, академик? — Гусев развелся. — Все ли механизмы машины времени надёжно работают? Все ли детали смазаны машинным маслом и все ли болты надёжно затянуты? Товарищ академик, вы пьяны! Разве может пьяный нобелевский лауреат производить опыты над людьми? Фашист! Недочеловек!..

Гусев из породы тех легкомысленных людей, которые способны шутить во время пытки огнём. Только это я и называю настоящей отвагой.

— А если мне не понравится? — продолжала капризничать Берёзкина. — Что, если я захочу вернуться не через двадцать лет, а гораздо раньше?

Зюскевич приблизился к нам вплотную и, не успели мы ахнуть, щелчками зажатой в руке машинки ввёл что-то каждому из нас под кожу за ухом. Я нашупал мягкий шарик величиной с горошину, перекатывавшийся между кожей и черепом. Берёзкина гневно вскрикнула, но про-

молчала. Поверив в чудо, она была согласна терпеть любую боль и любое унижение.

— Я как раз об этом, — заговорил Зюскевич. — Вернуться можно только всем сразу, одновременно. Если один из вас раздавит капсулу, все трое окажутся снова в этих креслах.

— Сильно давить надо? — спросил Гусев.

— Приложить что-нибудь твёрдое... монету... И надавить. Сил хватит.

— Как же это работает? — я осматривал тонкий комбинезон, состоящий сплошь из миниатюрных датчиков. — Разве можно что-то изменить в прошлом?

— А как ты представляешь себе поток времени?

— Что-нибудь вроде спирали...

— Скорее, это дерево. Ствол — массив информации. Кругами, по коре, триллионы лет мы взираемся кругами к его верхушке...

— Тогда это винт, — сказал Гусев.

— Винт? Пожалуй, винт. Чем выше мы поднимаемся, нарезаем резьбу по его поверхности, тем больше массив информации под нами. Мой прибор настроен на десятилетний виток. Сейчас я спущу вас на три витка, в 1974 год. Поднимайтесь, делайте что хотите, у вас тридцать лет. Но вы не в силах сорвать резьбу. Для этого нужно совершить что-то чрезвычайное — взорвать водородную бомбу или убить президента... Рассказы про раздавленную бабочку — примитивная беллетристика. То, что вы измените в своём прошлом, не изменит сегодняшнего дня.

— У меня всё время... — я потёр лоб.

— Что?

— Как будто... срывает резьбу. Живу совершенно отчётливо какой-то кусок жизни. Потом — бац! С какого-то места снова, уже по-новому.

— То есть, что значит, всё время? Давно?

— Нет, только сегодня.

— Это возможно, такие сбои иногда бывают на нервной почве. Вроде дежавю, из той же области, не опасно. Разберёмся, я в процессе подкорректирую. Натягивайте костюмы и садитесь.

Мы в последний раз пустили бутылку по кругу, разделись догола, отвернувшись друг от друга, через отверстия для лица натянули вытканные из тончайших проводов комбинезоны и сели в кресла. Зюскевич встал за пульт и нахлобучил себе на голову шлем.

— Готовы?

— Да, — сказал я.

— Глумись, — отозвался Гусев. — Ничего, что бухие?

— В туалет не сходила... — прошептала Берёзкина.

— Приготовились!

Сверху опустились и легли нам на плечи колпаки-«фены». Клацанье клавиатуры притихло. Щёлкнув зажигалкой, Зюскевич прикурил сигарету и глянул на нас в упор. Я подумал, что Зюскевич робкий только по жизни, а в науке он зверь.

— Поехали.

В голове у меня заскрипело и провернулось.

Часть вторая

СЕКС ГДЕ-ТО РЯДОМ

Глава первая

СЛИШКОМ БЫСТРО, ЧТОБЫ ПОНЯТЬ И ПОЧУВСТВОВАТЬ

Кира проснулась от неприятного ощущения, почти боли в нижней части живота и поспешила в туалет. Она всё помнила и ничему не удивлялась.

На часах половина первого, родители спят, в квартире пусто и тихо. Как легко идти, как остро ощущаются знакомые запахи. Всё как тогда, тридцать лет назад. Только почему сердце не разорвалось на тридцать тысяч кусков? Почему она не разрыдалась в голос, надрывно, взахлёб? Да потому, что ей сорок четыре, и с ней уже не так просто содрать кожу. А тело — да, те самые обещанные четырнадцать. Настоящая маленькая спортсменка, чудо с косичками. Мурка смотрит по особенному, она всё понимает. Всё понимаешь?.. Зажгла свет в туалете, села. Этого не хватало. Самое время, лучше не бывает. Что там у неё подложено... вата... Господи, тампаксы не могли придумать.

Потом она легла и сразу заснула.

Утром, за завтраком, впервые заговорила. Голос детский, а мысли взрослые. Она старше своих родителей. Но родители кажутся по-настоящему взрослыми. Разговоры — о пустяках. Вчера, на дне рождения, были Катя, Света и Наташа. Ещё тётя, мамина сестра. Выпили на шестерых бутылку сладкого вина, папа на развешенной простыне показывал диафильмы об отдыхе на Чёрном море. Теперь, в феврале, всех особенно поразил кадр с поеданием арбуза, как будто ощутили его вкус.

Всё произошло слишком быстро.

По дороге в школу смотрела по сторонам, разинув рот. По-взрослому обошла накатанную ледянную дорожку. Вернулась обратно и всё-таки проехала. Так-то лучше. Надо избавляться от взрослых привычек.

Глава вторая МАЛЬЧИКОВ РАСПИРАЕТ ДО НЕПРИЛИЧИЯ

Войдя в класс, Кира сразу увидела сидевших за последней партой Гусева и Телегина. Они молча на неё смотрели, будто ничего не было. Рассейнно поздоровавшись с девочками, Кира подошла к последней парте и, наклонившись, прошептала:

- Где я сижу?
- С этой... Романовой... — напрягся Гусев.
- С Катей? А она где сидит?
- Ряд у окна, третья парты сзади, — сказал Телегин.
- Какие у вас голоса смешные. Ломаются?

Вдруг сделалось тихо, в класс вошла учительница. Все встали. Быстро проскочив на своё место, Кира вытянулась по стойке «смирно».

- Садитесь.

Начался урок математики.

Кира не понимала ни слова. Не понимала ещё тогда, тридцать лет назад, а сейчас даже не пыталась. Слыша выражение «извлечь корень» она начинала ощупывать языком зубы. Зубы во рту были все свои, молодые и здоровые, это радовало.

Слегка повернув голову и скосив глаза, она посмотрела на мальчиков. Вид у них был довольно загадочный. Глаза с поволокой, блуждающие по классу. Заметив, что Кира на них смотрит, оба тоже стали смотреть в упор, но не как друзья и заговорщики, а как вампиры. О чём они думают?..

Они думали о сексе. Секс застипал им глаза, не давая видеть и слышать ничего больше. Утром, пока происходил первый шок и адаптация к происходящему, это было не так заметно. Теперь, на уроке, под мерное журчание голосов, они расслабились, и гормоны, словно разрывные пули, непрерывной очередью ударили им в головы. Это был возраст пика гиперсексуальности, он обрушился на них вдруг, сразу, не дав времени разработать или вспомнить защитные реакции. В остальном к четырнадцати они были готовы — потому что в глубине души из него, по большому счёту, не вырастали. Но они не были готовы к такому испытанию...

«Берестова», — говорила учительница, девочка вставала из-за парты, и Гусев еле слышно произносил:

— Берестову бы стал?

— У...

«Любимова»...

— А Любимову бы стал?

— Я понимаю, зачем раньше учились раздельно, — прошептал Телегин. — Какая тут может быть учёба...

«Евдокимова»... — встала девочка с развитыми формами, и оба, крепко схватившись за ширинки, молча уползли под парту.

— Гусев, Телегин! — сказала учительница. — Я ведь могу к доске поставить.

— Можно выйти? — сказал Гусев, подняв руку.

Учительница недовольно кивнула в сторону двери.

Учительницу бы он тоже «стал».

Хорошо, что форменная курточка имеет достаточную длину, чтобы прятать нежелательно выпирающее.

Минут через пять Гусев вернулся на место. Лицо у него было гладкое, спокойное и даже безразличное.

— Так... — сказал он, полистав учебник. — Так, так... Седьмой класс, элементарно. Будем отличниками.

— Скотина, — прошептал Телегин, брезгливо поводя носом.

На следующий урок он сам опоздал в класс, тоже минут на пять, и тоже заметно приободрился.

Глава третья ЕЙ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ, ОНА НЕЦЕЛОВАННАЯ...

Ближе к большой перемене запахло столовой. Кира почувствовала зверский аппетит. В карманах обнаружились обеденные талоны, и она стала тихонечко собираться, памятую о гонках по лестнице вниз к очереди перед раздачей. Гусев и Телегин, которые дома от волнения совсем не завтракали, у которых от голода перед глазами плыли круги, были вынуждены признать, как не правы столпы психоанализа: несомненно, чув-

ство голода значит для человека гораздо больше, нежели все мыслимые утехи любви.

Минут через пятнадцать они сидели втроём за одним столиком и уминали пахнущие хлебом биточки с пюре, вкуснее которых не было ничего в жизни, жадно кусая хлеб, чтобы унять слюноотделение. Один биточек на порцию; пюре — размятая волной столовая ложка. Не густо для мужских растущих организмов. Но Кира ничего, почти наелась, заморила червячка.

Поднялись на чердак, где дымили старшеклассники, отошли в сторонку. Вспомнили, что в седьмом ещё не курили, решили просто постоять, поболтать. Говорить по существу дела никто не решался.

— На математике и физике я ни бум-бум.

— Хорошо, что не спрашивали, пронесло.

— Когда она водит ручкой по журналу и эта тишина, у меня душа в пятках.

— Вообще ничего, мне нравится, я, оказывается, всё помню.

— Я химию так и не постиг, вообще ничего не понял.

— Как же ты школу закончил?

— Сам не понимаю; врал, просил, списывал, выкручивался... Мне до сих пор снятся в основном два кошмара: в одном забирают второй раз в армию по ошибке, в другом сдаю экзамен по химии.

— Ну, теперь мы в армию не пойдём.

— А вообще как вам по внутреннему состоянию — четырнадцать или сорок четыре?

Вопрос по существу.

— Нет, я как-то вообще не изменился, — подумав, сказал Гусев.

Телегин подтвердил, что он тоже так чувствует.

— Я так, немножко постарше себя чувствую, лет на семнадцать, — призналась Берёзкина.

Тут она заметила, что эти двое опять смотрят на неё ненормально.

— Что... — пробормотала она, чувствуя недоумение и неловкость.

— Надо идти. Если буду везде с вами обтираться, что подумаю?

— Слушай, Кира... — заговорил Гусев рассеянно и ненатурально. — Ты вообще это...

Его рука обняла талию Берёзкиной и опустилась чуть ниже. Рука Телегина провела по животу и коснулась груди. Оба дрожали от возбуждения.

— Аллё, в чём дело, — Кира с тряхнула с себя обе руки и отступила.
— Мальчики, вы в своём уме? Мне четырнадцать лет, я нецелованная.
Прозвенел звонок, курильщики склонили головы.
— Да ладно, Кира, чего ты гонишь, какие четырнадцать, какая нецелованная... — Гусев попытался прихватить Берёзкину силой и прижать к себе, но та вывернулась.
— Психи... — прошептала она и побежала в класс.

Глава четвёртая МНОГО ЗНАТЬ ВРЕДНО

На уроке Кира настороженно косилась на мальчиков и усиленно думала. С одной стороны, Гусев на протяжении двадцати лет периодически был её любовником. С Телегиным ничего... почти ничего не было. Но это в той, другой жизни. Там она испытывала к мужчинам здоровое физиологическое влечение, естественное для её возраста. С какого возраста? Примерно, лет с двадцати восьми. Да, примерно так. До этого романтические фантазии увлекали её больше, чем секс. Этой весной, в седьмом классе, у неё была первая любовь. Не в школе, в бассейне. Она занималась плаванием, могла бы стать спортсменкой, если бы не бросила. Он её просто не замечал. Она даже не знала, как его зовут по настоящему. Слышала прозвище — Акула. Ему было лет восемнадцать или двадцать... Интересно посмотреть на него потом, через тридцать лет. Большой и старый. Хотя... для здорового мужчины самый расцвет. Если жизнь удалась, холёный, подтянутый, выглядит на сорок. Пожалуй, это она была бы для него старовата. Господи, какая несправедливость! Надо увидеть его. Даже интересно, а вдруг она опять влюбится? Нет, теперь она знает все уловки, теперь ей ничего не стоит охмурить и бросить любого мужчинку. Главное это то, как ты сама о себе думаешь. Как ты сама себя ощущаешь — так тебя видят окружающие. Если чувствуешь себя уверенно, красивой и соблазнительной, они сами полезут... как эти два придурка... Бивис и Батхед. Нет, малолеток она к телу не подпустит. Фу, какие-то ненормальные. Сумасшедшие сперматозоиды. Возрастная гиперсексуальность. Дотронулася в автобусе до женщины — и штаны мокрые. Противно и неинтересно было

бы даже в сорок четыре. Связываться с детьми, извращение какое-то. Пусть сублимируют — сочиняют стихи, сходят с ума, хамят взрослым, дерутся, бегают по крышам, трясутся наочных дискотеках... которых ёщё нет. Что вообще происходит? Что есть? Брежнев, три канала телевидения, подпольные магнитофонные записи битлов, литература, кино, театр...

— Берёзкина.

Ой. Какой урок?.. Литература. «Евгений Онегин». Онегин я скрывать не стану... Нет, это из оперы.

— Учила?

Опустить глаза, покачать головой.

— Садись, два.

Водит карандашом по журналу. Тишина. Они от этого кайф ловят...

— Телегин.

Ага, попался! Хотя... чего ему бояться? Он знает литературу лучше учительницы. Лучше всего Пушкинского дома. У него абсолютная память. Ему, главное, не очень сильно волноваться, чтобы не показаться чересчур умным... Видно, что волнуется. Говорит что-то, бормочет себе под нос. Но вот голос его крепнет, он сам увлекается своим докладом, учительница настороженно поднимает голову, смотрит. В классе смешки и ропот, все переглядываются, делают круглые глаза.

— Погоди, что это, — испуганно говорит учительница, — откуда? Я вам не это задавала. Хулиганство какое-то... Это кто тебя научил?

Телегин уже сам понимает, что его занесло не туда, что он извлёк из памяти совсем не тот текст, что он погиб.

— Не научил, — бормочет он едва слышно, — Сам прочитал. Синявский, «Прогулки с Пушкиным», эссе...

Он не договорил, потому что следующие слова «...тысяча девятьсот семьдесят пятого года» невозможны.

— Это какой же Синявский... — шёпотом произносит учительница, вдруг резко поднимается и выходит из класса.

Шумный процесс по делу антисоветчиков Синявского и Даниеля ёщё на слуху.

«К директору пошла...», — проносится по классу. Все смотрят на Телегина как на приговорённого.

Вдруг Кира поняла, что она делает вид, будто они не знакомы. Ситуация более чем типичная, описана ёщё в Библии. Гаденькое ощущение

«хорошо, что не меня» не накатывало на неё со времён комсомольской юности.

К директору... Кира подумала, что они, пожалуй, чересчур сильно вошли в образ. Они чувствуют себя детьми на все сто процентов. Взрослые для них — это взрослые. Страх перед родителями, которые могут кричать или наказать, страх перед учителями, абсолютная зависимость, бесправие и невозможность что-либо изменить. И они, как хамелеоны, мгновенно приняли нужную окраску, вписались в форму и согласились с правилами игры.

Учительница вернулась и, не глядя на Телегина, сухо произнесла:
— Сию минуту к директору.

Глава пятая НА КОВРЕ (1)

В своё время Телегина не приняли в Литературный институт из-за сочинения, в котором он изложил собственное понимание поэмы «Две надцать». Россия — это Христос, которого распинают большевики в знак предостережения миру об опасности коммунистической угрозы. Сам Блок, скорее всего, не знал подобной трактовки. Настоящие поэты вообще не понимают того, что пишут. Проверяющие всё поняли. Испугались даже не за него, а за себя. Это было в семьдесят седьмом. Потом два года армии и вторая попытка. Но у него не захотели принимать документы, не помогли даже хлопоты партийно-влиятельной мамаши. В итоге он поступил на журналистику. Трёхтомная эпопея о Брежневе поставит всех на свои места. Но размах был взят слишком широко, её написание растянулось на десятилетие, а затем она превратилась в кошмар, навязчивую идею всей жизни... Слава богу, с этим покончено. Молодёжная газета с колонкой телевизионной критики в той, настоящей жизни, была и останется для него убежищем и бухтой спасения.

Тук-тук-тук.

— Входи!

Директор пьющий, толстомордый, всегда ласково улыбается. Был ректором института культуры, почему-то попал сюда. Говорят, у него боль-

шие связи. Поднялся, обошёл стол, присел на краешек. Осматривает с ног до головы.

— Ну, чего ты ей наговорил?

Добренький или притворяется?..

— У меня память хорошая. Где-то прочитал или услышал.

— Сам-то понял?

— Не-а.

— Дверь закрой.

— Чего?

— Дверь закрой, чтобы никто не мешал. Через пять минут перемена.

Телегин повертел ключ в скважине, но не закрыл. Всё-таки ему уже не четырнадцать. Повернулся. Директор смотрит ещё ласковей, совсем нехорошо.

— Спортом занимаешься?

— Не.

— Ну, иди сюда. Ближе, ближе. Поговорить надо.

Телегин подошёл к директору, тот погладил его по голове.

— Надо что-то придумать. Эта грымза тебя съест, у неё нюх на диссидентов.

— На кого?..

— На политику. О процессе Синявского и Даниеля слыхал? Она по материалам суда доклад писала. Потом ходила читала по всем школам. Может твоим родителям жизнь подгадить. Она любого слопает.

Директор наклонился, подмигнул и шёпотом добавил:

— Только меня боится. Я позвоню куда надо — от неё пшик останется, понял?

Телегин почувствовал сладковатый запах спирта и мятыной таблетки.

Директор провёл пальцем по его голой шее.

— Дружить будем? Хочешь, школу с золотой медалью? Ни одна сволочь четвёрку не поставит. Я знаю, ты способный. Хороший мальчик, красивый...

Директор обнял ребёнка за талию, рука скользнула в трусы и стала ласкать, язык защекотал ухо. Одновременно в коридоре загремел звонок.

Телегин опомнился.

Резким махом головы он перебил директору нос, вытащил его руку из своих трусов, грохнул об стол и стал колошматить по пальцам мраморным пресс-папье. Затем они, в одной связке, налетели на стеклянный шкаф, который накрыл их осколками, книгами и сувенирами.

На крик сбежались, появился учитель физкультуры. Директор школы и ученик лежали на полу, в крови, изрезанные стеклом. Девочки завизжали, учитель физкультуры разжал пальцы Телегина и рывком поднял его на ноги.

Директор глядел неподвижными, широко раскрытыми глазами в потолок. Рот его был чудовищно перекошен. Под головой растекалась лужа густой крови. Из горла торчал осколок и, затихая, пульсировал фонтанчик крови.

Картина завертелась и улетела, глаза Телегина заволокло красным. А когда через мгновение прояснилось, он всё ещё стоял перед директорской дверью. Опять срывает. Вот где простор для психоаналитика. Зюскевич обещал исправить...

Глава шестая НА КОВРЕ (2)

Тук-тук-тук.

— Войдите.

— Вызывали?

Директор строгий, похож на чекиста, уставшего от ночных допросов и расстрелов. Посмотрел на Телегина поверх очков, не ответил. Читает бумагу из раскрытой папки. Компромат, личное дело? Неужели на каждого ребёнка было личное дело... Что же писали? Что в носу ковырял?.. Тянет время, чтобы нагнать страху.

— Отец во время войны был в оккупации, — произнёс директор, не поднимая глаз.

Телегин попытался понять, это в заслугу или в минус? Не понял, решил взять часть инициативы и зачислить в заслугу:

— Да, знаете ли, героически перенёс все тяготы немецко-фашистской оккупации.

От такой наглости и ереси директор на некоторое время потерял дар речи. Опомнившись, попытался нагнать жути:

— Кто жил под немцами, почти все сотрудничали.

Тут Телегин, потеряв осторожность, чтобы заступиться за отца, мгновенно превратился из ребёнка в матёрого сорокалетнего журналиста:

— Ах вот в чём дело! Наверное, под немцами красиво жили. Экспроприированную большевиками собственность назад получали. Работали на себя, а не на колхоз. Тогда ещё на земле работать не разучились. Свои грабили, враги возвращали. И не надо пугать детей несуществующими промахами их родителей! Вы ещё скажите, что окостенелое, убыточное государство всех нас бесплатно учит, кормит, поит и одевает!

Директор, который и это тоже собирался сказать, теперь, после немыслимого, недопустимого, сюрреалистического выступления ребёнка, начал Телегина бояться.

— Кто вас научил? — проговорил он на одной ноте, перейдя на «вы».

Как всегда расплескав весь запал в одну минуту, Телегин скис. Он подумал, что своим поведением подставляет партийную мамашу, которой с пьющим отцом и без того не сладко. Кстати, отец, кажется, тридцать девятого года рождения. Какое сотрудничество во время оккупации, в четыре года! Просто на испуг взял... Необходимо всё исправить.

Ребёнок вдруг застонал закатил глаза к потолку манерно поднял руку ко лбу и, неуклюже ухватившись другой за спинку стула, повалился на пол. Директор, не сдвинувшись с места, вызвал по телефону сестру из медпункта. Вдвоём с уборщицей они подняли мальчика и усадили его на кожаный диван. Сестра поднесла к его носу ватку с нашатырём.

Прозвенел звонок, в кабинет то и дело заглядывали без стука. Образовалось много свидетелей, в их числе учительница русского-литературы. Директору стало намного легче. Ничего не было; мальчик переутомился и бредил.

— Где я... — замотал головой Телегин. — Ничего не помню. Первый урок помню, второй помню, большую перемену... А после ничего не помню. Где был, что говорил... Это я вчера на катке сильно головой ударился.

— Пусть идёт домой, — сказал директор.

— Спасибо... — пробормотал Телегин. — Спасибо. Я посплю, и всё пройдёт.

Гусев и Берёзкина стояли у стенки напротив, их лица не предвещали ничего хорошего. Не говоря ни слова, все трое поднялись на чердак и забились в угол.

— На хрена ты так делаешь, — раздражённо сказал Гусев. — Нам надо вместе держаться, хотя бы первое время, чтобы не спятить. За такое морду надо бить.

Он сделал резкое движение, как будто бьёт, Телегин машинально дёрнул головой и ударился о стропилу. На чердаке сделалось тихо, все смотрели.

— Эй, орлы, в чём дело? — пробасил старшеклассник.

— Я не бил, просто замахнулся, — поспешил объяснил Гусев.

— Они шутят, — повернулась Берёзкина.

Прозвенел звонок. Старшеклассники затушили окурки и удалились.

— На химию не пойду, — заявил Гусев.

— Меня отпустили, — сказал Телегин, потирая ушибленную голову.

— Между прочим, мог бы и ухом, шариком в смысле, долбануться. Тогда — прощай детство. Спокойнее, интеллигентнее надо быть, товарищ Гусев.

— Не, ничего, если бы даже долбанулся, — мотнул головой Гусев, — ухо защищает. Через ухо не раздавишь.

— Если вы на урок не пойдёте, я тоже не останусь, — сказал Берёзкина.

— Можно в кино пойти, — предложил Гусев. — В семидесятых было хорошее кино. И наше, и переводное. Дублировали так, что лучше оригинала. Жаль что сиськи-письки вырезали. Домой вообще не пойду; заставят заниматься на пианино с этой крысой, репетиторшей. Теперь я и сам её могу научить. Портфель здесь, на чердаке спрячу, чтобы не таскаться.

— Я тоже спрячу, — сказал Телегин.

— А я свой возьму, — сказал Берёзкина. — У меня там вещи... Я ещё, может быть, в бассейн пойду. А пока да, в кино можно посидеть. Спокойно, в себя прийти.

Глава седьмая В ПОСЛЕДНЕМ РЯДУ

Кинотеатр «Ленинград» — самый большой в городе; именно здесь потом, в конце девяностых, открыли ресторан «Сталин». Фильм шёл очень хороший — «Золото Маккены».

Деньги были только у Берёзкиной, и оба кавалера плотно сели ей на хвост. Сначала посидели в буфете, потом поиграли на первых прimitивных автоматах, потом взяли по мороженому и пошли в зал.

Три старушки, человек тридцать прогульщиков. Такая картина на всех утренних и дневных сеансах. Сели в последний ряд, чтобы всех видеть, потому что волнение не покидало. Мальчики по бокам, девочка посередине. Сняли шапки, расстегнулись.

— Что тебя понесло на уроке? — сказал Гусев.

— Сам не знаю.

— Ну и сказал бы, что не знаешь.

— Я в точности не знаю — чего я знаю, а чего нет. Вышел к доске — и понесло.

— Ты в другой раз поосторожней, чтобы очень не заносило. Как у директора?

О господи... Как у директора. Снова в памяти какая-то чертвщина, винт. Всё смешалось. Но, скорее всего, в реальности ничего страшного не случилось.

— Ничего страшного, — сказал Телегин.

— Я иногда воображал, как прихожу к своему директоруувольняться. Ну, здесь, в «Сталине» в ресторане. Я его, гада, ненавижу.

— Ну, расскажи.

Гусев стал рассказывать.

— Захожу молча с папирской. Подхожу к нему — и по морде.

Потом мордой об стол — хрясь, потом на пол и ногами...

— Погоди, ты рэket или крутой герой?

— Я крутой герой. Типа, Стивен Сигал. Охрана ломает дверь, а я так спокойно носы плющу, руки ломаю...

Берёзкина, сидевшая между ними, подумала, что эти два сорока-летних оборотня разговаривают в точности как дети. Может, они всю жизнь такими и были?

— ...Или нет, не так. Я вообще не из оркестра, я из полиции. А он, падла, сливает отходы в речку. Блин, я уже всё прочувствовал, как будто на самом деле. Смотри, сидят, прогульщики, они же вообще таких фильмов не видели.

— А я ещё круче, — придумал Телегин. — Я волк.

— Кто?

— Джек Николсон, оборотень. Кино такое «Волк».

— Точно, точно, помню, хороший фильм.

— Помнишь, у него появлялась такая особенная сила, как он прыгал.

— Метров на тридцать. У него все органы стали сильнее — зрение, слух, обаяние. Как у нас.

— Обоняние. В том-то и дело, я поэтому и говорю. Всё видится и ощущается совершенно по-новому, как у оборотня.

— Ну, обаяние, это тоже. Ты помнишь, какая тёлка на него запала?

— Мишель Файфер.

— Вот так. Она в конце тоже превратилась.

— А мы тоже такие.

— Мы такие. Давай Берёзкину покусаем.

Гусев с Телегиным зарычали и вцепились зубами в плечи синтетической куртки. Берёзкина дёрнула плечами и поморщилась. Несколько человек на рычание обернулись. Мальчики сели прямо и замерли.

— Придумай ещё что-нибудь, как ты увольнялся, — сказал Телегин.

Гусев протянул ноги, засунул руки в карманы.

— Тёлки из кордебалета. Они, твари, меня даже не стесняются. Заходишь в гримёрку — а там все голые... Ну, почти голые. Некоторые вообще без лифчиков. А если ты в форме оркестра — уже не человек. Вот если бы зайти в цивильном, скрипнуть лопатником...

Берёзкина презрительно хмыкнула. Погас свет, стали смотреть кино.

Три раза в неделю Кира ходила на тренировки. Потом, к концу восьмого класса, кто-то сказал, что фигура будет мужиковатой, и она бросила. А ходила только из-за одного взрослого парня, с которым здоровалась, но не знала его имени. Слышала однажды, как его окликнули по прозвищу — Акула. Она приходила, а его смена уже заканчивалась. Часто

она приходила раньше, садилась на трибунах и смотрела, как он плавает баттерфляем. По советски стиль назывался «дельфин». Дельфин, Акула... В общем, можно понять: не могли же его назвать Дельфин, словно какого-нибудь изнеженного педераста. А плыл этот парень действительно как дельфин — сильно, грациозно... Плавать дельфином по-настоящему, красиво, дано не многим, даже очень хорошим спортсменам.

Кира почувствовала, что хочет видеть этого парня. Что она уже почти снова в него влюблена. По-детскому, безекса, когда сама не знаешь, чего хочешь, только чтобы он был рядом...

Позвольте...

Это ещё что такое?! Телегин, оказывается, обнимает её за плечи. А Гусев положил руку на колено. Поглаживая, двигается выше, выше...

— Куда лезешь! — Кира ударила его по руке.

— Да ладно, не дури, киска.

— Убери, я сказала! — тут она заметила, что Телегин щупает её за грудь.

Пока она защищала девичью честь с левого фронта, Гусев залез под юбку и попытался раздвинуть стиснутые коленки.

— Дураки, мне нельзя, у меня месячные!

Аргумент никакой: во-первых, дело не в этом; во вторых, месячные закончились; в третьих... короче, в любой ситуации, особенно в последнем ряду, есть варианты.

— Ну киска, ну пожалуйста, я не могу... — Гусев почти плакал. Он попытался взять киску за шею и наклонить.

На экране полыхнул взрыв, и Кира увидела, что у обоих друзей штаны расстёгнуты и что оба онанируют.

— Что... Что такое!.. С ума сошли?! — вскочила она с места и, споткнувшись, побежала к выходу. — Психи, идиоты...

На улице, чтобы запутать следы, пролезла в дырку решётки Таврического сада, оглядываясь, пересекла его боковыми аллеями и вышла с другой стороны. Порылась в вещах. Купальник, шапочка, абонемент. Можно даже не плавать, просто посидеть на трибунах.

Кира вышла на Суворовский и села в троллейбус.

Глава восьмая ШТРИХ К ПОРТРЕТУ ВОЖДЯ (ранняя редакция)

Молодого человека, которому товарищи по команде дали уважительное прозвище Акула, звали Владимир. Этот день, как обычно, началось для него в шесть часов утра. Соблюдая режим, он всегда хлопал по будильнику минутой раньше звонка.

Сначала он неторопливо потягивался, чтобы восстановить кровообращение в мышцах и суставах, потом делал дыхательную гимнастику и одновременно перемножал в голове произвольно взятые четырёх-пятизначные числа. Бодро вскакивал и, растворив окно, минут пятнадцать делал интенсивную гимнастику. В будни распорядок примерно такой: университет, борьба, плаванье, библиотека. Если останется сил и времени — позаниматься и почитать дома перед сном.

Душ, лёгкий завтрак, двадцать минут на повторение пройденного. Поцеловать мамочку в щёчку — и вперёд. До университета пешком по набережной и через мост, к стрелке Васильевского.

Вышел из парадной, поздоровался с сидевшей на скамейке дворничихой.

— Здравствуй Володечка, — отозвалась та, всхлипнув в платок.

— Вы плачете, Надежда Фёдоровна? — Владимир наклонился к женщине.

— Мурзик... не слез... Как вчера псина загнала, так и сидит! День уговаривала, ночь уговаривала...

На верхушке растущего в огороженном решёткой крошечного скверика на углу Гродненского переулка и Знаменской, сидит полосатый кот. Совершенно обессиленный, он только дрожит и едва слышно попискивает.

— К пожарным не пробовали обратиться?

— Да что с ними говорить, с пожарными! Они говорят, машин не хватает. Будто бы пожары горят, а они тушить не успевают.

Владимир снял куртку и пиджак. Одновременно ему показалось странным то, что вокруг как будто осень, на газонах подсохшая трава, а дерево, на котором сидит кот, роняет жёлтые листья.

— Подержите, Надежда Фёдоровна.

— Ты что, сынок, не думай даже! Я лучше им денег заплачу, пусть приедут. Сколько надо зайду, колечко продам.

А юноша уже её не слушал. Прикинул острым глазом маршрут, подпрыгнул и уцепился за сук. Легко подтянулся, перекинул ногу, полез выше.

На уровне шестого этажа, когда ствол утончился и стало заметно покачивать, а опорами служили тонкие веточки, посмотрел вниз. Если сврётся, девяносто пять процентов на то, что ухватится и удержится за нижние ветки. Плохо будет, если ствол сильно поведёт в сторону...

А вокруг сквера уже собирались прохожие. Надежда Фёдоровна металась в волнении, кричала, чтобы слезал, звала пожарных, милицию, скорую помощь.

Ещё немного... тщательно балансируя, соизмеряя лёгкие порывы ветра. Веточки под ногами уже трещат, но рука крепко сжимает ствол, который уже не толще рукоятки метлы. Если его качнёт, и он вовремя не отпустит ствол, верхушка уведёт его в сторону, обломится, и тогда он полетит на тротуар или стальную ограду.

Ещё метр-полтора — и вот они перед ним, полусумасшедшие кошачьи глаза. Как он остался жив, проведя сутки на тонкой и шаткой рогатине? Расстегнул верхние пуговицы рубашки. Протянул руку. Тщательно рассчитывая баланс, подхватил Мурзика под брюхо и сунул за пазуху.

Кот послушно обхватил талию дрожащими лапами.

И вдруг... Повело!

Владимир выпустил ствол, ломая ветки, проскочил несколько метров вниз, снова ухватился обеими руками. Качнуло туда, сюда, выровнялось.

Всё. Всё позади, полный порядок.

Спустился, спрыгнул на утоптанную землю.

Теперь пробиться через эту толпу, переодеть дома рубашку и — на лекцию.

Надежда Фёдоровна плачет, лезет целоваться.

— Хватайте, жить будет.

Счастливую дворничиху в обнимку с котом увели добрые соседи, а зеваки плотно окружили героя.

— Нет-нет, позвольте пройти. Ничего, не стоит... Нет-нет, я вообще здесь не живу...

Глава девятая ШТРИХ К ПОРТРЕТУ ВОЖДЯ (зрелая редакция)

Подъём в шесть часов, Владимир всегда хлопал рукой по будильнику минутой раньше звонка. Душ, лёгкий завтрак, двадцать минут на повторение пройденного. Поцеловать мамочку в щёчку, и на улицу. До университета пешком по набережной и через мост — к стрелке Васильевского.

Владимир вышел из парадной, поздоровался с дворником Степанычем. Всегда немножко датый, он щурился на солнышко, покуривал «Приму» через короткий обгрызенный мундштук и чему-то улыбался.

— Здорово, Володька! — сказал дворник, обрадовавшись соседу.
— Новость слыхал? Брежнева кладут на операцию.

На улице было по-весеннему тепло и солнечно. Владимир снял куртку и сложил в округлившийся портфель. Догадавшись, что сценарий нехитрого анекдота предполагает диалог, послушно спросил:

— Зачем?

— Грудь расширять. Чтоб орденов ещё больше влезило!

Дворник хрюпло засмеялся, а Владимир, тонко улыбнувшись из вежливости, кивнул и поспешил в университет.

По Неве маршировал парад-ледоход, от этого всем было торжественно и празднично. На льдинах катались птицы, звали на помощь на доеvшие всем компании унесённых рыбаков. Отблески солнца впивались в глаза острыми весёлыми лучиками.

На спуске у воды собирались первоклашки. Они весело галдели и толкались.

— Поосторожней! — прикрикнул на них Владимир, но голос утонул в ледоходе.

Тут девчонка ударила мальчика портфелем по голове, выбежала на льдину, и её медленно понесло. Девочка, потеряв от страха голос, побежала обратно, перепрыгивая с одной льдины на другую, тут же кувырнулась в воду, забарахталась. Её красная курточка раздулась, удерживая голову над водой огромным воротником. Было страшно смотреть, как она плывёт вниз по течению, одна, в чёрной воде, затёртая льдами.

Маленький буксир-ледокол, ничего не замечая, оставил посередине реки полосу чистой воды шириной метров тридцать. Красный комок вынесло на это пространство; ещё минут десять, и будет поздно...

Владимир бросил портфель, скинул на ходу куртку и шапку, выбежал на мост и, успев заметить, что буксир даёт гудок и разворачивается, прыгнул в воду. Несколько десятков метров мощных гребков против течения. «Жива? Дыши ровно, не разговаривай!»

Вскоре их подняли на борт, девочку поднесли к угольной топке и растёрли. Она порозовела и открыла глаза.

— А я вас помню, — сказала она, глядя на Владимира. — Это вы прыгнули прямо с моста, я видела. А потом тащили за воротник. Вы такой мокрый... вам тоже было страшно?..

— Нет, — улыбнулся Владимир, — наоборот, даже приятно. Я хорошо плаваю.

Глава десятая ШТРИХ К ПОРТРЕТУ ВОЖДЯ (отвергнутая самим автором редакция)

Шесть часов утра. Душ, лёгкий завтрак, двадцать минут на повторение пройденного. Поцеловать мамочку в щёчку, и на улицу. До университета пешком по набережной и через мост — к стрелке Васильевского.

Февральский мороз ударил в ноздри и заставил чихнуть. Подняв глаза, Владимир увидел, что на скамейке в сквере сидит кенгуру, работавшее у них дворником. На кенгуру была надета рваная ушанка, валенки, ватные штаны и бушлат. К скамейке была прислонена фанерная лопата для уборки снега, в руках оно держало платок, пахнущий пятновыводителем.

— Здорово, студент! — сказало кенгуру и вдохнуло через платок.

— Доброе утро...

Владимир не знал, как зовут кенгуру. Слово, обозначающее имя, как говорили, было записано в документах и с языка австралийских аборигенов переводилось как «Рождённый за семь лун до смерти железного

крокодила, содержимое которого, разлившись, светилось и рождало в головах веселящие или же наводящие ужас картинки». Он даже не знал, какого пола это конкретное животное и потому разговаривал с ним хотя и неизменно вежливо, но неопределённо.

— Погоди, студент, анекдот слыхал?

Владимир остановился. Затоптался, чтобы не замёрзнуть.

— Если короткий... опаздываю.

— Заходит, значит, мужик в пивную. Ну, то есть, это у нас, там, в Австралии. Врубаешься?.. А там сидит его знакомый, абориген, стало быть, пьяный. И плачет. Пьёт, стало быть, и плачет. Мужик говорит: как дела, нигер? А тот ему говорит: купил, говорит, новый бумеранг. Мужик говорит: фиговый, что ли попался? Нет, говорит, такого, говорит, более пиздатого бумеранга у меня вообще никогда не было. Так чего ж ты плачешь? — мужик удивляется. А я, говорит, никак не могу выбросить старый!

Кенгуру заржало и, трясясь всем тулowiщем, стало подливать на платок пятновыводитель. Владимир улыбнулся, сказал «всего доброго» и поспешил в сторону набережной.

— Нет, ты понял, студент!.. — доносилось до него ржание кенгуру.

Мороз сковал Неву толстым льдом. Метелица гнала снежную пыль вдоль русла, то там то здесь закручивая её буранчиками. Снег заметал ве-дущую на другой берег тропинку и одинокую лыжню вдоль холодной гра-нитной набережной.

Встречным ветром на Владимира пахнуло горелым. Впереди, у одного из жилых домов, столпились жильцы со скарбом в руках и зеваки. В небо поднимались клубы чёрного дыма. Пожилая дама в старомодном воротничке особенно сильно волновалась, подбегала к пылающим дверям парадной, обжигалась и всё время звала кого-то.

— Муж у неё там остался, — сказала одна из погорелиц. — На втором этаже, шестнадцатая квартира. Инвалид безногий, герой войны. Уж так она его ждала, уж так любила все эти годы!..

Владимир поставил портфель у парапета набережной, пересёк улицу и остановился у самой парадной. Здесь уже обжигало лицо пламенем, дым разъедал глаза, повсюду сыпались искры. Юноша стянул кашне, обвязался им до самых глаз, накинул капюшон, затянул и завязал тесёмки. Если куртка не загорится, он не пострадает.

Выбил ногой прогоревшую дверь — и в два прыжка на второй этаж по задымленной лестнице. Квартира номер шестнадцать, дверь нараспашку, в прихожей стена огня.

— Есть кто-нибудь?!

Никакого ответа.

Закрыв глаза рукой, пробежал сквозь пламя. В первой комнате никого, в другой тоже. Вот он! На кресле-каталке военный человек в орденах, весь седой. Он без сознания.

Набросил байковое одеяло, подхватил как ребёнка, пробежал сквозь огонь, потом вниз по лестнице и — на воздух. Позади с треском обвалилась прогоревшая балка крыльца.

Набережная уже запружена пожарными и скорыми. Морозный ветер ударяет в лицо, ветеран открывает глаза. Едва слышно произносит:

— Спасибо, сынок. За таких как ты... не зря воевали...

Тут инвалида подхватывают врачи, кладут на носилки. Женщина, всё ещё плача, но теперь от радости, мечется между мужем и спасителем, произнося несвязное... Милиционер с записной книжечкой пробирается через толпу.

— Где он?..

— Да только что здесь стоял...

— Значок на груди — не то «ГТО», не то «Отличник учёбы»...

— Кто парня знает?

Никто не знает. Его уже и след простыл.

Глава одиннадцатая JE T'AIME. MOI NON PLUS

Гусев и Телегин досмотрели кино, вышли на улицу Петра Лаврова и молча побрали по бульвару. Денег у обоих не было ни копейки, и как развлекать себя дальше, они не представляли.

— Надо башлей надыбать, — сказал Гусев.

— На что?

— Проститутку снять или хотя бы нахряться. Так жить нельзя.

— А сколько надо?

— Кажется, четвертной. Это если на Московском вокзале.

— Четвертной... — повторил Телегин. — Ты хоть помнишь, что такое четвертной? На двоих — вообще полтинник. Не реально.

— Так чего делать?

— Чего-чего, подрастать. Вырастешь, женишься, будешь свою жену трахать... даром.

— Когда вырасту, мне и без жены любая даст. Блин, какой был секс, какой секс! Если секса не будет — я эту падлу раздавлю, — Гусев покатал пальцем мягкий шарик, спрятанный за ухом под кожей. — На фиг это всё надо.

— Что значит раздавлю? Не имеешь права, нас трое, в конце концов.

— Трое. А что эта третья из себя целку строит? Тоже мне недотрога, восемь раз замужем. И мы ей вообще-то не чужие...

Телегин, как всегда в ситуации этого вечного треугольника, почувствовал уколы ревности.

— Не восемь, а четыре.

— Я не понял, Теля, ты её защищаешь?

— Нет. Она, конечно, ведёт себя неправильно, могла бы отнестись по товарищески. «Расслабиться и постараться получить удовольствие».

— По товарищески можно и без удовольствия.

У метро «Чернышевская» постояли в раздумье, греясь у входа тёплым воздухом.

Телегин задумался.

— Если поднапрячься и если повезёт, можно достать больше, чем полтинник... — заговорил он, припоминая один случай. — Есть одно место...

— Давай, давай, рассказывай, — оживился Гусев. — На любое дело подпишусь.

— Помнишь, в конце девяностых ломали дом. На углу Надежденской и Сапёрного переулка.

— Допустим.

— Тогда рабочие нашли в стене свёрток. А в свёртке два килограмма золотых монет царской чеканки. В городских новостях был такой сюжет. Потом ещё ходили разговоры, что им ничего не дали, поскольку они нашли не сами по себе, а на работе.

— Какая квартира?

— Сорок пять.

— Как же ты номер запомнил? Ах, да... И кто там живёт?

— Откуда я знаю. Дом ломали на капремонт, уже выселенный.

— Пойдём, узнаем, тут рядом.

— «Между окнами гостиной комнаты в стене, под обоями, шпоном и штукатуркой в капитальной стене отсутствовал кирпич. Удивительно, что прежние, не один раз сменившиеся хозяева квартиры, вешали на это место часы или картины, всякий раз высоверливая дыру и вбивая пробку буквально в нескольких сантиметрах от тайника. Возможно, что легко определяемую на простукивание пустоту в стене они относили к строительному браку и вбивали крепления в более надёжный участок».

— Ты это наизусть? А, ну да.

— Между окнами на уровне часов или картины.

— Без проблем. Интересно, кто там живёт?

— Кто бы ни жил, надо попробовать договориться и поделить.

— А, всё равно, я по любому готов. Договориться или не договариться...

— «По любому» я не согласен. Ты вообще-то что имеешь в виду?

— Да ладно, ничего, не ссы. Ты представляешь, сколько одна монета может стоить?

— Где ты её продашь?

— На Рубинштейна, возле скупки. Там искать никого не надо, жуки сами подходят. Особенно если ребёнок, сразу видно, что спёр из дома. Им такого легче всех облапошить.

— Я вижу, у тебя опыт в этом деле.

Дом и квартиру нашли сразу. Из двора-колодца в окнах ничего не видно. Даже свет люстры — то ли есть, то ли нет. Во дворе помойные баки и пикет милиции. Грязная парадная с обугленными почтовыми ящиками, седьмой этаж без лифта. Выше только забитый гвоздями чердак. Дверь с глазком; надо сразу показать что-то убедительное. За дверью едва слышно играла музыка — радио или телевизор...

— Возле ящиков валялись бумажки, — вспомнил Телегин.

Спустились, нашли затоптанное повторное извещение с надписью «несущ. адрес». Отряхнули, исправили несуществующий на тот самый. Главное войти, потом можно уболтать. Кто откажется от денег.

Позвонили.

Открылась дверь, музыка стала слышна более отчётливо. Полузапрещённая из-за своей двусмысленной эротичности песенка Je T'Aime. Moi Non Plus — «Жетем». В дверях — женщина средних лет. В халате, с бокалом в руке. Ничего особенного, так, рыхлый домашний хомячок, изнывающий от скуки.

— Вам кого, мальчики? — произнесла дама и покачнулась.

— Вам извещение.

— Кто-то умер? Муж?

Дама сделала глоток из коньячного фужера.

— Нет... Кажется, бандероль.

— Пройдите.

Гусев и Телегин зашли в прихожую, увидели на вешалке запредельно дорогую женскую шубу и мужские тапочки. Хозяйка взяла извещение вверх ногами и долго на него смотрела при свете бра.

— Прочтите, — она протянула Гусеву бумажку, — ничего не вижу. Без очков ничего не вижу. А очки... ну их.

— Смирновой Ирине Сергеевне. Ценная бандероль. Главпочтamt...

— Что? Какой ещё Смирновой. Я Гольданская. То есть, это по второму мужу. Теперь я... Не важно. Вы почту разносите?

Дети-оборотни уже более или менее сообразили что к чему. В первую очередь то, что хозяйка одна, сильно выпивши и ничего не видит без очков.

— Подрабатываем, — сообщил Телегин. — Студенты.

— Хотите выпить?

— Вообще-то работать надо...

— Успеете. Раздевайтесь.

Оборотни сняли куртки и обувь.

— Проходите. Мелкие вы какие-то. Мелкий студент пошёл... Где вы студенты?

— На журфаке.

— А! — вскрикнула дама. — Я там всех знаю! Кто декан?

— Зазерский Борис Семёнович, — вспомнил Телегин. Когда учился он сам, Зазерский был уже ректором.

— А! Бобочка! Я его знаю! Такой дурашка!.. Нет, это я так, шучу. Мальчики, вы только хорошо учитесь. Не обижайте Бобочку. То есть, Бориса... э-э...

— Семёновича, — подсказал Телегин. — Не волнуйтесь, мы самые лучшие.

— Хорошо. За это и выпьем. Сядьте, не мельтешите. Сюда, сюда. Нет, ты погоди, возьми вон там два фужерчика. Ага. А ты наливай.

Пить коньяк детям нельзя, это они понимали как взрослые. Организм может не правильно понять. Кроме того, было похоже, что в интимном свете импортного торшера наклёвывается нечто гораздо более заманчивое...

— За знакомство. Меня зовут Людмила. Можно просто... Людмила. Господи, я так и сказала. Можно без отчества! Выпьем за знакомство.

Не сводя глаз с задравшегося края халата, под которым виднелась кружевная комбинация, дети-оборотни чокнулись и выплеснули коньяк на ковёр. Довести дамочку до кондиции а потом спокойно обчистить тайник — плёвое дело. Но ещё раньше следовало воспользоваться дарованным судьбой шансом, стечением обстоятельств, случайным сближением, которое может прийти в голову только во время эротических фантазий, близких, уже очень близких к кульминации...

— Как вас зовут, студенты?

— Виктор.

— Александр.

— Сергеевич? Пф-ф!

— Именно. Угадали.

— Тогда за знакомство. То есть, опять. Тот раз не в счёт. Налили...

Эй, Пушкин, налили! ...И чокнулись.

Снова выплеснули на ковёр, глядя теперь, словно удавы, на обнажившееся плечо.

— Извините, — Людмила поправила халат. — Не надо смотреть. Вы ещё молоды. — Она потянулась к проигрывателю и переставила иглу на начало. Снова понеслась приторно-сексапильная мелодия «Жетен».

Налили и молча выпили. Все трое.

— А хотите, смотрите. — Людмила нарочно приспустила с плеч халат и кокетливо поиграла плечами. Её грудь колыхнулась.

Медленно поднявшись с кресел и обойдя столик с двух сторон, дети сели рядом с хозяйкой на диван — слева и справа. Четыре руки, словно щупальца, жадно потянулись к телу. Людмила вдруг откинула голову, прикрыла глаза и задышала. Два обезумевших, дрожащих от нетерпения

сперматозоида, принявших облик четырнадцатилетних мальчиков, принялись раздевать готовую на всё женщину, не веря ещё своему счастью.

Минуло не более часа. Теперь уже все трое лежали голые на разложенном диване.

— Ну вы даёте, мальчики, — с трудом проговорила хозяйка. — Где, вы говорите, учитесь? На филфаке?

Мальчики, совершенно обалдевшие от пяти или шести оргазмов, молчали, как слепые котята уткнувшись лицами в её тело. Ощущения, полученные отекса с настоящей женщиной, так не были похожи на жалкое брызганье, которое достигается путём самообслуживания.

— Или на юрфаке? Факе! Ха-ха-ха! Вот почему! Факе-факе!.. Но вы не думайте, я скромная. Я так первый раз... сразу с двумя. Потому что меня муж бросил. Взял и уехал в командировку. Разве так поступают с молодой и красивой? Я без этого не могу, я привыкла. О-о...

Щупальца, порядком ослабшие, зашевелились. Золото из простенка никуда не денется. А когда он ещё представится такой случай? Лет через пять? Через десять? Заполучить такое в седьмом классе... Они решили брать всё, до конца и впрок, пока дают.

— Давай так, — прошептал Гусев, вспоминая экранное порно и изобретая новые позиции. — Нет, перевернись на живот. На коленках. Ты там, сзади. О-о...

И пластинка, уже порядком заезженная, снова играла мелодию, сопровождаемую более чем натуральными вздохами.

Но не успела песня «Жетем» прокрутиться в очередной раз и до середины, как случилось нечто немыслимое.

Вспыхнул верхний свет.

В дверях стоял одетый в запорошённую подтаявшим снегом дубёнку и меховую шапку мужчина кавказской внешности.

Не сводя с мужа мгновеннопротрезвевших округлившихся глаз, Людмила высвободила рот, вильнула задом, натянула на себя прибившееся к стенке одеяло, облизнула губы и внезапно прошептала:

— Насилуют...

Кашлянула и выкрикнула изо всех сил:

— Насилуют! Помогите!!!

Кавказский муж бровью не повёл. Только сказал хрипло:

— Давно стою. Минут десят. Музыку слушаль. На вас смотрель...

Тут Людмила с невероятным проворством шмыгнула к дверям, пробежала на четвереньках у мужа под ногами и хлопнула туалетной дверью.

— Вызывайте милицию! — закричала она страшным голосом. — Он убьёт меня!!!

— Нэ надо милиция, — сказал кавказский муж с некоторой даже печалью в голосе. — Нэ принято у нас так. Сейчас её убью, потом вам яйца отрежу. Яйца свои будете кушать. Скушаете, домой пойдёте, жить будете.

Он вышел, запер комнату на ключ и принял ломать дверь в туалет. Дверь была добротная, дубовая и открывалась наружу, поэтому какое-то время ещё было. Телегин схватил с тумбочки телевизор «Горизонт» и, разбежавшись, бросил в окно.

Телевизор разбил оба стекла и повис на проводах — сетевом и от коллективной антенны. В комнату ворвался морозный воздух. Голые мальчики вскочили на подоконник и закричали во двор:

— Убивают! Убивают! Спасите! Убивают!..

Стоявшие возле машины «ПМГ» милиционеры подняли головы. Через минуту замок квартиры отстрелили из табельного пистолета «Макаров». На мужа надели наручники и увеличили. Дети смогли одеться, но были в шоке и долго не могли говорить. Несколько позже за ними приехали родители. Подслеповатая Людмила, накинув халат, бойко объяснялась с милиционерами, называя детей, одетых в школьную форму, молодыми людьми, студентами-юристами, которые зашли исключительно по делу. Милиционеры смотрели на неё хмуро и вопросов не задавали.

Глава двенадцатая СНОВА ПОЯВЛЯЕТСЯ ОРАНГУТАНГ

— …Таким образом, Римское право явилось классическим правом общества, основанного на принципах частной собственности и было впоследствии реци皮ровано, заимствовано, многими буржуазными странами.

— Спасибо, Володя, блестящий доклад. У кого-нибудь есть вопросы? Нет? Отлично, все свободны.

Преподаватель не мог нарадоваться на этого студента — такого умного, трудолюбивого, схватывающего всё на лету. Если употребляет термин, то непременно дублирует его на понятном языке. Одно удовольствие слушать такого студента. Несомненно, его будут просить оставаться на преподавательской работе...

В длинном коридоре главного корпуса Владимира окликнула девушка. Они учились в разных группах и познакомились совершенно случайно. Анжела, так её звали, видимо, всё также случайно, встречалась ему повсюду.

— Привет! У тебя есть лекция? Пойдём в кафе!

Владимир посмотрел на часы, которые носил на правой руке, чтобы на сгибе не мешало заводное колёсико, и улыбнулся:

— Не могу. У меня тренировка.

— Послушай, — настаивала Анжела, — у меня есть два билета в театр. Ведь вечером у тебя нет тренировок?

Владимиру стало неловко отказывать.

— Вечером плавание. Но я могу...

— Можешь пропустить?

— Уйти пораньше...

— Отлично, я тебя встречу. Кстати, нам совсем не обязательно идти в театр. У меня есть дома проектор с цветными диафильмами. Можно лежать и смотреть прямо на потолке.

Владимир смущённо кивнул:

— Хорошо. Пока.

— До встречи! — крикнула ему вслед Анжела так, что многие девушки услышали и обернулись.

Подошла стоявшая в стороне подруга:

— Неужели зацепила?! Всё равно ни за что не поверю. Он не придёт.

Где вы встречаетесь?

— Куда он денется. Пошли, покурим.

Плаванье и борьба располагались в одном спортивном комплексе общества «Водник», в здании бывшего католического костёла, спрятавшегося в старой застройке квартала, но по размерам сравнимого с расположенным по другую сторону Невского проспекта величественным Казанским собором.

В раздевалке у Владимира, как у разрядника, был свой, запирающийся на ключ, ящик. Мелюзга, занимавшаяся в секциях по абонементам, вешала одежду и сумки куда попало. Деньги и ценности оставляли вахтёрше: с некоторых пор кто-то начал шарить по карманам.

Сначала разминка — бег, прыжки, снаряды, растяжки. Тренер, когда-то чемпион Абхазии, командует не хуже боевого прапорщика.

— Построились! На первый-второй рассчитайся!

Рядом опять этот волосатый орангутанг, садюга. Так и есть, они «первый-второй».

— Разошлись парами, выполняем захват-биросок через бэдро!

Имён и фамилий здесь нет, только прозвища. Владимира зовут Акулой, потому что он мастер спорта по плаванию. Противника зовут Пауком. Потому что двигается как паук, потому что хитёр и коварен. Внешне скорее похож на краба: приплюснутое к земле квадратное туловище, широко расставленные руки и ноги. Если попадёшь в клешню, пощады не будет. Болевой шок, сломанные руки и ноги у партнёров на тренировках — едва ли не обычное дело. Его натаскивают для международных соревнований как пса-убийцу. Тренер специально ставит их рядом, потому что Акула наверняка вывернется. Паук тоже ходит на плаванье, но пловец из него никакой. Парень не глупый; отреагирует так, что мало не покажется, а если подольстится — получит всё, что захочет. Учится на хирурга. А они такими и должны быть: умными, циничными, с сильными волосатыми руками.

Глава тринадцатая НЕСКОЛЬКО СТАКАНОВ ПОРТВЕЙНА

Дом и квартиру нашли сразу. Из двора-колодца в окнах ничего не видно. Даже свет люстры — то ли он есть, то ли нет. Во дворе помойные баки и пикет милиции. Грязная парадная с обугленными почтовыми ящиками, седьмой этаж без лифта. Выше только забитый гвоздями чердак. Звонок оборван; мелом выведен полуустрётый призыв «стучать». Тут два варианта: или упрямая безмозглая старуха, которой надо кричать в ухо, или алкоголик. Старухе лучше сразу что-нибудь показать, тогда, может

быть, пустит. Квitantию или деньги. Денег нет. Алкаш рад любому визитёру. Если квартира коммунальная... Нет, было ясно сказано, что однокомнатная. Одна большая комната с двумя окнами во двор. В простенке между окнами висят часы... или картина. Неважно. Там и искать.

Телегин решительно заколотил по подбитому ватой дерматину. Он решил напугать старуху словами «утечка газа»; дальше подхватит Гусев.

Дверь неожиданно поддалась и растворилась, опрокинув какое-то ведро. Она вообще не была заперта.

— Серёга, ты? — крикнул мужчина из комнаты. — Чего долго? А я закемарил немного...

Зевая во всю пасть, вышел небритый мужик, невысокий, в трениках и женской шерстяной кофте. Под кофтой морская тельняшка. На ногах рваные демисезонные туфли.

— Отлично, — прошептал Гусев. — Наш клиент.

— У вас дверь открыта настежь, — сообщил Телегин.

— Да? Чего-то я закемарил. А сколько времени?

— Часа четыре.

— Так. А Серёга вышел в полвторого.

— За бутылкой? — спросил Гусев, чтобы разговориться.

Мужик удивлённо глянул.

— Вы сами-то чего?.. Ну-ка марш по домам уроки делать.

— Мы не дети, — презрительно сказал Телегин. — Мы в ПТУ учимся, на первом курсе.

Мужик с сомнением оглядел их опухшими глазами.

— Мелкие вы какие-то... ПТУ.

— Ты чего, мужик, сомневаешься? — заговорил Гусев заносчиво.

— Ну спроси нас что-нибудь по жизни. Спроси, сколько стоит сто граммов в «Севере». Спроси, сколько дать лабуху на лапу, чтобы тебе песню играл...

— А вы чего, пацаны, на халдеев учитесь?

— Почему это сразу на халдеев? На поваров загранплаванья. Двадцать второе училище на Петроградской.

— Ага... Слыхал про такое. Там вроде форму морскую выдают.

— Выдают со второго курса, — соврал Телегин.

— Ага... Серёга-то, видать, с концами. За куревом пошёл. Он болгарские курит. А если вы повара загранплаванья, красненького выпьете по двадцать капель?

— Можно, — охотно согласились повара и сняли куртки. — Пока школьную донашиваем, — подмигнули хозяину.

Прошли в комнату, сразу увидели голый простенок со бледным квадратом на обоях. Там должны были висеть те самые часы, под которыми клад.

— А где часы? — тревожно спросил Телегин, приблизившись будто к окну и скосив глаза на обои; гвоздь торчал на месте, обои нигде не повреждены.

— Торопитесь куда? — хозяин уже торопливо наливал портвейн в два гранёных стакана и одну кружку. — Часы снял. Кукушку заело. Подправлю — снова закукарекает. Садитесь... вон сюда, на диван.

Над диваном на гвозде висело ружьё, длинный охотничий нож, патронташ и подсумок. Сели, чокнулись.

— Ну, за это, чтобы из загранки привозить. Повара. Будете как короли в дублёниках ходить. Кто поймёт, что вы повара. Все тёлки ваши. Они это любят. Шмотки в смысле, одеколон там разный... Семён я. Стрелком в проходной завода работаю, сутки через трое. Скоро охота начнётся. У нас охотничий клуб. Завод от автобуса, путёвки... Летом пойду на медведя. В Сибирь.

Хозяин с чувством выпил и стал выжидающе смотреть на будущих поваров загранплаванья. Смухлевать невозможно. Пробормотали имена, выпили. В нос ударил едкий ностальгический запах «33-го». Подействовало сразу, в ту же секунду, после вдоха. Забытое ощущение эйфории от первого стакана. Потом нечто похожее можно будет вызвать разве что по нюшкой чистого кокаина... которого в России нет. А стоит такая доза — месячный заработок.

Через час все трое были совершенно пьяными. Хозяин — потому что на старые дрожжи, дети — потому что в первый раз. Они уже с чувством попели из репертуара Лещенко и Магомаева, а теперь Семён увлечённо, забывая слова и по много раз повторяя одно и то же, рассказывал про охоту на различных животных — места, повадки, сезоны, снаряжение. Достал подсумок, вынул огромную гильзу и, роняя и рассыпая, начал показывать, как заряжают пулю на медведя. Пуля была свинцовая, величиной с гречий орех. Пыж он скрутил из куска завтрашней газеты, оторвав заголовок со словами: «Дети-оборотни зверски убили ветерана ВОВ».

— Надо завязывать, — выговорил Телегин в самое ухо приятеля. — Мерещится какая-то ерунда.

Следовало выработать окончательный план действий из двух возможных: продолжать спаивать хозяина или рассказать про клад и спокойно поделить. Оба прекрасно понимали, что Семён может пить весь вечер, сутки или месяц. Возможно, что пьяное слабоумие его нормальное состояние. И ждать, в таком случае, не имело смысла.

— Подсыпать бы ему чего-нибудь... снотворного, — заплетаясь языком прошептал Гусев. — Клафелина... Достал уже, козёл.

К моменту произнесения последней фразы бубнившее на стене радио притихло, чтобы пропилякать сигналы точного времени.

— Кто козёл, — мрачно произнёс хозяин, и только тут дети заметили на его руке тюремную наколку.

— А, не! Я не то! — испугался Гусев. — Я вон ему, Саньке говорю... осёл, козёл и петух. Анекдот.

— Петух?..

— Не-не-не! То есть, так всегда в анекдоте: русский, хохол и еврей.

— Еврей...

Семён побагровел, он понял, что такую обиду можно смыть только кровью. Иначе он всю жизнь будет козлом, петухом и евреем. Если смоет позор кровью обидчиков, на зоне будут уважать.

Он встал и снял со стены ружьё.

— Кто козёл?

Семён преломил ружьё и вставил патрон.

— Не козёл! — вскочил с места Телегин. — Он не то сказал! Он сказал — петух!..

Затвор резко щёлкнул, чёрная дырка ствола оказалась у Телегина перед глазами.

— Помогите!.. — закричал он и, запрыгнув на подоконник, заорал в форточку, срывая голос: — Помоги-и-и-те!!!

Раздался грохот, медвежья пуля ударила в спину, раздробив позвоночник. Вышибая стёкла, тело вылетело наружу и рухнуло в глубокий колодец милицейского двора. В то же мгновение Гусев полоснул Семёна по горлу охотничьим ножом. Кровь брызнула фонтаном в глаза. Гусев захмурился и принялся махать ножом из стороны в сторону наугад, наступая и ощущая клинком податливую преграду.

Когда в квартиру ворвались милиционеры, Гусев лежал на полу без сознания, залитый кровью. Лицо, шея и грудь хозяина были изрезаны до белевшихся костей. В тумбочке нашли ордена и ветеранскую книжку.

В это время Кира Берёзкина, прикрывшись учебником, сидела на пустынных трибунах бассейна общества «Водник». Она уже переоделась в купальник и снова надела сверху школьную форму. Тренеру сказала, что уроки рано закончились. Месячные закончились ещё раньше, ночью. Отмывшись до скрипа, она была чиста и девственна.

Глава четырнадцатая КРОВЬ ЖЕНСКАЯ И КРОВЬ МУЖСКАЯ

После дзюдо — плаванье. Можно расслабиться и ни о чём не думать. Когда плывёшь на спине, видишь только кумачовую растяжку «ПРИВЕТ УЧАСТИКИМ СОРЕВНОВАНИЙ!». Иногда там, наверху, занимаются на батутах прыгуны. Тогда можно смотреть на кувыркающиеся в воздухе фигуры. Брассом и баттерфляем — не видишь почти ничего; только воду, дорожки и бортик далеко впереди. Когда плывёшь кролем — краем глаза выхватываешь боковые трибуны.

Вон сидит девчонка из младшей группы. Делает вид, что читает учебник, на самом деле смотрит. На него. Не в первый раз. Сколько ей?.. Лет четырнадцать-пятнадцать. Может быть, все шестнадцать. Если бы так... можно было бы познакомиться, пригласить куда-нибудь. Она очень привлекательная и не похожа на дурочку. Совсем не похожа. Если будет случай, он непременно с ней заговорит. Эта Анжела зачем-то путается... Совсем не в его вкусе. Фальшивая, глупая, самоуверенная. Надо было решительно дать понять, что у них ничего не будет. Ему нравятся совсем другие девушки. Вот хотя бы эта, которая смотрит. Даже если ей четырнадцать, через пару лет они физически будут почти ровесники.

Свисток прервал занятия. Теперь, минут сорок, до следующей группы, можно было купаться кто как хочет. Прыгнуть с вышки... А эта, Анжела, она подождёт в фойе; там не холодно и можно попить газировки. Лучше бы она куда-нибудь спешила.

Владимир поднялся на десятиметровую вышку, повернулся спиной, толчок, два оборота... и, словно клинок, без брызг, на глубину.

Вынырнул и сразу посмотрел на трибуны. Девчонка чуть-чуть улыбается.

— Ныряй!

Этого он от себя сам не ожидал.

Всё также загадочно улыбаясь, Берёзкина раздёллась, подошла к краю бассейна и нырнула. А вынырнув, оказалась лицом к лицу со своим кумиром. Ни намёка на щенячий восторг. Она уже знает, как это делается.

— Ты ходишь на дзюдо?

Владимир улыбнулся:

— А ты хочешь подраться?

— Хочу!

— А пошли!

В борцовском зале уже никого не было. Он встали друг против друга.

— Нападай.

Кира подошла вплотную.

— Нападай... — повторил Владимир смущённо.

Внезапно девчонка выбросила вперёд руку, угодив ей в солнечное сплетение.

— ... Так не честно.

— Вот ещё.

— Ты гипнотизировала.

— Давай снова.

Но снова и ещё снова не принесло Кире больше ни одного попадания. Хотя она пыталась драться без правил, всякий раз оказывалась спиной на ковре, а Владимир, пугаясь волнующей близости, мгновенно вскакивал.

— Научи меня, — сказала Кира, признав полное поражение.

— Чему?

— Ну, этому. Дзюдо.

— Прямо сейчас?

— Ну да. Так, в основном. Приёмчики.

— Ты знаешь, так быстро не получится.

- Ну хоть один.
- Ты как мальчишка.
- Я не мальчишка. Я женщина. И я хочу уметь себя защитить.
- Ладно, я покажу кое что, но это не дзюдо. Вообще не спорт.
- Хорошо, пусть будет не спорт.
- Только не говори потом, что это я тебя научил...

Часа через полтора они, усталые и вспотевшие, отправились ополоснуться. В закоулках огромной душевой было пусто, Кира и Владимир стояли в кабинках напротив под тёплыми струями и молчали. Потом Кира медленно спустила с плеч верхнюю часть купальника, подошла к Владимиру, и обняла его. Он хотел сказать, что делать этого нельзя, но вдруг вспомнил сказку про влюблённого, который не поцеловал принцессу, испугавшись навсегда остаться медведем. И он подумал, что навсегда останется медведем, если сейчас не сделает этого... Задыхаясь, испытывая почти боль от невыносимого желания, они вошли друг в друга, и Кира вскрикнула. Этот первый раз случился с ней второй раз в жизни, но того первого раза она не помнила. Настоящим был только этот — безумный, вызванный неистовой, никогда уже не повторяющейся после волной влюблённости.

Они долго стояли обнявшись, пока хлопнувшая где-то дверь не вывела их из оцепенения. Кира быстро надела болтавшийся на одной ноге купальник и убежала. Подобрала вещи на трибуне, ушла переодеваться. Владимир остался ещё на некоторое время, пытаясь собрать мысли в кучку — тщетно.

Едва войдя в раздевалку, он увидел, что кто-то шарит в его шкафчике. Кто-то, кого трудно не узнать даже издалека по уродливой, крабоподобной внешности. На пальце висит кольцо ключами-отмычками. Да он к тому же ещё и псих... клептоман.

— Эй, мастер! Паук! Борг! Давно увлекаешься, доктор? Скоро будешь резать людей под наркозом. Люди будут доверять тебе самое дорогое. А вдруг ты украдёшь сердце? Или веру?..

Владимир приблизился вплотную. Паук огляделся.

— Погоди, не шуми. Сможем договориться. Я ведь видел, как ты там с этой...малолеткой. Давай так: я ничего не видел, и мы расходимся.

— Ты видел? Зачем же ты смотрел? Зря ты сказал, я этого не прощу. Тебе придётся забыть без всяких условий. Идём на ковёр. У нас будет драка без правил, надо покончить с этим раз и навсегда.

— Сейчас покончим... — прошептал Паук и внезапно ударил Владимира в бок чем-то острым. — Раз и навсегда... — Он ударил ещё раз и снова огляделся. — Навсегда...

Кто-то вошёл в раздевалку и постучал по дальнему шкафчику:

— Эй!..

Паук рванулся к противоположному выходу, но оступился и неуклюже, стараясь не порезаться окровавленным скальпелем, завалился на бок. Поднялся и, оглянувшись на девушку, побежал.

— Доктор Борг?.. — прошептала она ему вслед недоумённо.

Кто-то слабо её окликнул.

— Ты здесь, Акула?

— Прошу тебя, не смотри. Там, есть бинты... аптечка. Я сам...

Владимир опустил голову и потерял сознание.

Выронив портфель и подняв руки к лицу, Кира закричала.

Глава пятнадцатая КАРТЫ, ДЕНЬГИ, ДВА ЛОХА

Дом и квартиру нашли сразу. Из двора-колодца в окнах ничего не видно. Даже свет люстры — то ли есть, то ли нет. Во дворе пикет милиции, машина «ПМГ». Грязная парадная с обугленными почтовыми ящиками, седьмой этаж без лифта. Выше только забитый гвоздями чердак. Пыльная дверь, обитая дерматином. Клочки ваты торчат из порезов. За такой дверью может жить кто угодно — алкаш с тараканами или завмаг с антиквариатом и четырьмя цветными телевизорами.

Стояли, пытаясь прислушаться, но тишина лестницы нарушалась ежесекундно: где-то орал ребёнок, где-то лаяла собака, где-то женщина покрикивала на пьяного.

Кнопка звонка одна; скорее всего, квартира не коммунальная. Это хорошо. Гусев и Телегин стояли уже минут пятнадцать. Никакого плана у них не было, нажать на кнопку ни тот, ни другой не решался. Чтобы составить какой-то план, следовало хотя бы увидеть того, с кем им предстоит иметь дело. Если они позвонят, то увидят, но тогда на раздумья времени уже не будет. В любом случае можно сказать, что ошиблись адресом... Скорее всего, какая-нибудь бабулька спросит через дверь «кто?», они скажут, что ошиблись, и, поджав хвост, уберутся.

— Можно сказать так, что любой откроет, — загадочно произнёс Гусев. — Минута пошла.

Телегин задумался.

— Денежный перевод! — догадался он, вспомнив криминальный беспредел девяностых.

— Кому перевод?

Стоя у окна и глядя во двор, оба не заметили, как на ступеньках появился человек. Дверь на площадке одна. Судя по всему, жилец этой самой квартиры.

Жилец поднялся ещё на несколько ступенек и стало понятно, что это мальчик, пожалуй, их ровесник. Гусев и Телегин одновременно подумали о том, что с договориться с парнем, если он не дурак, будет нетрудно. Кто откажется от денег, которые сами плывут в руки?

— Не, это мы так, о другом, — сказал Гусев. — Тебя как зовут?

— Сайгаков... Дмитрий. А что такое?

— Да ладно, ты отдохнись. Поговорить надо.

— А что такое?

— Родители дома?

— Нет. То есть, дома... Не знаю. Вы звонили?

— Звонили, — сказал Гусев.

Решив, что врать бесполезно, Сайгаков пробурчал:

— Мама на работе, скоро придёт.

— К тебе зайти можно?

— Зачем?

— Воды попить.

— Подождите, я вынесу.

С опаской поглядывая на незнакомцев, мальчик вынул связку ключей, отпер два замка шагнул в темноту и быстро захлопнул дверь.

Гусев подождал секунд десять и позвонил. Потом ещё. И ещё. Наконец из-за двери послышалось неприветливое:

— Вам кого.

— Дима, ты что, нас боишься? — сказал Телегин, голос которого звучал несколько мягче и дипломатичней, чем Гусева. — Тогда мы твою маму подождём.

Это сработало.

— Вы из секции? — послышалось из-за двери.

— Да, нас прислали поговорить.

— Я больше ходить не буду.

— Тогда надо заявление написать.

— Ладно. А что писать?

— Всей лестнице рассказывать?

Дверь загремела запорами и отворилась.

— Ладно, заходите.

Уже в прихожей стало понятно, что квартира богатая. Комбинаторы зачислили это в минус, точно так же, как хмурое упрямство и.о. хзяина. Они разделись, разулись и прошли на кухню. Здесь стоял цветной телевизор «Рубин», хотя цветного телевидения ещё не было. Были только короткие экспериментальные включения, обозначавшиеся в программке буквами «ЦТ». В комнаты Сайгаков Дмитрий гостей не пригласил. Он принёс ручку, вырванный тетрадный листок, сел за клеёнчатый стол и подготовился писать.

— Говорите. На чьё имя?

Гусев и Телегин переглянулись. Если они начнут пудрить мозги, этот парень выставит их за дверь или, чего доброго, поднимет шум. Нужно было сразу, одним махом ввести его в курс дела.

— Мы насчёт денег, — сказал Гусев.

— Каких денег? — откликнулся Сайгаков.

Несколько вопросов и ответов были просчитаны. Всё зависело от поведения хмурого мальчика на пятом ходу.

— Золотые монеты царской чеканки, — сказал Телегин.

— Где?

— Здесь.

— Где здесь? У мамы?

— Нет. Не у мамы. Пока вообще ни у кого. Они — клад.

— Какой клад? Где?

— В этой квартире.

Сайгаков Игорь задумался.

— Водички можно попить? — сказал Гусев, у которого нервы не выдержали затянувшейся паузы. «Надо маме сказать», — прозвучит или не прозвучит?

— Чайку поставлю, — проговорил наконец хозяин, прекратив кусать колпачок шариковой ручки. — Мать ещё не скоро придёт.

Комбинаторы мысленно пожали друг другу руки.

Сняв картину, хозяин простучал стену между окнами гостиной. Комната ломилась от мебели, ковров, хрустяля и «фирменной» техники. Как удалось узнать между прочим, мать работала на овощебазе, а отец, без уточнений, всё больше по командировкам.

— Есть, — произнёс Сайгаков Игорь. — Вот здесь что-то...

Он принёс электродрель и принялся неторопливо рассверливать контур выявленного участка.

Гусев и Телегин скромно стояли позади и помалкивали. Они уже выработали правильный стиль поведения с этим упрямым, замкнутым, избалованным мальчишкой. Поменьше трёпа, разговоры только по существу.

Всё время до этого они торговались. Хозяин требовал восемьдесят процентов; визитёры предлагали тридцать. Через полчаса хозяин снизил свои требования до семидесяти шести.

Сообразив, что, имея дело с таким упрямцем и склеротичным, они никогда не закончат разговор, по крайней мере, до прихода мамаши, Телегин предложил сначала найти клад, а потом уже его делить.

Игорь легко согласился. Или у него был какой-то особый план, или он вообще не особенно верил в существование кладов.

Пока работала дрель, Гусев шептал в ухо приятелю какие-то сбивчивые глупости. Вроде того, что парня надо связать и забрать всё. Или оставить ровно столько, чтобы он и его мамаша не пожаловались в милицию. А они в любом случае не пожалуются, потому что всё это богатство, сто пудов, наворовано торговой мамашей.

— Как ты думаешь, в какой секции он занимался? — скептически прошептал Телегин.

Оба смерили невысокого, но крепкого, толстенького мальчика. Такие бывают невероятно сильными и неожиданно быстрыми.

— Чёрт его знает... — пробормотал Гусев. — Лучше треснуть сзади чем-нибудь тяжёлым.

Он стал озираться, подыскивая, видимо, нечто вроде бейсбольной биты, которые видел в американских фильмах, а Телегин зашипел на него и застучал по лбу костяшками.

В этот момент, в паузе, Игорь услышал звук и обернулся. Выражения лиц и жесты показались ему подозрительными.

— Ты сверли, — приказал он Телегину и протянул дрель. А сам отшёл в сторону и встал в дверях.

Оставалось совсем немного. Десяток-другой дырочек, и на обоях чётко обрисовался контур торца отсутствующего кирпича.

— Надо... — начал говорить Телегин, но вдруг увидел за своей головой молоток и отпрыгнул.

Гусев нервно хохотнул, Игорь не обратил на трусливый прыжок внимания. Он приставил стамеску и ударил по ней молотком. Рядом ещё раз, и ещё... Квадратик, состоящий из множества слоёв газет и обоев, арматурного шпона и штукатурки, отвалился. Всё пространство отсутствующего кирпича заполнял свёрток тёмной бумаги, туго перевязанный бечёвкой.

— Шаг назад, — сказал Игорь и строго посмотрел на комбинаторов.

Бывают такие дети, которые уже классе в четвёртом становятся вполне взрослыми. Возможно, они такими рождаются. Бывает совсем наоборот. Наоборот были Гусев и Телегин. Игорь Сайгаков стал для них авторитетом ещё с момента своего первого появления на лестнице, и они ничего не могли с этим поделать. Гусев протестовал против такого положения вещей, строя планы физической расправы; Телегин решил «будь что будет».

Комбинаторы сделали шаг назад. Хозяин квартиры вытащил на свет длинный плотный свёрток, подхватил его двумя руками (он весил явно не меньше килограмм шести) и грохнул его на покрытый скатертью стол. Снова сказал «шаг назад», но это не подействовало: все трое, сопя от волнения принялись рвать пропитанную чем-то твёрдым бечеву и плотную упаковочную бумагу. На скатерть вывалились и сверкнули несколько монет. Все трое схватили по монете и замерли, разглядывая.

— А как проверить, что они золотые? — сказал Гусев, укусил край монеты, поморщился и сплюнул.

— Какой дурак будет не золотые прятать, — проворчал Игорь Сайгаков и вдруг предложил: — Разыграем в картишки?

Комбинаторы переглянулись. Мысль о возобновлении торга с упрямым мальчиком обоим была тошнотворна. На крайний случай, — подумали они, — можно чем-нибудь и треснуть...

— Во что играть? — поинтересовался Гусев.

Играли в американский покер. Мальчику было всё равно во что, а Гусев и Телегин неоднократно резались в покер на даче и на пляже по каким-то мизерным ставкам.

Но ещё раньше, до того как разделить монеты на три равные части и приступить к игре, Игорь Сайгаков потребовал точно установить личности своих гостей. Телегин продиктовал свой номер, мальчик спросил у его мамы адрес и фамилию, потом дал трубку Телегину, и тот сказал, что поспорил. Ну, вроде того, что он живёт именно в сорок пятой квартире и это удивительное совпадение. Подобным образом установили Гусева. После этого мальчик позвонил на работу мамаше и продиктовал адреса и фамилии. Искать его там, если дома его не будет.

Игра пошла. Такой игры у комбинаторов не было ни разу ни до ни после. Золотые монеты, каждая из которых могла стоить долларов двести, столбиками и кучками перемещались из одной части стола в другую. Ставили, в основном, на парах и тройках. Это только в кино всем прут стриты, каре и флеш-рояли. Бывало, что один из комбинаторов проигрывал всё, и другой «одолживал» ему половину — играть сразу договорились на один карман. Бывало, что оставалось ровно на одну ставку, и он её обязательно выигрывал. Комбинаторы нервничали, противник играл как профессионал — молча, словно надев маску на лицо.

Когда позвонила мамаша Игоря, ахнули: было уже одиннадцать.

— Через полчаса приедет, — объяснил Игорь, повесив трубку. — Пару сдач и разбегаемся.

Второпях начали делать большие ставки. На второй сдаче все деньги, разделившиеся волшебным образом пополам, оказались у Телегина и Игоря. Телегин обменял валета на удачу и получил джокера. Теперь

у него был стрит. Он показал карты Гусеву и выгреб все деньги на середину. Обменяв две карты и подумав несколько секунд, Игорь выгреб на середину стола своё золото. Вскрылись. У хозяина квартиры было каре из двоек.

Сайгаков убрал со стола всё лишнее, аккуратно свернул скатерть вместе с деньгами, убрал в ящик стола и запер.

— Идите, идите, — похлопал он по плечам сидевших словно в ступоре игроков. — Вот, держите по одной монете. Завтра дам ещё. Позвоните вечером, после школы. Только не сейчас. Идите, идите...

Глава шестнадцатая ЖРИЦЫ ЛЮБВИ КАРЛИКОВ НЕ ОБСЛУЖИВАЮТ

В свете фонарей кружил снег. Ветер стих и заметно потеплело. Брели по улицам куда глаза глядят. Почему-то оказались возле скупки на Рубинштейна. Остановилась и потоптались около закрытых дверей. Рядом, как будто случайно, возник жучок-перекупщик.

— Продаёте?

Гусев показал свою монету.

— Сто рублей, — сказал жучок, едва взглянув.

— Двести, — Гусев начал торговаться по привычке.

Жучок мотнул головой и отошёл.

— Ладно, берите.

Телегин тоже отдал свою монету и получил сто рублей — два зелёных полтинника, месячную зарплату инженера. На эти деньги можно было купить сорок килограмм баранины или десять тысяч коробков спичек; авести упаковок вкуснейших пельменей или четверть тонны сырого минтая; тонну картофеля или тысячу пирожков с мясом...

Зашли в «Гастрит», кафе-автомат на углу с Невским, перехватили пирожков. Показалось мало. Взяли по две порции сарделек с тушёной капустой. И ещё по две.

Пошли по Невскому в сторону Лиговки.

— Этому парню, Сайгакову, можно не звонить, — сказал Гусев. — Он жулик. Натравит на нас каких-нибудь бандитов.

— Думаешь?

— Думаю. У тебя есть дома запечатанная колода на пятьдесят четыре карты?

— Нет.

— Какая есть?

— Ну, такая... Тридцать шесть. Замусоленная.

— А я видел, как он эту доставал. У него таких полный ящик.

— У него? Зачем?

— У него... Или у его папашки. Который всё время в командировках. А когда дома, уютными вечерами играет карточками со своим ребёнком. Учит его разным карточным фокусам...

— Кидала, — сообразил наконец Телегин. — Профессиональный карточный шулер. Поезда, пароходы... Командировки. Блин, во попали!! Значит, он нас как детей делал. Всё рассчитал с самого начала. Есть две копейки?

— Не надо.

— Почему не надо!

— У таких, как они, крыша. Наши адреса знают. Лучше вообще не высовываться. Сами виноваты, что так лопухнулись.

Незаметно подошли к Московскому вокзалу. Настроение, конечно, было испорчено, однако сытые желудки уже благоприятно подействовали на нервную систему. Решили просто посмотреть.

Ещё у стоянки такси заметили женщину, не очень юную, не очень свежую, гулявшую без видимой цели с ключами на пальце. Остановливая свой взгляд на каждом мужчине, она как будто говорила: «Бери, бери, не пожалеешь!..» К разочарованию Гусева и Телегина, пофланировавших два раза ей навстречу, проститутка не обратила на них ни малейшего внимания.

Тогда Гусев, по характеру и роду своей работы более раскованный, подошёл и деловито поинтересовался:

— Сколько стоит?

Женщина удивилась уверенному тону и стала вглядываться в ребёнка, заподозрив, вероятно, что имеет дело со взрослым карликом.

— Тебе сколько лет?.. — произнесла она хрипловато.

- Много, много уже. Отстал в развитии. Сколько берёшь?
- Че... четвертной.
- Ещё одна есть? Нас двое.
- Нет... А вы что, в цирке работаете?
- В цирке, в цирке. Вся жизнь один сплошной цирк. Как зовут? С кого года будешь?
- Сорокового.
- Тридцать четыре. А нам — по сорок четыре. Понятно?
- Так я двоих могу... обслужить. Со скидкой. С обоих сороковник.

Меня Ниной зовут.

В темноте, шапках, воротниках и снежинках было трудно понять, кто такие. А ребёнок так говорить не мог.

- Ключи от квартиры?
- Комната... служебная. Тут рядом.
- Пошли. Держи задаток.

Нина взяла две красненьких, и они прошагали квартал по заснеженному Старо-Невскому.

- Может, тебе выпить взять?
- Себе возьмите, а я не пью... в завязке.

Прошли дворами, поднялись на шестой этаж, вошли в коммуналку, пробрались по захламлённому коридору. Нина отперла комнату, пропустила вперёд клиентов и зажгла свет.

- Раздевайтесь...

Половину крошечной комнатушки занимала разобранная тахта с выразительным пятном на простыне. Было душно, воняло постелью и парфюмом. Такая атмосфера ещё больше распалила подростков, чувственность которых бомбардировали гормоны с мощью атомного реактора.

- Лимит времени? — спросил Гусев.
- Чего?
- Сколько у нас времени?
- Часа хватит.
- А если на всю ночь?
- Столбик. Чего стоите?..

Сама Нина была уже в одном лифчике и юбке. У неё оказалась тонкая спортивная талия и развитые формы, при виде которых у мальчиков потекли слюнки буквально отовсюду. Не сводя глаз с вожделенной фигуры, они начали раздеваться. Под куртками оказалась школьная форма.

Увидев форму, Нина начала меняться в лице.

— Э!.. — сказала она, прекратив стягивать колготки. — Эй, карлики, а ну-ка ещё раз: сколько вам лет?

Она поднялась, застегнула юбку на крючок и зажгла верхний свет. Взяла одного, потом другого за подбородок, подняла лицо к свету.

— Ладно, ладно, сколько надо? — заволновался Гусев. Прервать на этом было немыслимо. — Сколько денег хочешь?

Но проститутка была уже в бешенстве:

— Вы что, блядь, — зашипела она, сверкая глазами, — хотите меня в землю зарыть?! Меня мусор пасёт каждую минуту, за каждого козла отчитываюсь перед ним. Да меня сейчас же из-за вас, поганых соплей, на сто первый километр, а может, и опять на нары!.. Твари позорные! Брысь отсюда! На цыпочках, чтоб никто не видел!!

И, сунув Гусеву за воротник полученный аванс, она вытолкнула детей на лестницу.

— Если ещё раз увижу, яйца вырву!..

Мачо-недоростки медленно спустились и вышли на улицу. Удар был гораздо более ощутимый, чем потеря клада. Атомные реакторы рвали предохранительные клапаны; вот-вот должен был случиться Чернобыль.

Глава семнадцатая МАЛЬЧИКИ БЫВАЮТ НАСТОЙЧИВЫ

Кира возвращалась домой далеко заполночь. Она была рядом с ним всё время, пока не началась операция. Она бежала рядом с носилками, когда приехала «скорая»; она, назвавшись его сестрой, не выпускала его руку из своей, сидя в машине. Теперь она думала только об одном: протянуть в комнату телефон и звонить, звонить, пока они не скажут... Но как же его фамилия? Акула, Володя... Акулов? Акуличев? Акуличин?..

Окна не горят. Родители в гостях, ещё не вернулись. На лестничной площадке у окна стоят двое. Гусев и Телегин.

— Одна? — почему-то спросил Гусев вместо приветствия. — А где родители?

— Погоди, — Телегин сделал шаг навстречу, — она, кажется, плачет. Берёзкина, ты чего плачешь?

Не вступая в разговор с малолетними идиотами, Кира достала ключи и отперла дверь. Идиоты сразу шмыгнули в квартиру.

— Что вам надо! — проговорила она сквозь слёзы и сопли. — Убийтайтесь вон!

— Ты чо, подруга, — грубо сказал Гусев, — белены объелась? Это мы. Не узнала? Раздевайся, рассказывай. Будь как дома.

Все трое разделись, разулись и прошли на кухню.

— Я его знаю, это Борг, пластический хирург, — пролепетала Берёзкина, достала из пепельницы отцовский окурок, чиркнула спичкой прикурила. Затянулась, вытаращила глаза и едва не упала со стула. Схватилась за грудь, закашлялась. Первая затяжка едва не сбила её с ног. Гусев подхватил её и усадил, обняв за талию. Телегин затушил окурок.

— Какой ещё пластический хирург? Ты чо, коза, подтяжку собралась делать?

— Борг его зарезал, я видела. Надо сообщить в милицию!

— Так, спокойно. Кто кого зарезал?

— Там, в бассейне, я видела... Он такой же, почти не изменился, только моложе. Он зарезал моего парня, Акулу. Мы только сегодня...

— Понятно. Теля, у неё в бассейне какой-то парень. А нам — уберите руки.

— Все бассейны и сауны — гнёзда разврата.

— Там групповуха, а нам — уберите грабли, малолетки. Ты чо, коза, нюх потеряла? Забыла где ты, кто ты, с кем ты?..

Кира поднялась, вышла в прихожую, взяла телефон и, пошатнувшись, потащила провод в свою комнату.

— Она бухая... Вот сука!

— Смотри, дверь закрыла...

Защёлка отлетела после второго рывка. Берёзкина сидела на кровати с телефоном и, хлюпая носом, говорила в трубку:

— ...Я не знаю фамилию. Его зарезали сегодня в бассейне. Если придут из милиции, скажите, что его Борг зарезал. Борг, Лев Гургенович. Тысяча девятьсот сорок девятого года рождения. А?.. Владимир. Может быть, Акулов или Акуличин... А какие есть? Что... Как вы сказали?..

Услышав фамилию, Кира уронила трубку и потеряла дар речи.

А потом её повалили на спину. Она почти не сопротивлялась. Только в тот момент, когда первый с усилием втолкнул свой тугой пенис в её сухое, сжавшееся от страха влагалище, крикнула. Этот крик ещё больше распалил оборотней. Первый, дёрнувшись два-три раза, с тягостным стоном кончил. Второй продержался толчков десять-пятнадцать. Потом она беззвучно плакала, а они её раздевали. Совсем, догола. Гладили, трогали, переворачивали и разглядывали.

Время шло, Кира начала выходить из шока. Поняв, что происходит, она до боли стиснула зубы. Она затаилась. Она даже притворилась, что ей приятно.

— Слыши, ей уже по кайфу, — сказал Гусев. — Слыши?.. Давай, давай, она в рот хочет...

Второй мальчик приблизился и выставил свой уже не так сильно возбуждённый пенис. Кира повернулась, взяла его в рот и изо всех своих сил, удесятерённых гневом, стиснула челюсти. Поведя зубами из стороны в сторону, словно пилой, она откусила ровно половину и выплюнула.

Поднялась с кровати и шагнула к Гусеву. Увидев её глаза и окровавленный подбородок, тот бросился из комнаты, но из-за спущенных штанов упал, с размаху ударившись головой о край комода. Обмяк и остался лежать лицом вниз.

Кира выдвинула ящик с принадлежностями для шитья, достала ножницы с ручкой на все пальцы правой руки, опустилась на корточки, оттянула и одним махом отсекла Гусеву мошонку.

Поднявшись, огляделась.

Телегин, схватившись за пах и конвульсивно дёргаясь всем телом, сидел на полу и молча смотрел на неё, широко раскрытыми глазами. Под ним растекалась лужа густой крови. Гусев лежал, в нелепой позе, раскинув руки, и его тёмный ручеёк тянулся к луже крови приятеля.

Берёзкина накинула халат и позвонила в «скорую».

В тишине хлопнула входная дверь, в прихожей послышались голоса. Это вернулись родители.

Телегин посмотрел на пол. Две лужицы крови сомкнулись. Нашупал липкими пальцами монету в кармане спущенных брюк. Приложил монету к упругому шарику за ухом и изо всех сил надавил. Шарик лопнул, под кожей растеклось горячее.

В голове щёлкнуло и со скрежетом провернулось.

Глава восемнадцатая ДЕЛО НЕ ЗАКРЫТО

Я открыл глаза и увидел Зюскевича. Миня всё так же сидел за пультом в помпезно-сталинском интерьере метрополитена. Его сигарета, которую он прикурил до того, как нажать Enter, горела на том же месте, а пепельница была пуста. Он затянулся не больше одного раза, прошло не более секунды.

Мы сидели, застыв и глядя прямо перед собой. Только что меня оскостили. Гусев, потерявший сознание от удара, не знал, что его кастрировали.

— Так мало? — равнодушно спросил Зюскевич. — Вы пробыли там ровно сутки.

— Нормально, — сказала Кира. — Достаточно. Спасибо. Всем хватило.

Украдкой я скосил глаза. По её щекам катились слёзы.

Машина времени действует, по этому поводу у меня больше не было сомнений. Никакой кибер-симулятор не смог бы дать столь явственное ощущение реальности.

— В восемьдесят четвёртый хотите? — поинтересовался Зюскевич тоном портье дешёвой гостиницы.

— Да! — торопливо откликнулся Гусев. — Хотим!

— Выпить... — я облизнул сухие губы. — Выпить можно?

Зюскевич вышел из-за пульта и дал нам выпить из фляжки. Сигареты и спички из наших карманов лежали на полу под ногами.

— Бальзам какой-то?.. — ломая спички, прохрипел Гусев.

Он не посмел передать фляжку Берёзкиной, а вернул её Зюскевичу. Из его рук Кира взяла и в несколько приёмов выпила, как мне показалось, довольно много. Не глядя, передала мне, и я допил оставшееся. Нам стало хорошо и мы покурили.

— Да-да! — сказал я. — В восемьдесят четвёртый. Это нормально.

Все ждали, что скажет Берёзкина.

— Крути, — сказала она. — Дело не закрыто.

Потом, в последствии, я понял, что она имела в виду Борга.

Зюскевич сел за пульт, сказал, что всё готово. Мы тоже были готовы. Он стряхнул пепел, сказал «поехали» и нажал кнопку.

Мысленно очертя головы, мы снова полетели вниз, беззвучно пронзая витки времени. На этот раз — в одна тысяча девятьсот восемьдесят четвёртый.

Часть третья

ПОЧТИ РОК-Н-РОЛЛ

Глава первая ЦАРЬ РУССКОГО РОКА

Окна небольшой мансарды на улице Софьи Перовской разрисовали морозные узоры. Вылезшее из-за домов солнце вдруг их разом осветило, и лучи засверкали по православным образам, китайскими божками, красочным иллюстрациям из «Бхагавадгиты» и шитой серебряным арабским узором иудейской кипе на голове хозяина.

Царь русского рока открыл глаза.

Пятеро наложниц, жён его солдат-музыкантов, тут же стали молиться и плакать от счастья и окуривать своего господина благовониями. От курений над головою его высветилось загадочное облачко в форме бублика.

Царь опустил ноги в тазик с подогретой водой, в которой плавали лепестки роз. Наложницы принялись омывать ему ноги, затем обтёрли насухо мягкими полотенцами, затем, отталкивая друг друга и припав к тазику, выпили всю воду до последней капли.

БГ ступил в туфли с загнутыми носами и поднялся. По обычанию древних шумеров он не носил нижнего белья, и при виде его мужских достоинств наложницы издали вздох восхищения. На плечи его набросили подбитую горностаем алую атласную мантию, и он вышел из спальни в приёмную, служившую также по необходимости коммунальной кухней.

А здесь уже выстроились в ряд его верные солдаты-музыканты, бойцы рок-н-рольного фронта. Маленький шут-арапчонок по прозвищу Африка закувыркался под ногами, и легонько дёрнул, ущипнул господина за крайнюю плоть, дабы вызвать улыбку на его лице. БГ потрепал Африку по жёстким кудряшкам, наклонился и с улыбкой что-то шепнул ему на ухо. Арапчонок засмеялся, захлопал в ладоши и закувыркался по ковру пуще прежнего.

Лейтенант Сева Гаккель, повернулся на каблуках и, шагнув строевым шагом, поднёс царю блюдо с поросёнком, обложенным кашей, паштетом из репы и черносливом. А на столе уже полно всего — и розетки с икрой, и гренки, и яйца всмятку в серебряных рюмочках. БГ кивнул, сел за стол и принял с неторопливостью есть, пробуя понемногу то, и другое, и бросая кусочки под стол. Там, под столом, резвился неугомонный арапчонок. То он рычал и хватал царя зубами за перстни, то подставлял ему кучеряшки, чтоб царь жирные пальцы об них вытер.

В эти дни БГ жил по религии туземцев острова Туканака, позво-лявшей разговляться после длительного зимнего поста, во время которого несчастные аборигены питались исключительно сухими колючками. По счастью, в тот тяжёлый период поедания колючек царь молился идолам острова Накатука, находившемся в противоположном полушарии. А эти идолы предписывали до наступления весны есть мясо, даже, по возмож-ности, человеческое. Но БГ не стал есть человеческого мяса, хотя имел на это полное право. Великодушие и аскетизм царя вызывали потоки слёз умиления у его паства.

Отведав понемногу того, другого, третьего и утерев рот вышитой салфеткой, царь поднялся из-за стола. Поблагодарил солдат за верную службу, вернулся в спальню, принял из рук индийского друга туго забитую травами раскуренную папиросу. Густо запахло ароматами неспешного Востока, приглушённо заиграл ситар. Солдаты и наложницы прикрыли аверь и тоже сели завтракать. А там ещё много было. Смели в полторы минуты, посуду вымыли, прибрались. Тоже прилегли подремать где при-дётся. На какое-то время сделалось тихо.

В расположенной под самой крышей дома коммунальной квар-тире были прописаны ещё несколько семей. Но они нарочно жили в дру-гих коммунальных квартирах, снимая там комнаты. А двери их собственных комнат были заколочены досками, потому что они, осознав в полной мере величие своего случайного соседа, совершенно добро-вольно съехали, чтобы, однажды попавшись ему на глаза, не смутить его своим дурацким видом.

Часа в два БГ снова вышел, выпил кофию, прогнал всех на улицу, прилёг на кровать с гитарой, в задумчивости тихонько пощипал струны. В это время он писал новую гениальную песню. Эти песни сами собой рождались в его воображении, не требуя темы или вообще какого-либо

напряжения мысли. Килограммы переводной самиздатовской белиберды, прочитанной в юности, на всю жизнь одарили его неповторимым поэтическим лексиконом. И музыка была прекрасна; не без цитат, конечно, но всё-таки больше оригинальная. Музыка цеплялась за слова, слова за музыку — и рождалась новая песня. И он видел, чувствовал, что она тоже хороша.

Втайне он никак не мог понять: откуда это берётся? По идее, вдохновение посыпается свыше... Но ведь ещё выше, выше него уже совсем никого не может быть... Уж наверное, не деревянные идолы с какого-нибудь людоедского острова сочиняли за него эти прекрасные песни. Он читал Тору, Библию, Дзен, Коран, Конфуция, Боба Дилана и Владимира Шинкарёва, но не находил ответа на мучивший вопрос. Может быть, он сам сочинял их для себя? Но этого не может быть. Почему же тогда он сам не понимает их грёбанного смысла!

До четырёх — неспешная прогулка по Невскому в окружении рок-н-рольного войска и в сопровождении толпы зевак. Обед в американском консульстве, непринуждённая беседа на английском о творчестве Кизи, Вульфа, Керуака. Свечи. Офицант во фраке и белых перчатках. «Гарсон №2» — незаметно помечает БГ на салфетке. Коллекционное виски, сигара, акустическое джазовое трио на маленькой эстраде.

На улице его терпеливо ждут. Стемнело, мороз. Кости ломит от холода. Исподтишка в который раз пускают по кругу нагретую под одеждой бутылку «Каберне» — собрали только один рубль шестьдесят пять копеек на вино и двадцать две копейки на папиросы.

Но вот он вышел — весёлый, разгорячённый. И солдаты тоже повесели. Сели в трамвай, поехали обратно домой.

А дома уже гости сидят: митьки с портвейном. На столе плавленые сырки, хлеб толстыми ломтями и шпротный паштет. Теперь правила совсем другие. Всем предписывается орать, хохмить, петь, перебивать, травить анекдоты. Митьки хлещут портвейн стаканами, хохочут басом так, что стёкла звенят, разворачивают рулоны, дарят «Борисушке» свои нехитрые картины с ужасно смешными комментариями.

Хозяин улыбается, тоже выпивает со всеми: едва руку под стол опускает, сидящий в ногах арапчонок — хлоп — портвейн за него залпом заглатывает, а в стакан льёт лёгкий абрикосовый крюшон на коньяке. Царь не запойный, разборчивый, во всём знает меру. Другие-то потом, со временем, совсем завязали, чтобы в живых остаться, а он так и пьёт понемногу, когда захочет, в меру, для здоровья и удовольствия.

Ровно в восемь пьяных митьков прогнали; пора на концерт ехать. Возле парадной уже автобус стоит, в автобусе солдаты рок-н-ролла репетируют. А ему репетировать не надо: что репетировать, если он сам всё придумал. Даже если петуха или поперёк сыграть — может оно так и надо.

Большой зал ДК имени тов. Крупского. «Кино», молодая группа, публику разогревает. БГ уже знает, что Цой талантливый, что за ним будущее, но публика ещё не врубается. Скучают, посвистывают, ходят табуретами в буфет и обратно.

Но вот ему пора. Всё настроили, бойцы-музыканты на сцене, толпа ревёт. Вышел во всём блестящем, прожектора ударили по тёмным очкам, гитара зазвенела, бёдра завихляли, голос полился.

Слух не безупречный, так себе, как у всех. Но голос особенный, с лёгкой вибрацией, козлинкой; не то, чтобы совсем Марк Болан, а скорее чувственный баритон. И публика это понимает, отзывается на талант артиста. «Я констатирую факт... — поёт БГ, — козлы!!»

Публика орёт в счастливом исступлении, тянет пальцы к кумиру. А колонки всё равно не перекричать.

Забойных хитов не так много, всё больше лирика, многословная, многозначительная. При большом таланте её сочинять легко, струны сами поют, слова сплетаются... Но после трёх-четырёх лирических одна непременно должна быть забойная, иначе заскучают. На концерт приходят ради тусни, поорать. А послушать можно и дома. А он приходит, чтобы напитаться ими. А иначе, без подпитки, какое творчество?

Больше часа прошло. Вот он уже и насытился. Вполне. Устал даже. Два выхода на бис. Они тоже выдохлись. Надо расстаться. Пока! Спасибо! Двумя руками — воздушный поцелуй.

Толпа бежит за автобусом, тянет тысячу рук. Дешёвенко белое сухое понемногу, прямо из горлышка, сигарета. Демократично.

О, как он устал. Блестящий костюм совсем промок. На последний этаж двое несут его на руках.

Все вон. И ты тоже, нигер.

Наложницы раздевают, ведут в ванную, под душ. Омывают тело ладошками, намыленными душистым, набрасывают халат, ведут в спальню. Лёгкий эротический массаж, немного секса, чтобы снять напряжение. Да, пальцем хорошо. Глубже. Ещё, ещё. Так!.. О-о!!!

Всё. Теперь хорошо. Всё, всё, пошли, брысь. Теперь можно спать...

Хррр...

Глава вторая 1984 (не по Орвелу)

Гусев открыл глаза.

Два часа дня.

Что это было? Кто это был? Чушь какая приснилась! Царь русского рока... Почему БГ? Внешне вообще не похож. Бакенбарды... Какой-то оживевший Элвис Пресли...

Ладно, сам-то он где?

Огляделся, принял сидячее положение. Всё вспомнил. Непонятно только, где нажрался. То есть, скорее всего, на дне рождения у Берёзкиной. Преодолевая тошноту, побежал в ванную, к зеркалу. Опершись руками о раковину, жадно припал к своему отражению.

Хорош. Без шуток, действительно хорош. Отражение в зеркале не может врать. От этого зрелища даже почувствовал себя получше. Не какой-нибудь зелёный стручок в школьной форме или стареющий лабух-неудачник. Молодой человек, юноша в расцвете сил. Нелепая бородёнка, вьющиеся волосы до плеч. Иисус Христос — суперстар.

Так. Почему волосы?

А! Он играет в какой-то группе. Сы... сы... «Screaks». То бишь, «Скрипты». Корневой блюз, рок, авангард... Настоящая, честная, крутая музыка. Сессионная работа по ночам. «Аквариум», «Кино», «Зоопарк», курёхинская «Поп-механика». Сумасшедшее время. Подпольные концерты,

интересные люди, жизнь, бьющая ключом. Запретные плоды на завтрак, обед и ужин. Вожди дохнут как мухи, на носу перестройка. Хорошее время!

Гусев с чувственным фырканьем умылся, почистил зубы, вышел на кухню и поставил чайник. В холодильнике докторская «сто пятьдесят порезать» и рыбные консервы. Ни одной кастрюли... Интересно. Ага. Это квартира первой жены. Он только что развёлся, она живёт у родителей. Скоро его отсюда попросят.

Две чашки чая подряд, обжигаясь. Потом бутерброды и ещё чай. В углу рюкзак с пустыми бутылками. Бутылки — серьёзная статья дохода. Не в том смысле, что собирать, а те, что накапливаются сами по себе, особенно после гостей. Вот этот рюкзак потянет рублей на шесть. Стоимость месячной карточки на все виды транспорта. Или четыре сухого. Водку не пили, дорого и кайф туповатый. Портвейн ядовит. Сухое дёшево и напиваешься не сразу.

Он где-нибудь работает? Нет, кажется, не работает. В том смысле, что все заработки от левых концертов. Заработка, конечно, чисто символические. Ночные сессии записи вообще даром, для истории. Бобины с наклеенными фотографиями можно продавать, но это занятие не серьёзное, к тому же опасное.

А много ли нужно? Рубашка, джинсы, чай, папиросы, вино, нехитрая закуска. В 1984-м всё это стоит копейки. Нет, кажется, джинсы стоили бешеные деньги, больше чем зарплата. Их покупали один раз на всю жизнь, бережливо подшивали и подштопывали. А он... — Гусев опустил глаза. — А он уже в джинсах!

Прилёг, задумался. Почему он открыл глаза только сейчас? Что было ночью? Неужели проспал момент перемещения во времени? И это похмелье... А, ну да, конечно: был день рождения Берёзкиной. Она замужем? Нет, но скоро. У неё много поклонников, она ещё не выбрала. Но разве они с Телегиным могли праздновать день рождения после всего, что случилось... там...

Чёрт! Чёрт! Какое-то дьявольское наваждение! Несомненно, весь секс от дьявола. Это не случайно, что серийные маньяки все поголовно сексуально одержимы. Не дай бог ещё раз пережить этот ненормальный возраст.

Зазвенел телефон.

Некоторое время Гусев испуганно на него смотрел. Потом, будь что будет, повернулся на бок и снял трубку.

— Привет.

Телегин. Голос уже не детский, нормальный, как в сорок четыре. Но не весёлый.

— Со прибытием вас, товарисч! — приветствовал Гусев. — Отчего хмур?

— А тебе весело?

— Мне весело. Я молод, я крут, я талантлив!

— Выпил?

— Ещё не выпил. Но могу. Капуста есть?

— Что это...

— Ага! Забыл! Это деньги. Так назывались. Башли, бабульки, тити-мити.

— Я смотрю, ты уже в образе.

— А ты как этот... осёл, потерявший хвост. Ну, в мультике. Иа-Иа. А я — Пятачок. А Берёзкина — Винни Пух.

— Слушай, Гусев, по поводу Берёзкиной... Давай где-нибудь пива попьём. У меня рублей сорок.

Названная сумма привела Гусева в смятение. Опасаясь, что его друг тоже с минуты на минуту «войдёт в образ» и осознает величину названной суммы, небрежно поторопил:

— Хорошо, в «Медведе». Минут через десять.

— Займи два места.

Глава третья УТРОМ ВЫПИЛ — ВЕСЬ ДЕНЬ СВОБОДЕН

Пивной бар «Медведь» — прямо через дорогу от «Сталина». То есть, тогда ещё не «Сталина», а киноцентра «Ленинград». Место знакомое, на-сожженное. Часто у входа вообще нет очереди. Пиво бутылочное, два-три сорта на выбор. Самое крепкое — светлое «Ленинградское», шесть алкогольных градусов. Бывает редко: народ быстро перепивается. Пятиградусный тёмный портер — чаще. Почти всегда — четырёхградусное «Мартовское». Чайные, тонкого стекла, стаканы вместо пивных кружек.

А мы уже сидели перед десятью открытыми бутылками и жадно, стакан за стаканом, насыщали обезвоженные похмельем организмы. В двадцать четыре года пиво казалось очень вкусным. Выпив по две, распрямили спины, огляделись, исследовали свои наборы. На вытянутой металлической тарелке кусок ставриды холодного копчения, половинка яйца и три солёные сушки. Съели рыбу, яйца, погрызли сушки, выпили ещё по бутылке, закурили.

— Ты всё помнишь?.. — заговорил Телегин, и Гусев сразу понял, о чём речь.

— Да, стариk, тебе не повезло, — заговорил он сочувственно. — Выражаю. Но мы тоже хороши. То есть, не мы, а эти, бесы. Бесы в нас все-лились, бесы, бесы виноваты. А мы ничего. Но у тебя всё на месте? А? Что ты переживаешь.

— Ты тоже не очень радуйся. Но дело не в этом. Сегодняшнюю ночь помнишь?

— Вот эту? Нет, ещё не помню. Денька через три. Пока не помню. Пива попить, тогда...

— Она не хочет мириться.

— Берёзкина? Вот дура. Ну и фиг с ней. У нас теперь проблем с ляльками не будет.

— С кем?

— С тёлками. Ну, сейчас так говорят: с ляльками. А что было сегодняшней ночью?

— Мы сидели у Зюскевича под этими колпаками...

— Да-да, потом в голове что-то скрипнуло. И всё.

— Скрипнуло. И мы оказались в гостях у Лужина, на дне рождения Берёзкиной.

— Лужина?..

— Её первый муж. То есть, ещё не муж, жених. Партийный товарищ, инструктор чего-то там... горкома.

— Партии или комсомола?

— Партии.

— Это серьёзно. И что я?

— У него большая квартира, прямо на Невском. Гостиная, стол ломится, танцы-шманцы под магнитофон... Потом ты пел под гитару, что-то из «Аквариума». Слова забывал. Потом... мы с тобой на пару за столом с

рюмками, другие разошлись по квартире или танцуют, на нас никто не обращает внимания. Берёзкину, в тот момент, когда нас всех троих переклинило, сильно качнуло. Она попросила полежать, Лужин её вывел. И ты вдруг подсаживаешься на измену. Безобразным голосом кричишь: «Лужин! Я твою невесту в четырнадцать лет имел как хотел. Понял, Лужин? Жених!.. Ты же них-хrena не знаешь. А я твою невесту и так и так имел...»

— Да ну...

— Примерно в таком духе.

Гусев перестал пить пиво. Ощупал подбородок.

— Били?

— Я им сказал, что у тебя контузия, после армии. Как будто ты в Афгане служил. Ну, что ты псих.

— Это хорошо, это правильно, — Гусев сосредоточенно закурил. — Лужин опасный человек, я его вспомнил. Он потом был заместителем Романова. Очень хорошо про контузию, что псих...

— Я думаю, не поверил. Тёртая сволочь. Теперь всё зависит от Берёзкиной. От того, как она себя поведёт по отношению к нам.

— Надо поговорить, попросить прощения, — Гусев запаниковал. — Мне здесь нравится, я не хочу обратно в сорок четыре. Для меня это последний шанс. Через десять лет, в девяносто четвёртом, я уже там, в «Сталине», в лакейской униформе... Тебе не представить, как достало. Только здесь, здесь и сейчас настоящий рок-н-ролл! Сейчас, пока за него не платят, пока он под запретом!

— Выйдет замуж и всё простит.

— Если выйдет за Лужина, тогда нормально. У тебя-то какие планы на будущее?

— Напишу «Генерального секретаря».

— Опять?!

— На этот раз успею. Успею издать до перестройки. На Нинке-как-картинке женюсь.

— Вот это мудро. То, что ты на счёт Нинки. Флаг в руки, — одобрил Гусев. — Знаешь, что меня удивляет... То, что Берёзкина пригласила нас на день рождения. Ну, после всего этого.

— После чего! Что ты помнишь?

— Ну... что мы её тогда... напали на неё.

— Ты что дурак? Она же приглашала в другой жизни, когда ничего не было.

— А, ну да.

Они закосели, появилось желание добавить. Пошуршали записными книжками, возрадовались нахлынувшим воспоминаниям, позвонили туда-сюда, направились в гости. В те времена никто нигде особенно не работал, все были не прочь выпить, вопрос упирался только в деньги. А деньги у Телегина были.

Глава четвёртая «ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ», МЕСТЬ И ДЗЕН

Спустя несколько дней, едва более или менее очухавшись от пьянки, Телегин засел за пишущую машинку. В 1984-м он имел хорошую работу и приют в родительском доме. Здесь было хорошо. Надёжно и уютно. Ему больше не хотелось отдельной, самостоятельной жизни. Несудачная женитьба, размены квартир, переезды — всего этого не будет. Он не стал бы писать и «Генерального секретаря», если бы не маменька. Тогда, с началом перестройки, рухнула перспектива массовых тиражей, госдоч и привилегий. Мамаша из последних сил напрягала партийные связи, но система уже не работала. На этот раз он успеет.

У Телегина была феноменальная память, в ячейках которой хранились тексты прочитанного. У Киры Берёзкиной не было ничего, кроме красоты. Красоты и опыта сорокачетырёхлетней женщины, прошедшей через мясорубку интриг модельного бизнеса. Четырежды она была замужем, имела тайных любовников, знала особенности эпохи социализма, криминала и устаканившихся двухтысячных.

Разумеется, она не собиралась повторять свои ошибки по второму разу. К величайшему ужасу Гусева она отказалась от замужества. Лужину дана решительная отставка. Через пару лет он разорится на первых кооперативах, будет пытан паяльником и выброшен из квартиры.

О чём, о ком, о каких ещё женихах можно рассуждать, если её первая любовь, её первый настоящий мужчина... это.... Нет, не может быть. Но всё равно, кто бы он ни был, она могла бы прожить с ним долгую и счастливую жизнь. Как это удивительно! Ведь он точно напоминал ей кого-то, и она никак не могла вспомнить, кого именно, пока дежурная не прошла фамилию в больничном журнале... Какое странное совпадение.

Кем бы он ни был, она найдёт его и заставит полюбить снова. Она больше не подросток, она более чем удачно сформировавшаяся женщина. Она владеет искусством любви так, как ни один самурай не владеет своим мечом. Её потайные мышцы могут сжиматься столь сильно и работать столь изощрённо, что ни один мужчина, раз оказавшись с ней в постели, уже никогда после не посмотрит на другую...

Нужно только найти его. Но если это невозможно, если он умер или любит другую, нужно найти того, другого, который вонзил нож, скальпель в тело её возлюбленного. Найти доктора Борга и убить его. Человек, который бьёт другого человека скальпелем в живот, не должен быть доктором. Он должен быть по меньшей мере мёртвым.

У Телегина был «Генеральный секретарь».

Берёзкиной владели любовь и маниакальное стремление убить Борга.

Но что же такое особенное было у Гусева, благодаря чему он мог бы строить свои красивые планы? У него был абсолютный слух и крепкие навыки игры на фортепьяно. Но у него не было абсолютно никаких планов на будущее.

По своей сути Гусев был легкомысленным разгильдяем; именно этим объяснялось его невезение в делах, требующих усидчивости и серьёзного подхода. После армии он кое-как закончил институт культуры и получил высшее образование. Всё это было позади. Впереди — полная неопределённость. Возникали какие-то идеи по поводу кооператива или заведомо крупного выигрыша в спортулете (в 87-м, заполняя карточку, ошибся на одну цифру) — всё это маячило в весьма отдалённом будущем. Он понятия не имел, что будет завтра, а потому решил расслабиться и плыть по течению. Эту свою жизненную позицию, как и многие другие слабовольные лентяи, он называл дзэн-буддизмом.

Глава пятая

ЗАСТОЯВШЕЕСЯ ВИНО И НОВЫЕ МЕХИ

В первых числах марта Гусева вызвонили на халтуру с «Аквариумом».

Студия запрятана в вырытом солдатами рока погребе под Дворцом пионеров. Днём специальный агент рок-н-ролла Андрей Тропилло ведёт там кружок звукозаписи, а вечером все скидываются на бутылку сторожу и перетаскивают аппаратуру в подполье. Начинается запись звука на огромные студийные бобины.

Записывают едва проклонувшийся «День Серебра». Слова, музыка дописываются на ходу. Но Гусеву не надо ничего объяснять, у него клавишные партии отскакивают от зубов. Он играет, как ему кажется самому, не хуже Курёхина. Разве что, местами, tremolo не так быстро.

— Хорошо стал играть, — повернувшись к нему, заметил Тропилло.

Но комплимент Гусева не обрадовал; странно как-то сказал, удивлённо, что ли. Наверное, он всё-таки хотел сказать «по-другому стал играть». И музыканты поглядывают неодобрительно. Хорошо играть можно по разному. То, что годится для «Виртуозов Москвы», для «Аквариума» не катит. Звук должен рождаться на лету, упоительно, круто, завораживающе, иначе слушателя не вставляет.

— Что сыграем? — БГ смотрит на музыкантов.

— Это... «Иван-чай» хорошая песня, — влезает Гусев на свою голову. Блин, она ещё не написана.

— То есть, эта... — (Вспоминай 84-й, идиот!) — «Два — двенадцать — восемьдесят пять — ноль шесть»! Тоже хорошая песня, бодрая...

Пауза.

Ё-моё, прямо в названии дата — восемьдесят пятый, декабрь! Сын, что-ли, родился... Его ещё и в проекте нет. Да, точно, альбом называется «Дети Декабря», опять прокололся. БГ смотрит нехорошо, пристально.

— «Сны о чём-то большем»! — опять не угадал?..

В голове мелькнуло. Не успел понять, что именно. Подумаешь, царь русского рока... Что же это было?..

— «Пока не начался джаз», — командует БГ, и Гусев едва успевает догнать свою партию.

Под утро расходятся недовольные. Командир сказал, что придётся писать всё заново. Легко догадаться, что Гусева не позовут. Будут дождаться Курёхина. Пару остановок в метро по пути с басистом.

— Слушай, Фан, почему такая ложа, почему он недоволен?

— Не знаю... — Фан выкручивается, — ну ты как-то странно играешь.

Так, чересчур...

— Чересчур хорошо или плохо?

— Хорошо, хорошо.

Фан мучительно ждёт своей остановки.

— Лучше Курёхина, что ли?

Фан припёрт к стенке, надо отвечать.

— Как «лучше-хуже»? По другому. Ну вот в прошлый раз ты играл как, допустим, Петя Подгородецкий.

— Это же круто.

— Это круто... А сегодня — вроде как ещё лучше. Как...

— Ну я понял примерно. Как Ливон Аганезов.

— Как старый еврей-виртуоз на свадьбе, — решился сказать правду Фан, потому что подъехали к его станции.

— Спасибо за откровенность...

— Не переживай, стариk!

Осторожно, двери закрываются. Стариk...

Нет, он не стариk, он это докажет. Особенно этому... зазнавшемуся царю русского рока. Даже разговаривать не захотел, как будто не человек, а музыкальный автомат. С Курёхином он так себя не поведёт. Тот вроде как кардинал, БГ его ещё и боится. А Гусева, или как там его, можно надкусить и выбросить. А плод — да-да! — может оказаться весьма ядовитым!

В голове опять мелькнуло что-то яркое, приятно удивившее, но всё ещё неопознанное. Гусев замер и напрягся. Но тут электричка подъехала к его станции.

Глава шестая ОЗАРЕНИЕ

Вечером Гусев собрал на репетицию свою группу. Здесь он главный, здесь никто не скажет, что он играет как старый еврей на свадьбе.

В группе, кроме него, ещё трое: гитарист, басист и ударник.

Гитарист — Гена Крюков, по прозвищу, естественно, Крюк. Но чаще зовут Лохматый Чёрт. Он старше, безумнее и волосатее всех в группе. Запиливает тяжёлый блюз так, что душа в пятки. Он же поёт — хрипло, на английском языке. То, что на английском, вообще-то не факт, просто похоже. Сидит на игле. Но пока ещё вменяем, с ним можно плодотворно работать. Совершенно непонятно, откуда он берёт деньги.

На бас-гитаре играет Кирилл Басс. Уникальное совпадение названия инструмента и фамилии не случайно. Скрипач с фамилией Скрипка, полковник Полковников — они на каждом шагу. Мальчик с фамилией Бойцов не вырастет искусствоведом, а Чебурашкина не добьётся успеха в бизнесе.

Постоянного барабанщика ещё нет. Для комнатных репетиций вообще не нужен, а концерты случаются столь редко, что можно пригласить любого. В ленинградском рок-подполье не принято отказывать братьям по оружию.

Если бы писали свой, оригинальный музыкальный материал, группе цены бы не было. Только где его взять — свой. Время такое, что если кто-то сочинит песенку, которая вроде бы нравится подвыпившим друзьям и подругам, моментально сколачивается коллектив из приятелей и — что-то выходит!

Усилитель «Бриг» на 90 ватт, колонки «35-АС». Две гитары, электрогранчик «Ионика». Воткнулись, настроились, приглушили звук, чтобы соседи не вызвали милицию.

— «Саммер тайм?» — предложил Гусев первое, что пришло в голову.

Братьям по оружию всё равно, хотя, по тому, как переглянулись, заметно, что немного удивлены. Обычно начинали с более забойной темы. «Саммер тайм» по их меркам манная каша пополам с малиновым вареньем...

Но, ничего, минут десять изгалялись — вместе и порознь — затяжными сольными партиями.

— С саксофонистом — сегодня бы не закончили, — отметил Кирюха.

Ему хочется попробовать с духовыми — вроде как «Кровь, пот и слёзы», но двое других против, для них джаз-рок — это уже попса. Эти двое больше всего любят жёсткую и безукоризненную манеру «Криденс», репертуар которого взяли за основу и в длинных, иногда получасовых, проигрышах доводят до удельного веса ртуты.

«Саммер тайм» позади. Несколько секунд тишины.

— «Бифо акью ми», — говорит Крюк.

Запиливает вступление, остальные подхватывают.

Вот это да. Теперь понятно, ради чего. Какой там на хер «Аквариум». Ради этого можно бросить семью, учёбу и работу. Собственно, всё это уже сделано.

Тему «Before You Accuse Me» закончить трудно. Написана за сто лет до самих «Криденс», слов мало, все они, наверняка выеденного яйца не стоят, но — какой драйв! Слова в этом деле вообще не нужны, будто кто-нибудь понимает слова. Они сами, то есть, американцы, своих слов не разбирают. Крюк хрипит один куплет для проформы, а дальше — свободный полёт дирижабля, наполненного свинцом.

Закончили раньше, чем хотелось, — из-за Гусева. Поначалу он играл бойко и уверенно, однако вскоре выдохся, начал повторяться и запинаться. Всплывшие в памяти заготовки, штампы были обмусолены так и сяк в первые четверть часа, а импровизация в чистом виде ему не давалась. То есть, тогда, двадцать лет назад, давалась, а теперь нет. А какая может быть импровизация, если каждый вечер лабать в ресторане одно и то же?

— Ты чего? — сказал Крюк.

— Так, сильно с бодуна, — соврал Гусев, отвернувшись.

Он как будто оказался несостоятельным в постели с любимой женщиной. Ужас какой-то. Остаётся или провалиться сквозь землю или врать, что голова болит...

— С какого ты бодуна? — Крюк неторопливо забил папироску и прикурил. — Случилось что? Кто там у тебя... Родители в порядке?

— Всё нормально.

Гусев вышел из комнаты и заперся в ванной. В голове звенело, пульс стучал в висках. Он подставил голову под струю холодной воды.

И вдруг то, что невнятно мелькало и рождало некую смутную надежду, выкисталлизовалось и вспыхнуло.

Он понял, что сделает в ближайшие минуты.

Но он ещё не представлял масштаба и последствий своей ослепительной догадки. Мало никому не покажется, это точно.

Гусев торопливо вытер голову полотенцем, причесался, вошёл в комнату и уверенно сел за клавиши. Прибавил громкость, собрался и вдруг.

Стоя по стойке смирино, танцуя в душе break-dance,
Мечтая, что ты генерал, мечтая, что ты экстрасенс,
Зная, что ты — воплощенье вековечной мечты,
Весь мир — это декорация, и тут появляешься ты!

Козлы, козлы!

Мои слова не слишком добры но и не слишком злы,

Я констатирую факт -

Козлы!

Слов второго куплета он не помнил, но уже в первом гитара и бас с готовностью подхватили инструментальный запил. Получилось мощно, с хорошим драйвом.

— Из «Аквариума»? — поинтересовался Крюк.

— Нет, — спокойно ответил Гусев. — Это я сам.

Крюк переглянулся с Бассом. Тот пожал плечами.

— Да ладно, гонишь.

Гусев презрительно фыркнул, убавил громкость, закурил и стал пиликать одной рукой проигрыш.

— Что, серьёзно?..

Гусев молча сделал жест «зуб даю». Гитара и бас снова переглянулись.

— А ещё куплет? — Крюк прикурил заботливо свёрнутую «пятку» и, состроив предельно деловое лицо, глубоко затянулся. — Слова есть?

— Будут, — спокойно ответил Гусев.

— Круто. Кирюха, скажи, что круто.

— Если не гонит... то круто, — согласился Кирюха.

— Похоже, что не гонит. Слышь, Гусь, у тебя какие-нибудь есть задумки?

Задумки были. Гусев что-то для себя напиликал, потушил сигарету и прибавил громкость. Квартиру заполнило мелодичное регги.

Сестра, здравствуй сестра-а
Нам не так уж долго
Осталось быть здесь вместе
Здравствуй сестра-а-а...

Песни ещё не написаны, они существуют только в памяти Гусева. Их много, десятки, сотни... Ночные сессии записи с «Аквариумом» и другими группами, магнитофонные записи... «Козлы», кажется, года 93-го. «Сестра» ещё позднее. Мелодия простенькая, комфортная. На ходу вспомнились слова ещё одного куплета, фразы из пятого-десятого, поэтому на «Сестре» отрывались минут сорок.

В это время до Гусева постепенно начал доходить смысл происходящего. Смутное мельканье прекратилось. Перспектива лёгкой славы нахлынула долгожданной радостью от свершившихся перемен. Состав можно сохранить. Если, конечно, Крюк не будет сильно выпендриваться. Кирюха в любом случае идеально подходит...

Когда закончили, Крюк, смущённо улыбаясь, пробормотал: «Бони-эм какой-то...». Будто его, серьёзного человека, застали за чтением женского романа. Басс, как человек более универсальный и приспособленный, не скрывал радости. Он заговорил о новой группе, которая будет играть песни Гусева.

— Интересная мысль. Надо подумать. Соберу все наброски, посмотрю, поработаю. Через пару дней будет видно.

Крюков и Басс, ошарашенные внезапной переменой, уходили возбуждённые и растерянные.

Это была победа. Если в новые меха не удалось залить новое молодое вино, он использует силу и крепость старого. То, что хранит его память, — дороже любых сокровищ. Если у него не получается талантливая импровизация, он будет сочинять гениальные песни. Для этого вообще не нужно быть музыкантом, а он всё-таки мастер... Ресторанного разлива. Но кто об этом узнает?

Глава седьмая ВСПОМНИТЬ ВСЁ

Весь вечер Гусев провалялся на диване под лампой с тетрадью и карандашом, мучительно вспоминая тексты. С музыкой проблем не возникало, но слова растерялись во время многолетнего пути, словно зерно из дырявого мешка. На дне — сотня-другая кручинок. И все, как назло, из разных колосков. Строчка из одной песни, две из другой, полторы из третьей... Нормальная память не может хранить столько ненужной информации. И кто мог знать, что нужной окажется именно эта... Нормальная, нормальная память...

Гусев хлопнул себя по лбу и подскочил с дивана. Схватил телефонный аппарат и накрутил номер Телегина.

— Алло! Теля? Как дела?

Телегин зевнул в трубку.

— Так, работаю. Набиваю «Генерального секретаря». Достало, скуча страшная, графомания. Раньше казалось интересней. Ты понимаешь, это же всё не по вдохновению было написано, так, надёргано ото всюду, из старых фильмов, из...

Гусев перебил:

— Ну, вообще, как оно, память не подводит?

— Ты что, выпил?

— Нет. Я тебя по делу, между прочим, спрашиваю: память не подводит? Твоя феноменальная память?

— Нормально, вроде.

— «Аквариум» помнишь?

— Какой аквариум...

— Песни, песни!

— А, в этом смысле... Помню, наверное. То есть, аккордов я не знаю.

— Слова, слова!..

— То, что слышал хотя бы раз, должен помнить.

— Слышал, слышал! У тебя весь БГ был на CD... То есть, будет.

— Гусев, тебе чего надо?

— Надо, Теля, позarez надо! У меня тоже свой проект, свой «Генеральный секретарь». Нужны слова песен.

- Ах ты жулик.
- А ты кто?
- Тебе что, весь «Аквариум» нужен?
- Нет, не весь, конечно. Я тебе скажу, что нужно. Пока нужно четырнадцать песен для программы.
- Ну...
- После слов «я видел, как реки идут на юг и как боги глядят на восток»...
- Я видел в небе стальные ветра, я зарыл свои стрелы в песок. И я был бы рад остаться здесь, но твои, как всегда, правы, так не плачь обо мне, когда я уйду стучаться в двери травы, — ответил Телегин без запинки.
- Гениально! Блин, какой смысл! Теля, это я написал, я гений. Теперь эту... «Мне не нужно победы, не нужно венца...» — «Кострома мон амур». Только помедленней. Я же, блин, пишу, записываю!..

Глава восьмая КОЗЛЫ

Через два месяца, в конце апреля, первая программа из четырнадцати песен была готова. Следовало зафиксировать достигнутое на студийной записи и попытаться пристроить группу в Ленинградскую филармонию. Осуществить это можно было через мамашу Телегина, влиятельную в партийных кругах даму. В случае легализации открывался путь широкой гастрольной деятельности, полуофициальная слава, какие-то небольшие первые деньги. А также толпящиеся у парадной поклонники, провокации, скандальные ругательные статьи в молодёжных изданиях, беседы в КГБ и прочие захватывающие дух составляющие.

Сделать студийную запись удалось через месяц, после того, как Тропилло сам побывал на репетиции и послушал материал. Потом он долго в волнении прохаживался по квартире и сопел. Потом сказал:

— Э, как тебя нахлобучило Гребенщиковым. Честно говоря, круто. Боб, конечно, застрелится. В любом случае, будем писать.

Материал записали за три ночи продолжительностью на три пластинки. Обрезали часть десятиминутных проигрышей. Всё равно оставалось

на две, но резать дальше рука не поднималась. Уж очень хорошо играл Крюк, да и все остальные. Даже Гусев вроде как помолодел и загорелся. Басс выдавал чудеса гармонии. За барабанами сидел Петя Трощенков, объяснять которому ничего не приходилось.

Группа называлась «Нирвана». Первый альбом — эпатажно, чтобы сразу заметили, — «Козлы».

Запись распространялась незаконно на пятисотметровых бобинах. Оригинал стоил 25 рублей (сумма немыслимая, но справедливая); первая перезапись — за пятнашку. На лицевой стороне наклеенной фотобложки красовались: название группы (готическим шрифтом), название альбома, а также четверо хмурых, волосатых молодых людей богемной внешности — под аркой, на фоне темноты проходного двора.

Час пятнадцать чистого времени — формат ещё несуществующих CD. Виниловый диск — сорок, сорок пять минут. Но Гусев привык слушать музыку на CD, да и девяностые, в общем, были уже не за горами. Записанное сегодня будет работать на него всю оставшуюся жизнь. Если только опять какая-нибудь глупость не вернёт их в 2004-й.

Глава девятая МИР ТЕСЕН

Разговора с Кирой Берёзкиной не получилось. Неделю родители врали, что её нет дома, потом она всё-таки подошла и произнесла ледяным тоном:

- Очень коротко.
- Кира, красотка, любовь моя...
- Ещё короче.

Гусев понял, что Кира положит трубку и затороторил:

— Слушай, радость моя, твой Лужин, он может нас пристроить в Филармонию... ну, чтобы группа могла работать легально?

- Нет.
- Не может или ты не хочешь?
- Я больше не встречаюсь с Лужиным. Если у вас к нему дело, запишитесь на приём. Кажется, вторник и четверг с одиннадцати до часу.

Удар, гудки.

Она больше не встречается.

Это не есть хорошо. Это очень, очень не есть хорошо.

Гусев прошёл в кухню, прикурил беломорину, вдохнул и выпустил облако густого дыма. Оставалась мамахен Телегина. У неё каких только нет связей. И она как раз может быть дома. А Телегин вечерами работает в «Трудовой смене». Ага... Так и так, Тамара Леонардовна... Как вы хорошо выглядите...

Накрутил номер.

— Тамара Леонардовна? Здравствуйте! Это Гусев.

— Неужели. А я бы не узнала.

— Саша дома?

— Саша в редакции... как это тебе прекрасно известно. Что-нибудь спросить хотел?

— Да... Тамара Леонардовна... У меня группа... то есть, вокально-инструментальный ансамбль. Хочу зарегистрироваться в Филармонии, только не знаю, с какого бока... нет знакомых.

— Потуши папиросу.

— Что?.. А, понял.

Гусев затолкал в пепельницу окурок.

— Я сама тоже никаким боком. Но я знаю одного энергичного молодого человека с опытом работы в Филармонии... очень интересным опытом... В отделе кадров остались на него данные. Запиши телефон... Алла Константиновна, от меня. Попробуй с ним поговорить.

— Как его фамилия?

— Э-э... Гоша Кварцхава.

— Спасибо, записал!

— И никаких пьянок с моим сыном, он занят серьёзной работой.

Понял, гусь лапчатый?

— Понял! До свидания!

Гусев опустил глаза на свои каракули. Гоша Кварцхава. Уж не Георгий ли Семёнович? Неужели в мире настолько тесно?!

Глава десятая

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ СОВЕТСКОГО ШОУ-БИЗНЕСА

С первого взгляда Гусев понял, что это он. «Молодой человек» — сильно сказано, лет тридцати пяти, не меньше. Заметно потасканный, с седыми волосками в бакенбардах. Дымчатые очки, маленькое брюшко выпирает из-под синего клубного пиджака. Яркий широкий галстук. Обезоруживающая улыбка. Двадцать лет спустя он будет холёным и гладким, очень разборчиво питающимся, одетым в шмотки от кутюр. Дымчатые очки обретут золотую оправу. Сейчас за стёклами в глазах огонь, потом будет глянец.

При случае Тамара Леонардовна обрисовала вехи его сознательной жизни.

Году примерно в семидесятом, закончив на Украине десятилетку, откосив армию и поработав где-то на посылках, Гоша приехал в Ленинград. Он поступил в институт культуры и благополучно его закончил. По распределению работал заведующим клубом в далёком посёлке у чёрта на куличиках. Сразу проявил себя как инициативный общественник, организовал детский хор, о котором, его стараниями, был снят десятиминутный документальный фильм «Архангельские соловьи». В областной центр полетели документы на членство в партии.

Но тут претензии на кандидата внезапно предъявила сельский библиотекарь Нежданова, заявившая о своей беременности. Она поняла, что перед Гошей открываются светлые перспективы, в которых ей нет места. Что, оттолкнувшись об архангельскую землю, он полетит куда-то высоко, а она останется на здесь, где нет ни одного интеллигентного человека, матерью-одиночкой. Она решила доказать отцовство хотя бы для того, чтобы если не выйти замуж, то по крайней мере получать потомличные алименты.

Гоша категорически отвернулся от будущего ребёнка; партия, учтивая потоки писем Неждановой во все инстанции, отвернулась от него. В его личном деле появилась запись — пакость, из-за которой в партию его не брали и после.

Тем временем Гоша, продолжая руководить хором, открыл среди сельской ребятни гения-самородка. Мальчишка обладал абсолютным слухом

и трубным голосом немыслимого диапазона. Состряпав программу из русских и итальянских народных песен, Кварцхава приодел мальчишку и повёз его на гастроли.

Концертная деятельность началась в середине июля и закончилась в декабре 72-го. За это время семья мальчика и его импресарио заработали деньги, вскружившие им головы. В выходные и праздничные дни мальчика заставляли выходить на сцену три-четыре раза за сутки. Пожилой аккомпаниатор запил, мальчик выступал а капелла.

Изюминку репертуара, носящую оттенок запретности, представляли несколько песен о Сталине. Композитор Александров, что тут говорить, имел большой талант. Народ, собиравшийся в прокуренных «красных уголках» или возле импровизированной полевой эстрады-кузова, тепло подхватывал.

Обкатав «советского Робертино Лоретти» по деревням, Кварцхава показал его орденоносцам в областном Доме ветеранов. По реакции генералов и партийных товарищей было понятно, что «Робертино» обречён на успех в столицах.

После прослушивания коллектив был принят в штат ленинградской Филармонии, научноп снял документальный фильм «Архангельский феномен», велись переговоры об участии мальчика в прямом телевизионном эфире новогоднего «Огонька».

Всё кончилось незадолго до наступления 1973-го. Мальчик взял очень высоко «родина слышит, родина знает», а затем немыслимо высоко: «где в облаках её сын...». Слова «пролетает» никто не услышал. Советский Робертино Лоретти сломался на букве «ы». Он полностью и бесповоротно потерял голос.

Гоша Кварцхава тоже на несколько лет где-то потерялся. Возможно, он отсиживался в родной Украине, возможно, находился на излечении, так как, по слухам, его был дрыном отец мальчика, передовой механизатор, подстрекаемый библиотекарем Неждановой.

Он снова появился в Ленинграде в 1979-м. Заведующая отделом кадров Филармонии узнала его по сиянию глаз за дымчатыми стёклами и коробке конфет «Пьяная вишня».

- Что же вы совсем пропали, Георгий...
- Семёнович. Просто Гоша.

— Да-да. У вас, кажется, был этот мальчик, новосибирский феномен. Куда же он делся?

Кварцхава вдруг понял, что зря потерял все эти годы. В деревне его били дрыном за то, за что здесь бы даже не пожурили.

— Увы, потерял голос. Феномены, они ведь недолговечны.

— Да-да, припоминаю. Всё равно бы через год голос сломался так и так. Это же не голос, а возрастное. Нельзя же из всех поющих мальчиков делать евнухов.

Кварцхава угодливо захихикал.

— А у вас теперь новый коллектив?

— Да, знаете ли, не то, чтобы концертировать, а скорее для общественной работы. Хор старых большевиков из Дома ветеранов.

— О! Умолкаю. Давайте, давайте, всё подпишем сейчас же.

Во время выступления Хора старых большевиков на отчётном мероприятии Обкома в БКЗ «Октябрьский» Георгий Семёнович, притаиввшись за спинами, задел локтём опору крышки рояля. Внутри рояля были установлены микрофоны. Крышка загрохотала как взорвавшийся снаряд. Трое упали навзничь. Прибывшие врачи «скорых» констатировали смерть. Ещё десяток старых большевиков госпитализировали. Георгий Семёнович бежал, оставив пальто в гардеробе, и до отбытия поезда прятался в туалете Московского вокзала.

Миновала Олимпиада-80, сменились два генсека. Только в январе 1984-го Кварцхава снова появился в Ленинграде. После случая с хором он стал личностью легендарной, темой застольных баек в самых высокопоставленных сферах. Его не прогнали.

Георгий Семёнович приехал не один, он привёз девичий ансамбль народного украинского танца «Черевички» и опять стал работать от Филармонии. Но по весне половина «черевичек» выскочила замуж за городских, и Кварцхава в очередной раз оказался на распутье. Предложение возглавить и протащить в Филармонию модный молодёжный ансамбль пришлось ему по вкусу.

Глава одиннадцатая ХУДСОВЕТ

В субботу 26 мая Георгий Семёнович сидел у Гусева в гостях и слушал показательную репетицию группы «Нирвана». Плохо понимая современную музыку, он обладал внутренним чутьём на товар, который можно продать. Если бы натура его была менее артистична, Гоша сделал бы успешную карьеру по торговой линии. И хорошо, что не сделал, потому что эта линия непременно привела бы его за решётку.

Послушав минут пятнадцать, Гоша понял, что ребята талантливы. Похоже на «Аквариум», но покрепче, покруче, что-ли. Много блюзовой электрической музыки, виртуозных проигрышей. Всё это можно представить комиссии в амплуа какого-нибудь «ритмического джаза». Впрочем, слова «джаз», не говоря уже о полукриминальных словах «поп» и «рок», лучше избегать. «ВИА» сюда ни в какие ворота. Какой-нибудь «ритм-квартет»... Да, это нормально. Понимать бы ещё, о чём поют.

Через несколько дней они подписали договор, а в середине июня в Доме композиторов состоялось прослушивание. Члены комиссии худсовета располагались в центре зала за специально расставленными столиками и листали распечатанные на машинке тексты песен. На улице было душно и пасмурно; в зале, при полном отсутствии вентиляции, невыносимо.

Кварцхава самолично разносил ледяные бутылки с недавно появившейся в спецбуфетах пепси-колой. Откуда-то он приволок два вентилятора и поставил так, чтобы всех понемногу обдувало. Ребятам он приказал играть нагло и самоуверенно, чтобы о них сложилось впечатление как о готовом профессиональном коллективе. Две песни — «Козлы» и «15 голых баб» — из программы вычеркнули долой. В остальных сомнительные слова и фразы заменили на нейтральные, которые топорщились, словно цветные заплаты.

Худсовет состоял из пяти человек: композитор Андрей Петров, певец Эдуард Хиль, автор-исполнитель Александр Градский, зам. директора филармонии Зоя Михайловна Лурье, товарищ из отела культуры ГК КПСС Лужин.

С Зоей Михайловной и товарищем Лужиным поговорили, они лояльны. Певцы и композиторы ревнивы и непредсказуемы.

Инструменты и аппаратура настроены ни свет ни зоря. Гусев, Чёрт, Басс и новый барабанщик по прозвищу дядя Лёша сидят в задымлённой гrimёрке.

— Пора. На выход. Ребята, как на праздник!.. — умоляет Кварцхава.

Молнией, стремительным домикратом, бутылка водки винтом по кругу (до этого ни капли), последняя затяжка на ходу, сцена, инструменты, свет.

— Молодёжный ритм-квартет «Загадка»! — объявляет Георгий Семёнович с лоском заправского конферансье.

Показательная программа выстроена по нарастающей. Первым номером, чтобы не пугать худсовет, — «Сестра» — с такими чувственными проигрышами, что любая женщина, не исключая Зою Михайловну Лурье, должна растаять. Вторая — весёлое безумие. «Она может двигать собой» — композиция с элементами сценической клоунады (у Гусева на голове бутафорская клетчатая кепка; Чёрт и Басс в ритм мелодии толкают друг друга бёдрами). Из всех членов комиссии не улыбается только Лужин.

Дальше всё как по маслу. Сидящий в последнем ряду Кварцхава расслабился. Показал оттопыренный кверху палец и раскинул руки на спинки кресел. Если после второй вещи не сказали «достаточно», девяносто процентов на то, что программу примут.

Ещё звучала последняя композиция («Аделаида»), а Георгий Семёнович уже крадучись убирал тёплые и расставлял перед худсоветом новые, ледяные, бутылки с пепси-колой.

Негромкое, затухающее tremolo на тарелке, секундная тишина, поклон, свет на сцене гаснет.

Сейчас всё решится.

З о я М и х а й л о в н а. Ну что, товарищи, давайте начнём обсуждение.

Л у ж и н. А что вы сами думаете, товарищ Лурье? Вам с ними работать.

З о я М и х а й л о в н а. Голос у мальчика... м-м... (справляется по бумажке) Гусева — конечно слабенький. Однако к чести его, ни одной фальшивой ноты.

К о м п о з и т о р П е т р о в (от природы слегка заикается). Откуда вы знаете? Вы видели партитуру? Они даже нот не знают. Сам сочинил, сам петуха пустил: так, мол, и надо.

К в а р ц х а в а (деликатно и вкрадчиво). Простите, что вмешиваюсь. Знают. Ноты знают. Гусев Витя свободно играет с листа, можете проэкзаменовать. Между прочим, любит и знает наизусть почти всё ваше наследие.

К о м п о з и т о р П е т р о в (смузён). Ну... хорошо. Спасибо за справку. Мы учтём, конечно.

Э д у а р д Х и л ь (великодушно). Ну, голос ведь не главное. Марк Бернес пел без голоса, а как пел!

Л у ж и н. Сравнение мне кажется не совсем удачным. Марк Бернес исполнял песни гражданского звучания, понятные простым людям. А тут не поймёшь что — не то церковь, не то поп-рок-балаган какой-то. Я, товарищи, ни одного слова не понял.

Лужин говорит то, что ему положено говорить по должности. Голосовать он будет так, как ему рекомендовали.

Г р а д с к и й. А тут даже не в словах дело. Это же плагиат. Бездарное, бездумное эпигонаство. Товарищ Петров, вспомните фестиваль «Тбилиси-80». Нам нужен такой позор на всю страну?

Петров всё прекрасно помнит. По поводу напугавшего его тогда выступления «Аквариума» он, как председатель жюри, писал докладные записки в партийные организации. Но теперь время другое, и ему стыдно.

К о м п о з и т о р П е т р о в (от волнения заикается так, что с трудом выговаривает). Ну, вы это чересчур пере... перегибаете. Стилистика немного да... но не плагиат.

Все знают, что Градский никого не любит, кроме себя. Особенно боится талантливой молодёжи. Его мнение известно всем заранее и погоды не делает. По большому счёту всё решает Лужин, но он темнит: ругает так, словно милые тешатся. Если бы хотел зарезать, одного слова было бы достаточно. Все бы поняли.

Э д у а р д Х и л ь. Коллектив хороший, профессиональный. Оптимизма бы ребятам добавить. Это эстрада, она должна поднимать настроение советскому человеку. С вокалом, конечно, можно поработать...

К в а р ц х а в а (делает вид, что записывает все замечания). Обязательно учтём. Обязательно поработаем.

Г р а д с к и й (обращается к Лужину). Вы разрешите им это безобразие на пластинку писать?

По поводу пластинки разговора не было.

Л у ж и н. Нет, нет, для пластинки ещё сырьё. Пусть поработают на публике с учётом всех замечаний. По поводу оптимизма, вокала... Через год посмотрим, послушаем вторую программу. Там решим по поводу выпуска пластинки.

Теперь всё предельно ясно. «Пусть поработают на публике». Это может означать только официальную гастрольную деятельность, от Филармонии.

З о я М и х а й л о в н а . Товарищи, давайте проголосуем.

Тroe — «за», Градский — «против», Лужин воздержался. Приняты.

Глава двенадцатая ПИПЛ ДОЛЖЕН ХАВАТЬ

В течение недели Кварцхава оформил необходимые документы. В трудовых книжках его самого и Гусева появились записи о постоянном трудоустройстве в Ленинградской филармонии. Остальные трое работали на договоре. Как только нашли аппаратчика, двинули на первые гастроли по Северо-Западу. Мурманск, Архангельск, Петрозаводск. Георгий Семёнович, хорошо знавший эти места, действовал быстро и профессионально. Главное — вовремя заказать, получить и расклеить афиши. Если успевали, собирали полную кассу.

На переднем плане афиши сидел улыбающийся Кварцхава с бабочкой и бакенбардами. Из-за его спины выглядывали, на манер одной из фоток битлов, четверо хмурых музыкантов. «Молодёжный ритм-квартет «Загадка» — было написано довольно мелко; «под управлением художественного руководителя» — ещё мельче; «ГЕОРГИЯ КВАРЦХАВЫ» — очень крупно.

Кварцхава понимал, что с таким репертуаром им позволят работать только в провинции. Их для того и легализовали, чтобы держать по дальше от столиц. А работать так, без перспективы развития — это не его стиль. Георгий Семёнович решил серьёзно поговорить с Гусевым.

Разговор состоялся за бутылкой коньяка в вагоне-ресторане поезда «Петрозаводск-Ленинград» — на обратном пути по окончании первых гастролей. Называли друг друга «Гоша» и «Витёк».

— Нравится такая жизнь? — спросил Гоша.

— Ничего, — осторожно отвечал Витёк.

— Так ведь собачья жизнь.

— Почему?

— Ну сам посуди: кому ты нужен? Эти ребята, которые сейчас балдеют от твоих придумок, очень быстро повзрослеют. Приобретут нормальные профессии, заработки. А ты не повзрослеешь. Ты постареешь. Вот эта вот кожаная курточка на тебе — она перестанет застёгиваться на животе. Волосы поредеют, поседеют. Ты уже не будешь героем. Ты будешь нелепым и жалким клоуном. А эти ребята, твои поклонники, они о тебе не вспомнят. В своих «Жигулях», по пути на дачу, они будут слушать твои записи 1984 года и плевать им, в какой канаве ты захлебнулся блевотиной.

Гусев внимательно смотрел на Кварцхаву. Он говорил умно и убедительно, однако к чему клонил, было пока не ясно.

— Представь себе, Витёк, что этот ресторан — твоя публика. А ты — повар. Ты хороший, утончённый и изысканный повар. Ты используешь разные пряные травки, специи, разные там экзотические ингредиенты. Ты делаешь такие кушанья, которые может оценить настоящий гурман. Некоторые от них просто без ума. Некоторые, чтобы придать себе вес, говорят, что они тоже без ума. Но все остальные, а их процентов девяноста, они тихонечко, под каким-нибудь предлогом, уходят. И они приходят в другой ресторан, в столовую или кафе, где им дадут нормальную котлету с нормальными макаронами. И выстраиваются в очередь за этими котлетами. А твой ресторан с твоими изысками нерентабелен, он прогорает или работает себе в убыток. А ещё он многих раздражает. Потому что если человек не понимает, то это самое начинает его сильно раздражать. И твоё начальство, которое любит борщ и котлеты, тоже нервничает. И что ты имеешь в итоге? Нескольких преданных тебе чудаков, пустой карман и весь мир, ожесточившийся против тебя.

— Гоша, говори прямо.

— Говоря прямо, ты должен сейчас, вот здесь, решить свою дальнейшую судьбу. Или ты хочешь дальше валять дурака или мы делаем тебе хорошую карьеру. Выступления на телевидении, на праздничных концертах для самой верхушки. С годами станешь членом всевозможных союзов, худсоветов. Звания, крупные денежные премии, поездки в капитаны. Не клоуном, который вырос из собственных штанишек, но обеспеченным и уважаемым человеком.

Гусев подумал про перестройку. До неё осталось меньше года. Делать репертуар «гражданского звучания» не имеет никакого смысла.

— А что если без идеологии?

— Попробуй без идеологии. Было бы странно делать идеологию сразу после такой программы. Программа хорошая. Очень хорошая. Но люди не будут каждый день кушать устриц. Устрицы быстро приедаются, поверь мне, Витёк. Пусть они тоже будут, но так, изредка, разок-другой за сезон. Это будет для души, для гурманов. Народ, Витёк, хочет комплексного обеда на каждый день. Народ хочет хавать. Витёк, дай народу то, чего он хочет.

Гусев доверял чутью будущего медиамагната и в принципе был готов следовать его советам.

— Как ты себе подставляешь?

— Нормально что было. Без белиберды, без трудных аккордов. Простые понятные фразы, простая понятная мелодия.

— Я попробую.

— Ты ведь умный человек, Витёк. Умный и талантливый. Я в тебя верю.

Они оставили недопитую бутылку официанту и пошли спать на свои места.

На другой день, уже у себя дома, Гусев позвонил Тропилле, чтобы посоветоваться.

— Ты ничего не знаешь? — сказал тот, не выказав радости.

— В смысле, — испугался Гусев.

— Боб выбросился.

— Что?

— Боб сошёл с ума и выбросился из окна.

— Почему... То есть, он жив?

— Он жив. Зацепился там что-то... дерево или провода... Снимали пожарной командой. Потом в больницу... оттуда — в дурки.

— А что... Что-нибудь говорит?

— Я не знаю. По слухам, бормочет тексты.

— Тексты?

— Да. Твои тексты.

Гусев потерял дар речи.

— Завязывал бы ты с этим. Сочиняй так, чтобы не было похоже. Человек столько руды перелопатил, ты вроде как подсел на всё готовое...

Повесил трубку, не попрощавшись.

Гусев нервно закурил, затолкал окурок в пепельницу и откинулся на кровати. Взял гитару. Глядя в потолок, начал задумчиво перебирать струны.

Нужная песня выскочила легко, сама собой. Он проработал пятнадцать лет в кабаке и знал, что именно заказывает народ. Что нужно народу, а без чего он как-нибудь перетопчется. На полочках его профессиональной памяти хранились тысячи мелодий, гармоний и текстов. Всё, что «пипл хавает».

Он пел сначала негромко и неуверенно, а потом во весь голос. После каждого нового куплета он приглушал струны, делал короткую паузу и выкрикивал так, что было, наверное, слышно на лестнице: «борщ!», «котлета!», «макароны!», «компот!», «попсы!», «говно!», «пипл!», «хавает!»...

На

маленьком плоту

через шторм и гро-озы!..

Глава тринадцатая РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

К первому сентября 1984 года «Генеральный секретарь» был дописан, тщательно отредактирован и распечатан под копирку в пяти экземплярах. Директор издательства принял рукопись с улыбкой, не проронив ни слова. Всё уже было сказано, и много раз, — приватно. В гостях у Тамары Леонардовны, за чаем, отрывки неторопливо зачитывались самим автором. А этого автора издатель, ещё совсем недавно держал на коленях и показывал ему, как скачут на лошадке.

Экземпляр текста был отдан на внутреннюю рецензию (необходимая формальность), другой — опытнейшему редактору для скорейшей подготовки к печати. В плане ноябрьского номера толстого литературного журнала значился двухсотстраничный фрагмент будущей книги, повествующий о послевоенных трудностях, любви и предательстве. Там же — обширная

рецензия, в которой известный критик называл эпопею «произведением, глубина и художественные достоинства которого сопоставимы с «Тихим Доном» и даже опережают его по масштабу охвата и социальной значимости выбранной темы».

В октябре книга была подписана к печати. Первый трёхсоттысячный тираж ожидался в январе нового 1985-го года. За год-два, от силы три, пока перестройка не успела разрушить могущество Партии, нужно было успеть получить от жизни всё. Потом этого у него никто не отнимет. Его не будут печатать, но он навсегда останется вторым Шолоховым. Имя — самый надёжный капитал, при любой власти. О самих деньгах, зная всё наперёд в мельчайших подробностях, даже смешно думать. Пожалуй, их будет так много, что хватит на благотворительность.

А пока затишье и золотая осень. Телегин решил воспользоваться этим временем, чтобы жениться на Ниночке. Несомненно, она будет верным и преданным спутником его жизни на долгие годы. Лучше это сделать сейчас, пока ещё их не разделяет пропасть социального неравенства. Если сделать предложение потом, она будет чувствовать себя униженной, словно дворняжка, которую подобрали из жалости. Слава богу, у него хватит ума не гоняться за моделями или актрисами. Эти избалованные, лживые и самовлюблённые твари имеют право жить только на страницах глянцевых журналов.

Двенадцать дня. Народ подтягивается к двум. В редакции «Рабочей смены» никого, кроме секретарши.

- Привет.
- Здравствуйте.

Ниночка смотрит на него как обычно: «ничего не хочешь мне сказать?..» А он делает вид, что не понимает и говорит о работе. Сегодня всё по-другому.

- Хочу.
- Что?..
- Нина, я хочу сказать.
- Что...

Господи, она опустила глаза и покраснела. Каким же ослом он был все эти годы! Он мог её осчастливить одним только словом. Телегин подошёл, взял её за разом взмокшие ладошки и заставил подняться.

— Нина, выходи за меня замуж.

— Ты... не шутишь?

Телегин наклонился и поцеловал её в губы. Сначала неуверенно, а через минуту они едва расслышали, как кто-то приоткрыл дверь и сказал «извините».

— Правда?

— Правда. Хочешь, приду к твоим родителям в костюме и с цветами?

— Хочу.

— Сегодня.

— Да...

До конца своего рабочего дня Ниночка отвечала на телефонные звонки невпопад и приносила на подпись редактору совсем не те бумаги.

Тамара Леонардовна от выбора своего сына пришла в ужас. Жениться на секретарше? А как же Леночка, двоюродная племянница самого... о господи, произносить даже страшно! Сколько сил и связей было положено на это знакомство!

Телегин ничего не имел против женитьбы по расчёту. Главное, чтобы расчёт был правильный. Тогда, двадцать лет назад, он хотел жениться именно на Леночке, даже не смотря на её интеллектуальную ограниченность. Однако затея с «Генеральным секретарём» провалилась, и дело не сладили. Теперь всё складывалось так, что свадьбу на уровне хозяев города можно было закатить хоть завтра — в Таврическом дворце или Эрмитаже. Но теперь Телегин хорошо знал, что этот расчёт неверен. С перестройкой дядя потеряет всё, а Леночка выйдет замуж за маленького северокавказского тирана, соблазнившегося её большим белым телом.

Он, мудрый как змий, знавший всё наперёд, сам был почти волшебником. Ему не нужна протекция и родственные связи. Самый умный расчёт — жениться на неглупой и преданной тебе женщине. Даже если она никто и ничто. Многие величайшие умы человечества женились на собственных служанках и даже темнокожих рабынях.

Но разве мог Телегин объяснить это своей номенклатурной машине, которая всё ещё представляла своего сыночка способным, но неразумным и непрактичным мальчиком. Разве мыслимо объяснить то, что сынуле от рода сорок четыре года, двадцать из которых у неё самой ещё впереди?

Глава четырнадцатая МИРАЖ

Свадьба состоялась 11 декабря в арендованном банкетном зале ресторана «Невский». С выбором сына Тамара Леонардовна так и не смирилась; размах мероприятия определили как «только для своих». Регистрировались в 14.30, потом катались по городу, пили шампанское и фотографировались возле достопримечательностей. В 17.00 расселись за столами.

Виктор Гусев явился с опозданием, приличествующим круто восходящей звезде советской эстрады. Его вокально-инструментальный ансамбль «Парус» в последнее время мелькал на телевидении и только что выпустил на фирме «Мелодия» пластинку. Пластинка, ясное дело, называлась «На маленьком плоту». Звёздный юноша был в щеголеватом приталенном костюме матрасной расцветки и чёрном в серебряную крапинку шейном платке. Рядом с ним была тоненькая, стройная девушка в кожаных джинсах и косухе. Её волосы, по тогдашней эстрадной моде, были раскрашены и начёсаны кверху. Лицо этой девушки показалось Телегину знакомым. Что-то приятно кольнуло его не то в пах, не то в сердце...

- Кто это с тобой? — шепнул он приятелю.
- Погоди, дай выпить.
- Поздравили невесту, родителей, сели за стол.
- Где же я её видел?..
- А! — улыбнулся Гусев. — Ты видел. Каждый день видишь.
- На деньгах что ли? Говори или я сам спрошу.
- Спрашивай.
- Какая же ты скотина... Даже не смог побить свидетелем.
- Уже тепло. Почему не смог? Где я был?
- В п***де.
- Ваш ответ неправильный. Приз уходит телезрителям.
- В самолёте.
- Так. А куда я летал?
- На чёс, на халтуру.
- Допустим. А кто ещё с нами выступал?
- Бабы какие-то... «Мираж». Точно! — Телегин вспомнил. — Точно, она из этой группы.

Девушка услышала и улыбнулась. Не успел Телегин ахнуть, как Гусев поменялся с ней местами.

— Послушайте, — заговорил Телегин, разволнившись, — я вас каждый день вижу. Только там цвет... свет... прожектора. И блестящий... от окна отражается. Трудно узнать. Вы в жизни гораздо интереснее.

Девушка почти ничего не поняла, но опять улыбнулась и посмотрела на Гусева.

— У него в редакции, на работе, на стене висит постер «группа Мираж». С твоей... лицом.

— Татьяна Овсценко! — Телегин вспомнил фамилию.

Девушка от неожиданности вздрогнула и поднесла руки к груди. Этот жест привёл Телегина в совершение умиление. Он взял её руку, нагнулся и поцеловал.

В эту секунду кто-то больно взял его за ухо.

Тамара Леонардовна, давно за ним исcosa наблюдавшая, улыбаясь и подмигивая окружающим, подняла сына и усадила к невесте.

— Будешь меня позорить, женилку вырву, — сказала она барабанную перепонку. — Донжуан хренов.

Потрясённый и оглушенный, Телегин потянулся к бутылке. Левой рукой он ощупал горячее, словно в аду, ухо. А заодно перекатывающийся под кожей шарик-капсулу. Теперь, когда мир заиграл для него столь разными и удивительными красками, ему особенно не хотелось возвращаться.

Глава пятнадцатая ДВОРЕЦ КРАСОТЫ

После свадьбы Ниночка переехала из своей служебной комнаты в квартиру Телегиных. Тамара Леонардовна, поначалу подозрительно присматривавшаяся к золовке, вскоре её полюбила и во время мелочных конфликтов вставала а её сторону.

За три недели, отделявшие свадьбу от предстоящего Нового 1985-го года, произошло несколько событий, которые следует отметить.

Телегина пригласили в Горком КПСС, где он заполнил необходимые формы и стал кандидатом в члены Партии — необходимое условие

для того, чтобы в ближайшее время занять пост главного редактора «Трудовой смены».

От Тамары Леонардовны Телегин узнал, что Ниночка беременна. Обе женщины не скрывали радости. Будущему отцу, как он ни пытался вызвать в себе ощущение праздника, было всё равно.

Кире Берёзкину арестовали за убийство.

Последнее обстоятельство заставило двух друзей, видавшихся теперь довольно редко, созвониться и назначить встречу.

Они сидели в подвале всё того же «Медведя», через дорогу от будущего «Стильного», и задумчиво пили бутылочное пиво из тонких чайных стаканов. Гусев, мелькавший в последнее время на телевидении, прятался за тёмными очками. Оба уже знали, что Кира Берёзкина ударила ножницами в живот доктора Борга. А тот упал грудью на скальпель, который держал в руке. Дело происходило в институте Красоты. Кира записалась на приём и... что было дальше, в подробностях могла рассказать только она сама.

— Что за Борг? — сказал Гусев.

— Не знаю... — поморщился Телегин. — Неважно. Дело не в этом. По любому надо её вытаскивать. Нанять адвоката и дать всем, кому положено. Дать столько, чтобы её оправдали. Столько, чтобы извинились. Дело туманное, свидетелей не было, а признание ничего не значит. Всё можно представить как необходимую оборону. У него был в руках скальпель. Значит, это он мог нападать на неё.

— За деньги можно представить, что он сам себя пырнул ножницами. Сам упал, сам пырнуль, слушай. Восемнадцать раз, да! Ну ты-то знаешь, на что она способна. Она же садюга. — Гусев допил стакан и стал выбираться: — Отолью.

Телегин знал, на что она способна.

Дворец Красоты представлял из себя поднятое на опорах здание из стекла и стали. Со стороны казалось, будто оно совсем ничего не весит и само по себе парит в воздухе на фоне раскинувшегося к северу до горизонта хвойного леса.

Стеклянные двери сами собой бесшумно растворились, и Кира шагнула на мягкий белоснежный пластик. На ней чёрная кожа, красное

боа и красные же перчатки. Где-то над сводами чуть слышно звучала скрипичная музыка. Никаких тревожных больничных запахов; воздух чист и свеж.

Её ждали. Люди в белых халатах, выстроившись полукругом, улыбались. У них были интеллигентные, доброжелательные лица. Доктор Борг выступил вперёд и поклонился.

— Здравствуйте, Кира Владимировна, — произнёс он с достоинством мастера своего дела. — Позвольте я провожу вас к себе в кабинет.

— Он повернулся к персоналу: — Пожалуйста, будьте готовы, я вызову вас при необходимости.

Кабинет не был похож на врачебный. Скорее он напоминал гостиную в богатом артистическом доме. Доктор прошёл за стойку небольшого буфета.

— Чай, кофе, вино, ликёр, коньяк?

— Чай и каплю коньяку.

Доктор накрыл столик, они сели, опрокинули в чай крохотные рюмочки и пригубили. Доктор улыбался тонкой, обаятельной улыбкой Дугласа Фербенкса.

— Итак, вы у нас, — произнёс он. — И вы хотите стать ещё красивее. Нет, вы слишком красивы, и мы скажем по другому: вы хотите изменить что-то в себе. Что же это?

— Вубы.

— Губы?.. У вас прекрасные губы. Многие бы отдали за такие губы...

— Вубы, вубы, — Кира растянула губы и показала свои дёсны, пустые и воспалённые.

Доктор поперхнулся и закашлялся.

— Извините. Да, конечно, это можно поправить. У нас есть специалисты высочайшего класса. Мы вылечим вам пародонтоз и сделаем вам улыбочку по самым последним голливудским стандартам. Кира Владимировна, дорогая, какие бы зубы у вас не были от природы, наши будут лучше, поверьте. Грызите орехи, пейте горячее с холодным, шатайте, царапайте, курите трубку — они останутся всё такими же белыми и крепкими.

— Гарантия?

— Бессрочная.

— До шамой шмерти?

— Именно так. Если вам угодно.

— А ешили вам угодно?

Кира смотрела подозрительно, исподлобья.

— Это... простите, в каком смысле?

— Я шломаю вуб, а вы меня укокошите. Вачем тратить деньги, ешили можно укокошить даром?

— Вы шутите?

Кира не шутила. В её глазах мелькали огоньки безумия.

— Вачем вообще лечить? Денежки-то уже на вашем счету. Моя штрафовка. Сердце под нарковом не выдержало. Вачем возиться?..

Кира достала из сумочки кривые маникюрные ножницы.

Доктор поднялся и попятился.

Кира поднялась, легко перемахнула через стол и приблизилась к нему вплотную. Прижала к стене, набросила и затянула на его шее боа.

Доктор открыл рот и попытался закричать.

Чик! Невидимое, молниеносное движение, и язык повис на губе. А левая рука уже расстегнула пояс и ширинку.

Чик! И вот перед его глазами раскачиваются, словно две черешни в мешочке, его яйца.

Чик! И в мешочек, словно в кошелёчек опускается головка члена.

Словно удав глядя в расширенные глаза доктора, Кира достаёт из его внутреннего кармана футляр с личными инструментами, выбирает на ощупь алмазный скальпель. Сжимает скальпель в руке доктора и резким движением вонзает его в сердце.

Чтобы не обрызгаться кровью, отступает. Внезапно дёргает за конец боа — и доктор винтом падает на пол, лицом вниз, прямо на скальпель.

Кира целует мешочек с трофеями, кладёт себе в сумочку и выходит. На её красном боа и красных перчатках не видно крови.

Глава шестнадцатая БЕЛЯШИКИ

— Надо пойти к ней на свиданку.

— Что?... — Телегин провёл большим и указательным пальцами по глазам.

— Ну, поговорить с ней.

— О чём?

— О чём, о чём... Подумай.

Телегин посмотрел на дорогой модный прикид Гусева, на его тёмные очки в декабрьский вечер. Даже морда у этого удачливого авантюриста сделалась как будто гладкая, холёная, витаминизированная. Хорошо питается, если морда не пухнет от картошки и хлеба. Парное мясо с рынка, круглый год зелень, свежие овощи и фрукты.

— Ну, допустим. Подумал.

— Подумал? — сказал ему Гусев. — Плохо тебе здесь живётся? Вон морда какая стала гладкая. Помолодел, что-ли? Ты уж лучше отрасти бороду лопатой. Глядишь, через год-два появятся портреты в школьных учебниках. Получишь всё по полной программе. Понял? Или, если борода лопатой не растёт, хотя бы очки надень. Ленноновские, с простыми стёклами. Будешь как Грибоедов — мыслитель-интеллигент. Тебя тоже на цитаты расташат: «Евдокия из последних сил боронила сырую после дождя пахучую землю, упираясь в лямку тяжёлым, на шестом месяце, упругим бабьим животом. А мужики были на войне...»

— Погоди, ты откуда знаешь мой текст?

— Такой же твой, как мои песни. В сортире твой генеральный секретарь. Жопы подтирает.

Телегину показалось, что после этой фразы в баре сделалось тихо. Наклонившись, он прошептал:

— Ты что несёшь... Забыл, какой год?

Гусев поднял с колен страницу, выдранную из толстого журнала, в котором был опубликован отрывок из «Генерального секретаря».

— На, может, пригодится. Там больше не осталось.

Но Телегин не взял. Выпив пива, он стал мнительным. То, что его произведением «вытирают жопы» его обидело.

— Вообще-то, между прочим, я сам писал. В отличие от некоторых.

— Да ладно, хрен с ним, — Гусев положил страницу и стал чистить на неё воблу. — Речь не об этом. Ты понял на счёт Берёзкиной?

— Нет.

— Короче. Объясняю для идиотов. Мы хотим обратно?

— Нет.

— А она?

— Она? А! Да. Она может.

— Как не фиг делать.

— А мы?

Гусев огляделся:

— Водки, что ли выпить?..

Он приблизился к мужикам, распивающим из-под полы, шёпотом поторговался, легко уступил и вернулся со стаканом, наполненным почти доверху. Поделили, разбавили пивом.

— Она, между прочим, нехорошо себя повела, — сказал Гусев. — Нехорошо, не по-товарищески. И тогда и сейчас. Надо наказать.

— Наказать? — удивился Телегин. — Как ещё её наказать? Она и так в тюрьме.

— Ну, не то, чтобы наказать. Я не правильно выразился. Лишить права голоса.

Наконец Телегин, вместе с приходом волны алкогольного опьянения, уловил суть разговора.

— Лишить...голоса. Вместе с гlandами? — он криво и нефотогенично усмехнулся. — Мне в детстве гlandы удаляли. Таким вот крюком. Железным. Потом кормили мороженым.

— Каким ещё крюком... Надо нанять ей адвоката, добиться свидания и отнять эту, блин... капсулу. Не крюком. Остренькой бритвочкой. Один пусть держит, другой надрежет кожу и вынет. Пластырь — раз-два — готово. Всего делов. Пока эта мандула у неё за ухом, нам здесь не жить.

— Кто режет?

— Разберёмся. Не в этом дело. Можно даже усыпить. Ну, минут на десять. Она ничего не поймёт. Потом поймёт, конечно...

Телегину стало обидно за Берёзкину и жалко её до слёз.

— Отолью, — сообщил Гусев и поднялся. — Подумай пока.

Указанный в сорванной со столба бумажке адрес нашёлся не сразу. Сначала она блуждала вдоль заборов и заброшенных строений про-мышленной зоны Обводного канала. Потом встретила старуху с кривым глазом и спросила, где Глухой тупик. Старуха плонула, махнула рукой и ускорила шаг, матерно про себя бормоча. Кира пошла в указанном направлении и вскоре, перешагнув поросшую высокой травой узкоколейку, увидела гнилой бревенчатый дом и фанерную табличку, на которой тушью было написано «КРОВЬ ПУСКАЮ, ПИЯВОК СТАВЛЮ, ЗУБЫ ЗАГОВАРИВАЮ, МОЛОЖЕЕ ДЕЛАЮ». Моложе. А ей уже 24. Она специально надела школьную форму с белым фартуком и подвязала в волосы нарядные банты, потому что слышала про волшебство, которое здесь делают. А волшебство получается только тогда, когда в него очень-очень сильно поверишь. Кира остановилась, вынула из портфеля плюшевого зайчика и поцеловала: «Ну, я пошла?..»

На лавочке возле дверей сидели вонючие бомжи, пили бормотуху и уродливо скалились. Собрав волю в кулак, Кира решительно шагнула внутрь и постучала в единственную дверь.

— Не заперто.

Кира вошла в душное, плохо освещённое помещение. Табачный дым висел словно в пивной. Спёртый больнично-гнилостный запах пропивался через дымовую завесу. Кира поднесла руку к лицу и пошатнулась.

— Ступеньки!

Поздно. Девушка сделала шаг в пустоту, куда-то полетела, ударила головой и потеряла сознание.

В нос ударили нашатырь, она открыла глаза. Над ней стоял мужчина неопределённого возраста с жёсткими кисточками усов и дёргающимся в тике лицом. Грязный больничный халат был перепачкан засохшей кровью. Несомненно, это был доктор Борг — в одном из своих потусторонних ужасных воплощений.

— Паа-паа-платить как будете?

Доктор сильно заикался, а вместо «т» у него получался непривычный плевок.

— Я лучше пойду...

Кира захотела вытереть лицо, но вдруг поняла, что руки её привязаны, а сама она лежит ногами кверху в гинекологическом кресле. Она подумала, что произошла ошибка.

— Нет, не то, я не за этим!

— За этим, за этим, — плюнулся доктор. Теперь он дёргался весь, всем телом. — Какая кошечка. Дуу-дурочка.

Кира стала кричать и биться, но доктор завязал ей рот грязным бинтом.

— Ничего, ничего. Это недолго. Потом бомжики тоже побалуются, а потом мясцо в мясорубочке прокрутим. Беляшики будем продавать. Вкусные бее-беляшики. Какая ножка красивая. Какие трусики у нашей девочки, у нашей школьницы. А где же денежки? Что у нас в портфельчике?.. За-заа-заяц тряпочный.

Доктор отшвырнул зайца и стал рыться в портфеле.

Кира замычала и завертела руками. Занятия спортом не прошли даром: бинты ослабли, она вынула из петли сначала правую, потом левую руку. Отстегнула ремни с ног, сорвала повязку со рта.

Борг обернулся, схватил наугад инструмент из железной коробки. Это были ножницы.

— С-сука! Порву в клочья!..

Кира отпрыгнула и встала за креслом. Обежали круг, дёрнулись туда, сюда.

— Ну всё, всё уходи, ничего не было, не докажешь.

— Дай сюда зайца.

Борг подобрал зайца и швырнул его девушке. В то же мгновение ринулся в атаку ещё раз, и опять жертва оказалась быстрее.

Тут Кира сообразила, что физически она попросту сильней этого щуплого дегенерата. Если бы не ножницы в его руках...

Она вдруг разозлилась и изо всех сил толкнула ногой кресло. Борг взвизгнул и отскочил, кресло упало и повалило жестянную этажерку со склянками. Склянки посыпались на пол, по каменному полу разлилась густая кроваво-гнилостная жижа. Злодей вдруг побежал на месте, быстрее и быстрее, однако ноги не успели, скользнули, и туловище шлёпнулось в лужу.

Одна рука его была выброшена вперёд и подёргивалась, другая оказалась подмятой под живот. Всё тело мелко задрожало и обмякло.

Кира прижала перепачканного зайца к груди, схватила портфель и, выскочив и проклятого дома, побежала куда глаза глядят.

Глава семнадцатая У КИРЫ СИЛЬНЫЕ РУКИ

— Можно пшикнуть из баллончика, — говорил Гусев, раскрасневшийся от водки. — Такой баллончик уже можно достать. Импортный. Я, кстати, еду в загранку. Ну, то есть на Кубу, какая это загранка. У нас этих сигар по шестьдесят копеек завались. В сша (он так и произносил — слитно, как одно слово), между прочим, пять долларов за штуку. А кроме сигар там больше ничего нет. Ром этот... «Гавана клаб». Хуже одеколона. Шварц... блин, Кварц договаривается. По комсомольско-молодёжной линии, по обмену.

— Гастроли на Кубе? — понял из всего этого многословия Телегин.
— Когда?

— В том-то и дело. Не успеем. Когда вернусь, всё сделаем. Можно эфиром. Или, на крайняк, дать чем-нибудь по башке.

— Гусев. Я не хочу. Я Берёзкину больше пальцем не трону. Если уговорим... другое дело.

— Ты что, дурак? Она же невменяемая. Она человека убила. А что с тобой она сделала... Тогда. А я видел.

Гусев показал, будто его рвёт, но на его рык обернулась, нахмутившись, только одна уборщица.

— Всё равно. Буду уговаривать. Пальцем не трону. Договоримся, цивилизованные люди.

— Адвокат мог бы... Они умеют на что давить. Но если мы начнём рассказывать адвокату всю лабуду...

— Я сам поговорю. Не веришь в силу моего художественного слова?!

— На миллион слов один парень с бритым затылком.

— Фашист.

— Короче, Теля. Дело обстоит так. Твоя и моя жизни в яйце. Яйцо у Берёзкиной в руке. Она сильная. Одно движение... и прощай молодость. Тебе это надо? Я скоро уеду. Команданте Фидель ждёт меня на острове свободы. А ты здесь... думай, думай хорошенько, что ты теряешь. Что можешь потерять. И хватит об этом. Пойдём отсюда.

— Куда.

— Поедём в кабачину. Закусим, дерябнем водочки по-человечески. Где «Сталин»? Совок поганый...

В ресторане Телегин исподволь расспрашивал Гусева про Таню Овсёенко. И тот понял, что когда он вернётся, всё будет сделано как надо.

Глава восемнадцатая РИВЬЕРА

Остров свободы встретил Гусева и его ансамбль тропической жарой и ослепительным солнцем. После мрачного декабряского Ленинграда воздух и свет пьянили голову. А ещё какая-то ерунда с часовыми поясами... Первое время лучше совсем не пить ничего спиртного. Или наоборот — выпить и хорошоенько высপаться. Пожалуй, да, так будет правильно.

Аэропорт имени героя Хосе Марти выглядит современнее, чем «Пулково-2». В зале пограничного контроля такие же длинные очереди. Жарко как в бане.

Кварцхава быстро нашёл встречающую сторону — энергичную мулатку с чёрным одуванчиком волос на голове и комсомольским значком на блузке. Её зовут Кончитта. На улице ждёт автобус. Американский, года пятидесятого выпуска.

Пока получали и грузили багаж, Гусев стоял возле буфетной стойки и потягивал кока-колу со льдом. В смысле работы он давно уже ни к чему не притрагивался. К микрофону и клавишам подходил прямо на сцене. Фанеру ещё не практиковали, приходилось отдуваться по-настоящему.

Тронулись. Бойкий «одуванчик» трещит по-русски; только что закончила институт им. Патриса Лумумбы в Москве. Всё знает. Путь в центр пролегает через старый район Ведадо. Особняки, оставшиеся с колониальных времен, утопают в зелени. Улицы чистые, и никакой рекламы. Набережные-«малеконы». На берегу залива огромная фигура Христа. Одуванчик-Кончитта статую бога не комментирует, говорит по-испански, делая вид, что объясняет шофёру нечто важное.

В старой Гаване время застыло в американских 50-х — эпоха правления диктатора Батисты. Огромные порталы с колоннами на площадях, витражи, широкие окна и балконы и... красные черепичные крыши.

Капитолий — копия виртуального Белого дома, крепость Сан Карлос де ла Кабанья. В центре города — площадь имени всё того же загадочного Хосе Марти с мемориальным комплексом. На улицах множество машин, преимущественно советские «лады», «москвичи», «зилы» и «камазы» и старые, 50-х годов, американские «доджи», «ольдсмобили» и «шевроле». Эти вылизаны и ухожены как новенькие, как в старом кино.

А вот и гостиница — самая роскошная на всей Кубе — «Ривьера». Незадолго до революции её построили американские гангстеры — для себя. Чудо комфорта, вкуса и архитектуры. Для группы забронированы четыре роскошных номера с телевизорами, холодильниками и кондиционерами. По одному одноместному для Гусева и Кварцхавы, один трёхместный для музыкантов и один четырёхместный для obsługi.

В дороге Кончитта основательно проинструктировала ребят на первое время — что можно, что нельзя, а что необходимо. Внизу, в буфете, затарились колой и минералкой: воду из-под крана пить не рекомендуется. Мальчишке-носильщику — ровно двадцать песо, хотя он со слезами бормочет заученное на ломаном русском заклинание о голодной семье и маленькой сестричке, умирающей от малокровия.

Единственный концерт — в сборной новогодней солянке во дворце Революции перед Фиделем и его большими шишками. Это через неделю. Репетиции зачем-то назначили на каждый день; даже Кварц не сумел их переубедить.

Оставшись один, Гусев направил прохладу кондиционера на широкую кровать с шёлковым покрывалом, открыл бутылочку лимонада, освободился от обуви, лёг, отпил, поставил бутылочку на тумбу и потянулся. Пристянул глаза.

Но едва только его окутала усталая от впечатлений дрёма, раздался стук в дверь.

— Что! — хрюкнуло выкрикнул Гусев и открыл глаза.

В номер вошёл Кварцхава. С мокрой причёсанной головой, в шортах, с полотенцем на плечах.

— Разве так можно, по-свински, — проворчал он. — Помылся бы, переоделся.

— Гоша, ты?.. А я не спал. Только прилёг. — Гусев потянулся к бутылке, выпил половину большими глотками. Лимонад был тёплый. Поднёс к глазам часы, ничего не понял. — А сколько времени?..

— Часа полтора дрыхнешь. Подведи стрелки, не в Ленинграде уже.

— Блин... чего-то я...

— Нет, брат, так нельзя. Надо тебя расшевелить. Иди помойся, а я принесу чего-нибудь выпить и закусить. Десять минут.

Кварц вышел, а Гусев, ощущая в голове сгусток, отправился под прохладный душ.

Вскоре они сидели на широком балконе, выпивали ром, ели жареную рыбу и смотрели на закат. На набережной гуляли туристы, играл пасэос — оркестр в народных костюмах. Быстро темнело. Ещё быстрее у Гусева менялось настроение. Он выпил, наелся рыбы, каких-то овощей, приправ и теперь смотрел на этот мир как на волшебные декорации, построенные силами людей и природы специально для него, чтобы ему было здесь хорошо.

— Хорош пьётся, — заметил Гусев и взял в руки бутылку: — «Havana Club Reservo» — прочёл он на этикетке. У нас какой-то невкусный продается.

— Это хороший ром. Пятилетней выдержки. И стоит пять долларов. А трёхлетний, «Havana Club Silver Dry», который у нас продаётся, три доллара.

— Логично.

— Из него здесь делают коктейль «Дайкири».

— Знакомое слово. Надо попробовать.

— Есть ещё семилетний, «Havana Club Añejo», такой тёмный, как кофе. На десятку тянет.

— Как ты тут успел всё разведать. Наливай, не умничай.

Слева виднелась площадь Революции; в тени у колонн стояли вызывающие одетые дамочки всех оттенков. Кожа у них развратно лоснилась, «одежда» не прикрывала, а наоборот подчёркивала всё манящее и выпирающее. Хотя полицейских в Гаванеказалось больше, чем самого населения, проститутки чувствовали себя вольготно.

— А что здесь бабы? — поинтересовался Гусев. — Тоже платить надо?

— Обязательно. Практически все женщины — проститутки. Все-все. Замужние, партийные, врачи, педагоги, герои революции. Абсолютно с любой можно договориться, это я точно знаю.

— Откуда ты всё знаешь?

— Знакомый возил сюда оркестр баянистов.

— А, ну да. Вы же такой народ, везде побывали. А, допустим, эта... ну эта наша... одуванчик...

— Кончитта? Даst. Я уверен. Если не за деньги, то по работе. Они же все пишут отчёты. Сигару хочешь?

— Не.

— А я люблю. Здесь лучше курятся. В Питере не так. «Мальборо» хочешь?

— Давай.

Совсем стемнело. На улицах зажглись фонари. Стол на балконе освещал свет из комнаты.

— Слушай, Витёк, — заговорил Кварцхава серьёзно. — Надо поговорить.

— Говори.

— Надо решить творческую проблему. В смысле, как развиваться дальше.

Гусев и сам об этом думал. Через три месяца придёт Горбачёв и начнётся перестройка. Все, у кого есть имя, ломанутся собирать чёс по стадионам. А на «маленьком плоту» далеко не уплыvёшь. Нужно подготовить что-то забойное. Лучше не рок. В девяностом он умрёт окончательно. Что-нибудь прикольное, для одноклеточных.

— Давай, давай, говори, что думаешь. Гога, твоё мнение для меня решающее. А потом я скажу.

— Понимаешь, Витёк, нас критикуют за безыдейность. Со мной говорили. Они хотят песен для комсомола, для праздников... Идеология. «День победы». Хотят, чтоб мы были такие правильные... Тогда всё для тебя. Телевидение, радио, пластинки, поездки... Всё для тебя. Для нас.

— Всё сказал?

— Так и знал, что будешь упрямиться.

— А я ведь не упрямлюсь. Я не девушка. Я знаю, что ты всё равно уболтаешь. Дело-то не в этом. Я согласен. Всё правильно. Один момент не вписывается. Через три месяца никакой идеологии не будет. Там, в партии, готовится перестройка. Почти капитализм, НЭП. Никакой политики, никаких ставок: греби за выступление сколько хочешь. Только плати налоги.

— На солнце перегрелся?

Гусев молча налил, и они выпили.

— Гога, ты меня уважаешь?

— Допустим.

— Тогда траст ми. Айл би бэк. Смотрел «Терминатор»? Ты Кварц, а он — Шварц. Будет губернатором, между прочим. А ты будешь ме... медимагнатом. Если — просечёшь — вовремя — обстановку. Траст ми, Шварц... Кварц.

Кварцхава был умён и проницателен, иначе он никогда бы не стал медиа-магнатом. И он понял, что пьяный Витёк действительно что-то знает. И он заволновался. Скорее приятно, чем тревожно.

— Погоди, что ты знаешь? Откуда?

— А! Поверили. Ну, допустим, просочилось из верхов. А Тамара Леонардовна мне намекнула. По дружбе. Я ей почти сын. Она хочет, чтобы у нас с Телей всё было хорошо. Понял?

Звучало правдоподобно.

— Ладно. Утро вечера мудреней. Трезвый подтвердишь?

— Подтвер... дю... ду... жу. Как развезло. Жарко, градусов тридцать.

А что, одуванчик тоже в нашей гостинице живёт?

— В нашей, в нашей...

— Давай, неси, вторую, из холодильничка. Позвони, чтоб пришла.

— Серьёзно?

— Давай, давай, действуй.

Кварцхава ушёл и вернулся с запотевшей бутылкой. Вид у него был задумчивый и слегка ошарашенный.

— Придёт?

— Что... А, да. Куда денется. Я же говорю, они все...

— Так что, какую программу будем делать? А, Гога? Просто пофантазируй. А вдруг.

— Если так, совсем другое дело. Надо подумать.

— Ну, чего, как?

— Так... дискотечнее. Просто и ритмично. Без стихов. Так, какая-нибудь глупость. Чем проще, тем лучше.

Гусев вдруг понял, что именно надо. Он огляделся и в нетерпении зашевелил пальцами:

— Гитару...

— Рояль в двух шагах.

— Да? Я не заметил.

Они зашли в номер. Действительно, там стоял рояль. Белый с золотом. Чёрный рояль Гусев бы заметил профессиональным глазом, а этот среди дворцового убранства, заставленный цветами, принял за мебель. Сел, открыл крышку.

— Готов? Держись крепче.

Кварцхава поставил два стакана на крышку, поднял свой, стряхнул пепел с сигары на балкон, отпил и кивнул. Гусев ударил по клавишам и задал бодрый ритм типа «ун-ца, ун-ца». Запел:

Ты целуй меня везде, я ведь взрослая уже.

Ты целуй меня туда, где не стыдно никогда...

И дальше, в таком духе, перебором слов.

Глаза Гоги засияли, он начал подстукивать и подпевать. Такого восхитительного идиотизма он ещё не слышал. Переступая определённую допустимую грань, китч обретает совершенно новое качество, которое способно вызывать улыбку даже у снобов. Если на киноэкране прилично одетому человеку бросают торт в лицо, это, как правило, не смешно. Когда это делают три раза подряд, можно улыбнуться. Но если потом, когда тот же человек переоделся и помылся, в него бросают ещё один торт гигантских размеров, нервный смех в зале обеспечен.

Кварцхава смеялся, выкрикивая ритмическую белиберду, стучал по крышке рояля и одновременно лихорадочно думал. Если всё сложится хотя бы наполовину так, как говорит Гусев, с программой такого типа они в первом же сезоне порвут всех мыслимых конкурентов.

Глава девятнадцатая НЕБО НАД ТОБОЙ КАК СОМБРЕРО...

Проснувшись от звуков играющего под окнами «Ривьера» оркестра-пасэоса, Гусев долго не решался открыть глаза. Было понятно, что он не дома. И даже не в Ленинграде. Где? Уже лето и они на гастролях в Крыму?.. Куба. Он всё вспомнил. Пьянствовали до утра с коллективом, обслугой и чернокожими наложницами. Эта... одуванчик тоже была. Крюков

объявил, что уходит из коллектива. Будет набирать новые «Скрипты». В блузке смысл его жизни. Уходит из-за новой программы. Он ещё не знает о следующей... Утренняя эрекция. Настоящее дерево. После декабрьского Ленинграда столько солнца, свежей зелени, приправ и рыбы... Ещё эти бликующие красотки всех оттенков гуталина. На счёт «три» подняться и до-стать из холодильника газировку. Ой... Под рукой что-то зашевелилось. Не-ужели одуванчик?

Гусев раскрыл глаза. На него настороженно смотрело толстое лицо одной из наложниц. Совсем не та. Все были стройные и сексапильные, только одна эта... на любителя. Толстожопая, сиськастая. Крюк на ней запал сразу, он и есть любитель. Почему всё так нелепо перемешалось? Теперь не переиграешь. Схватился за край, слабо потащил одеяло на пол. Вообще-то ничего, иногда можно понять этих любителей. Особенно когда... так подирает. Телегин называл бы это пиршеством плоти. Плюс к тому же экзотика. Какой восхитительный кустарник, никто ещё не бреется... Здесь всё настоящее, натуральное. Что-то первобытное есть в этом цвете. Молчит. За неё говорит дыхание. Так, тихонечко, переворачиваемся на живот. Умница. Коленки подогнём, попой кверху. Какая пышка. А тут у нас какая красота. Влажная и розовенькая... как утренний цветочек. Если бы ты понимала, балда, какие я тебе говорю комплименты. Оп... отлично... поехали.

Репетиция в колонном зале Дворца Революции прошла вяло. Коллектив был измучен похмельем и жарой, с опухшими рожами и раздувшимися от газировки животами. Кварцхава выглядел одновременно возбуждённым и погружённым в свои мысли. Гусев понимал его состояние и про себя, в меру сил, посмеивался. От таких новостей у любого бы напрочь сорвало крышу. Молодец, хорошо держится.

Вернулись в «Ривьеру» мокрые и еле живые. За обедом в ресторане выпили по стаканчику рома. Басс, зажимая рот, выбежал в туалет. Остальным ничего, полегчало. Поболтали, покурили, разошлись спать.

Из разговора стало понятно, что с наложницами ночью пришлось расстаться, поскольку они не умещались в бюджет суточных. Гога сделал исключение только для Гусева, сторговавшись с толстушкой за начатый флакон одеколона, которым вытирал по утрам морду после бритья. Наверняка толстожопая рассчитывала что-нибудь стянуть из номера перед

уходом. Плевать. Было то, что потрясло Гусева по-настоящему. То, что, как выразился бы Телегин, изуродовало его понятие об основах человеческой нравственности и морали. Его одуванчик, его Кончитта, имела групповой секс с его коллективом. Со всеми тремя оболтусами — басом, барабаном и, самое главное, с гитарой. Лохматый Чёрт поимел его одуванчика, на-верняка даже не разобрав толком, что, куда и откуда. Одуванчик, коза или первая жена — ему без разницы. Подонок. Жаль, что он уходит из коллектива. С ним было круто.

Сiesta затянулась до самого вечера. А когда стало темнеть, Гога и Витёк снова сидели за столом на просторном балконе, смотрели на красоты и строили воздушные замки. Под действием солнца и рома Гога окончательно поверил в перестройку.

День за днём, прошла вся неделя. Гуляли по городу, купались, съездили на экскурсию в Варадеро — полуостров, отделённый охраняемым мостом, лягушатник для туристов. В пещере Амбросио разглядывали якобы первобытные рисунки. Зашли в популярный клуб «Klub Mede», встретили русских, работавших здесь по договору. Оказалось, что здесь пруд пруди русских, но они в основном военные и живут в своих военных резервациях.

В магазинах Гаваны — шаром покати. Соль, вермишель, крупа. Продукты, ром, сигареты — всё по карточкам. Если имеются доллары, можно отовариваться в валютниках и вообще жить почти при коммунизме.

Так, как в первую ночь, больше не напивались, нужно было выступить перед Фиделем без накладок. Песню, которую разучили специально для поездки, пришлось отменить: она здесь звучала из каждого электрического утюга.

Небо над тобой, небо над тобой
Как сомбреро...

Выступили хорошо, без сучка без задоринки. Фидель и весь зал аплодировали стоя. Потом был банкет и Новый год. Без ёлки, без Деда

Мороза и Снегурочки. До утра тусовались на набережной, в карнавале. Пили тёплый ром с кокой из гигантских картонных стаканов «пэргас», за-кусывали дарами креольской кухни.

А на другой день, второго января 1985 года, поздно вечером, они вышли из здания Пулково-2 на снег и обжигающий ноздри двадцатиградусный мороз.

В головах ещё звучала бойкая испанская речь, гитары и маракасы.

Глава двадцатая БЕС В РЕБРО

К своему ужасу и стыду Телегин понял, что влюбился в другую.

Раздобыв номер телефона и преодолев нерешительность, он позвонил. Заговорил сухо и официально.

— Таня, здравствуйте, вас беспокоит Александр Телегин. Припомните, на свадьбе?..

— Да... конечно... — испуганно пролепетала девушка.

— Я вот по какому делу. Я ведь занимаюсь не только исключительно большими формами... пишу не только романы. Иногда мне не чуждо, так-скать, прикосновение к не столь серьёзным жанрам литературы... как то: лирика, стихотворение, песенная лирика... Моё творчество не чуждается популярного, так называемого лёгкого жанра ибо... всё для народа и во благо... Вы понимаете?...

— Нет. Честно говоря, я совсем ничего не поняла.

Телегин смахнул пот со лба.

— Я хотел сказать, что у меня есть наброски нескольких песен. Для вашего вокально-инструментального ансамбля.

— С музыкой?

— Могу напеть.

Телегину показалось, что Таня Овсеенко, сдерживая смех, фыркнула.

— Интересно было бы послушать. Вы нашему худруку будете напевать?

— Нет-нет. Всё не так серьёзно. Если вы не против... вам.

— Пожалуйста. Вы с женой придёте?

— Жена... не совсем жена... — после этих слов Телегин понял, что сейчас, только что, он предал Ниночку и дальнейшее развитие событий уже ничего не изменит. — Брак фиктивный, — бросился он с головой в омут греха. — Ниночка мой незаменимый помощник в работе... Я всё устроил так, чтобы она могла прописаться в городе. У неё есть друг. Они влюблены и счастливы.

— Да что вы говорите. Друг не ревнует?

— Таня, давайте встретимся. Можно я вас приглашу поужинать в ресторан?

— Можно. Хотите прямо сегодня? Все куда-то делись, я тут одна в номере...

— Через час я буду у входа.

— Ладно, не опаздывайте. Да, вот ещё что, дядя. Я несовершеннолетняя, школьница. Это только на фотографиях я такая... расфуфыренная.

Телегин молчал. Такое не приходило ему в голову.

— Передумали?

— Нет. А какая разница? У вас всё впереди.

— Тогда замётано, через час.

Этой же ночью, в медовый месяц, Телегин изменил своей молодой жене, преступив закон Божий и поставил себя вне закона с точки зрения юридической. А ему уже было всё равно — зарезавший десятерых не пожалеет одиннадцатого. Девчонку он опоил нарочно, пользуясь её неопытностью. Отвёз на квартиру Гусева. Всю дорогу в такси они разучивали песню: «Музыка на-а-ас связала, тайною на-а-ашей стала...» Таня сказала, что такая забойная песня может сделать имя любой девичьей группе. Телегин обещал ей сольную карьеру.

Ночь прошла бурно и скомкано. Утром он торопливо собирался. Чмокнул толком не проснувшуюся Таню в губы, пообещал позвонить. «Развратник», — беззлобно прошептала девушка.

За тем, чтобы составить себе алиби, Телегин зашёл в разлив и взял бутылку портвейна с конфеткой на сдачу. Стоя перед пластиковым стиллажом у стенки, выпил четырьмя стаканами подряд всю бутылку, откусывая

от конфетки ровно четверть после каждого. Покурил, потрепался с мужиками. Взял ещё одну бутылку, угостил.

Приехал домой пьяный. Ниночка пожурила, но не заподозрила. Тамара Леонардовна нашла в карманах гусевские ключи и ресторанный счёт. Примерно всё поняла, погрозила спящему пальцем, пообещала: «Ну писатель, ну засранец, я тебе устрою!..»

Новый 1985 год встречали по-семейному тепло и дружно.

Глава двадцать первая НУЖНАЯ И СВОЕВРЕМЕННАЯ КНИГА

Четвёртого числа нового года в магазины поступил первый трёхсоттысячный тираж «Генерального секретаря».

Пятого числа в газетах появились две статьи. Материалы такого уровня могли в один день стереть человека в порошок или возвысить его до Олимпа коммунистических богов. Первая статья называлась «Молодой наследник великой литературы», вторая — «В лучших традициях социалистического реализма».

Начались звонки, вопросы, предложения возглавить то, сё, выступить телевидении, радио... Тамара Леонардовна, служившая на это время личным секретарём писателя, фильтровала потоки и расписывала ближайшие дни и недели гения по часам.

К концу января подвели итоги. Просеяли информацию через решётку и самое крупное рассмотрели более пристально. Предлагалось:

- место одного из секретарей в московском Союзе писателей (ответственно квартира, машина и дача в Переделкине);
- место Второго секретаря в ленинградском Союзе (только дача);
- место заместителя главного редактора «Литературной газеты» в Москве;
- место главного редактора толстого журнала «Нева» в Ленинграде.

Амбициозная мама настаивала на Москве; Телегин соглашался только на дачу в Ленинграде.

Ленинградский Союз писателей ухватился за «Шолохова наших дней» как за полковое знамя. Самая лучшая дача из недавно освободившихся была отремонтирована и обустроена в считанные дни. На новоселье собрались человек пятьдесят инженеров человеческих душ — от чудаков, имевших за душой книжку-раскраску для малышей в пятнадцать страниц, до мэтров, имевших пятнадцать томов в золочёном переплёте.

Второй, пятисоттысячный тираж был запланирован на апрель-май. Это нормально укладывалось в ход событий. Телегин рассчитывал ещё на пять-шесть тиражей, не считая стран социалистического лагеря. Потом у него уже будет всё, чтобы открыть своё собственное дело — издательство или интернет-проект... «Рамблекс». В любом деле он сможет стартовать первым и захватить всё поле. Он может совсем оставить дела — заниматься спортом, чтением, самообразованием и путешествиями.

Всё это может быть, всё это реально, если только... Если только Кира Берёзкина не сожмёт кулак и не раздавит хрупкое кощеево яйцо, в котором заключено их будущее.

Глава двадцать вторая БЕРЁЗКИНА СТАНОВИТСЯ ПРОБЛЕМОЙ

Однажды, в конце февраля, позвонил Гусев:

— А ну, включи радио.

— Какое...

— У нас что, уже много радио? То, что у всех на кухне. Репродуктор.

Телегин положил трубку рядом с аппаратом, вышел на кухню и повернул громкость. Голос Тани Овсеенко заполнил помещение: «Музыка на-а-ас связала, тайною на-а-ашей стала...» В первое мгновение сердце его радостно дрогнуло, но уже в следующее его охватило чувство разочарования. Она украла песню. У неё не хватило ума подождать и принять её в знак любви. Её и ещё десяток, сотню стопроцентных хитов. Но она, словно чумазая цыганка, схватила первый же кусок, лежавший с краю, и дала стрекача. Она просто дура.

Телегин вернулся и взял трубку.

— Твоя работа? — сказал Гусев.

- Можешь предложить варианты?
- Что будем делать с Берёзкиной? У неё сегодня день рождения.
- О господи! — ужаснулся Телегин. — Как же она там... Такой холод!
- Тамара Леонардовна что-нибудь узнала?
- Не много. Сидит в общей камере, на допросах молчит, от свиданий и от адвоката отказывается.
- Адвокат общественный или кто-то нанял?
- Лужин нанял. Самого продувного во всей коллегии. Он, Лужин, те есть, суетится, всё ещё любит. Совершенно не в себе парень. Готов на всё, только бы вернулась. Адвокат что-то придумал, но Кира отказывается с ним встречаться.
- Может, они сами... без нас уладят?.. — предположил Гусев неуверенно.
- Не знаю. Не думаю. Не уладят. Для неё не стоит вопрос «тюрьма или Лужин». С которым, к слову сказать, придётся так или иначе по жизни рассчитываться. Вопрос стоит — «тюрьма или назад, в 2004-й».
- Теперь многое зависит от того, насколько нормальные условия жизни в камере. Бывает, так достанут какие-нибудь психи или садисты, что человеку легче повеситься. А могут попасться интересные люди, со своими историями. У меня в «Сталине» тромбон два раза сидел, много чего рассказывал.
- Берёзкина упрямая, сильная, торопиться ей некуда. Надоест — раздавит и все дела. А может, ей самой интересно, до какой степени абсурда всё это может докатиться.
- Теля, честное слово, мне тоже интересно. С каждым днём становится всё интереснее и интереснее. Что вообще произошло? Что у неё было с этим... доктором?
- Кто же знает? Она молчит. Доктор тоже молчит, он мёртвый.
- Что делать, что делать... У меня новая программа, готовим втихую, под перестройку. Бомба. Обеспеченная старость. Надо, надо что-то делать. Шарик этот, капсула проклятая спать не даёт, жить мешает. Если разрешат свиданку, отгрызу вместе с ухом. С-сука какая, сама не живёт и другим жить не даёт.
- Погоди, — от цинизма Гусева у Телегина защемило сердце. — Погоди, смотри... Если мы отнимем шарик, она пойдёт на пятнадцать лет в зону.
- Ну, не на пятнадцать... А десятку могут впаять, за милую душу.
- А мы здесь будем... вкушать цветы удовольствий?

— Да, неувязочка. Она, конечно, в зоне жить не будет. Или сбежит или кого-нибудь убьёт. Если сбежит, нам не поздоровится.

— Гусь, ты что, дурак? Дело совершенно не в этом. Я вообще-то какой-никакой, а христианин.

— Ну, я как бы тоже... не арабский террорист. Как появятся большие деньги, мы её вытащим. Устроим пересмотр... вновь открывшиеся обстоятельства... свидетели, которые будто бы всё видели... Долго не просидит. Главное, чтобы знала. Как это у них называется... маляву, что ли ей надо передать. Сможешь устроить?

— Поговорю. Всё-таки она мамаше не чужая. Устроит, я думаю.

— Пиши маляву, про адвоката тоже, пиши, что выйдет скоро, ни в чём не виноватая.

— Подумаю.

— И ещё. Ты знаешь, сколько лет Тане Овсеенко?

— Да.

— Всё, пока.

— Погоди. Где она сейчас, телефон есть?

— Недавно была здесь. Я её видел, она про тебя спрашивала. Теперь там, у себя, на Украине. Телефон есть...

Телегин записал.

Неделю спустя, путём недолгих согласований, он получил командировку на Украину от Союза писателей. Программа стандартная: местное телевидение, радио, встречи с читателями. До вылета оставалось десять дней.

Глава двадцать третья ПУСТЬ ПРИДУТ И ПОПРОБУЮТ

В то время, как Телегин и Гусев комфортно обустраивались в настоящем и будущем, Кира Берёзкина делала всё, чтобы свою жизнь разрушить. Верная своей первой любви, она бросилась на поиски Владимира. Он был жив и здоров, но встретиться с ним оказалось не суждено. Выпускник Высшей школы КГБ по распределению был направлен на работу в Германию. И Кира, в пике своего физического совершенства

сходящая с ума от любви к призраку, развернула чувства на сто восемьдесят градусов. Она решила убить доктора Борга.

Найти злодея не составило труда. Борг работал пластическим хирургом в единственном общедоступным институте красоты, расположенным на бульваре Профсоюзов.

Кира пришла к нему на приём и, едва он закрыл дверь, приставила к его горлу скальпель.

— Помнишь меня?

Борг перестал мыть руки и посмотрел в зеркало. Он вспомнил её в тот момент, когда она вошла в кабинет. У него была профессиональная память на лица. Но он был уже наказан и прошён. Десять лет назад он пришёл в больницу, опустился на колени перед Владимиром, молча положил руку на его одеяло и медленно перерезал себе вену. Когда вся постель сделалась красной, Владимир позвал врача.

— Десять лет назад мы решили эту проблему, — произнёс Борг, потянувшись к полотенцу. — Разве ты не знаешь?

Она не знала. И на мгновение ослабила хватку.

Борг перехватил её руку полотенцем и скрутил за спину. Кира махнула головой, сломав ему нос. Перебила каблуком пальцы ног. И они вместе, опрокидывая кресло и стол с кипящими инструментами, повалились на пол. Десять или двадцать раз она ударила почти наугад... Борг не шевелился и не дышал. Лужа разлившегося по полу кипятка быстро краснела. Доктор Борг был мёртв, лицо его было изуродовано и перекошено. Она била мёртвого человека.

В камере её первое время задевали, как всех новеньких, но после нескольких стычек поняли, что драка доставляет ей удовольствие, и отвязались. Пару раз пришлось посидеть в карцере за неподчинение. Чтобы не поддаться минутной слабости, она, надрезав кожу за ухом, вынула оттуда капсулу и замуровала в углублении щербатой стены. Кира отказалась от адвоката и всех свиданий, молчала на допросах у следователя. Она ничего не хотела, спешить было некуда.

Получив записку, в которой мы просили свидания, она задумалась. Из камерного динамика часто до неё часто доносились песни, украденные Гусевым из будущего. В новостях она слышала, как Телегина называют

состоявшимся классиком советской литературы. О чём им говорить? Боятся, что она раздавит капсулу? Это скорее всего. Ну так пусть придут и попробуют взять.

Глава двадцать четвёртая ФАКТОР НЕОЖИДАННОСТИ

В среду шестого марта Телегин снял трубку и услышал взволнованный голос друга:

- Теля, порядок, она согласна!
- Когда?
- Завтра, завтра!
- Во сколько?
- Шестнадцать тридцать. Ровно в три встречаемся на Финбане.
- В шесть у меня поезд. Восьмого марта я должен быть в Хохляндии, она встречает.
- Не ссы, будешь. На свиданке рассиживаться не дадут.
- Так ты решил... силой?..
- Достал ты меня, писатель! Уговаривай. Я не против, я подожду, постою в сторонке. Только после сам будешь отнимать, когда она всё поймёт и приготовится. Она, между прочим, мастер спорта по плаванию. У неё рука как весло. Огреет — уже не встанешь.
- Ладно, ладно, не кипятайся, звезда поп. Уговорил уже, убедил. Обезопасим любой ценой. После вытащим.
- Конечно, вытащим.
- И денег дадим. Пусть живёт как человек.
- Да кто же против? Всё! Давай обговорим самое главное. Нам надо её обезопасить буквально на минуту. Такого снотворного, чтобы действовало сразу, такого нет.
- Что же есть?
- Есть флакончик эфира. Если неожиданно приложить к лицу платок, человек, испугавшись, что его душат, рефлекторно вдыхает. С первого вдоха ты уже не боец, а со второго и третьего плавненько так улетаешь. Я на себе пробовал. Главное — неожиданно и крепко взять за руки.

Телегин понял, что держать за руки придётся ему.

— Смотри. Ты говоришь «покажи руки», а я захожу сзади. Ты держишь и смотришь в глаза, говоришь что-нибудь важное. У меня платок метр на метр... ну, то есть большой. Обливаю эфиром — и в морду. Потом режу. Имей в виду, держать надо крепко.

— Нас самих могут за это... привлечь.

— За что! Как она объяснит! Да она под пыткой жаловаться не будет. Сама разберётся.

— Она сильно переменилась. Она может так разобраться, что нам вообще не жить.

— Плевать, потом хоть трава не расти. Уболтаем, умаслим. В ножках будем валяться.

— Ладно. Буду держать. Сегодня с гантелями позанимаюсь.

— Бритву возьми. Спрячь в подкладку. Лезвие. Лучше импортное. «Нева» ненадёжна. Я возьму, но и ты тоже возьми. Ты будешь держать, а я — резать. Понял?

Телегина передёрнуло, он нервно выкрикнул «да! да!..» и бросил трубку.

На другой день без четверти три оба уже стояли на месте встречи и обговаривали последние детали. Был ясный солнечный день, с крыши капало, лёд на Неве ещё не тронулся.

Итак, они трое сидят в гостевой камере за столом.

Т е л е г и н. Наколку сделала?

Б е р ё з к и н а. Нет.

Т е л е г и н. Покажи руки.

Телегин держит за руки, Гусев обходит стол и прикладывает к лицу Берёзкиной платок с эфиром. Она теряет сознание. Гусев достаёт лезвие, делает аккуратный надрез и вынимает капсулу. Затем они заклеивают ранку пластырем, приводят объект в чувства и уходят. Телегин мчится на вокзал, навстречу своей любви; Гусев успевает на репетицию новой программы. Всё.

В половине четвёртого они сдали на вахте паспорта, в четыре по-говорили с охранником и остались в камере для свиданий вдвоём. После воли и сверкающего на солнце льда темно и жутковато. Пришёл местный врач, пожаловался, что подследственная ничего не ест. Катает шарики хлеба, да пьёт немного чая. Друзья обещали поговорить и повлиять.

В шестнадцать тридцать к ним запустили подследственную.

Щёки впалые, бледные, волосы обрезаны до ушей и зачёсаны назад, глаза равнодушны ко всему.

Друзья поднялись и, расставив руки, с улыбками шагнули ей на встречу.

— Стоять, — слабо произнесла Берёзкина. — Сели на место. Оба.

Друзья сели. Кира — напротив.

Это ничего. Пока всё шло по плану. К тому же объект находился явно не в лучшей своей физической форме.

— Она слабая, тормознутая, — зашептал Гусев в самое ухо Телегина, — чего тянуть, давай сразу...

— У вас две минуты.

— Почему две? — Гусев заволновался. — Мы на час договорились, заплатили этому вашему... вертухаю!

— Полторы.

Оба поняли, что через полторы минуты Кира встанет и уйдёт отсюда. И они запаниковали. Гусев стал отворачивать в кармане пиджака флакон с эфиром. Сразу запахло зубоврачебным кабинетом. Телегин понёс какую-то несусветную чушь о недопустимых нормах гигиены в местах содержания заключённых.

— Я беседовал с вашим фельдшером, этим... забыл, неважно. Он говорил, что у тебя воспалилась татуировка. На руке, на запястье... э-э... слово какое-то, будто бы нецензурное... череп или бабочка... Это правда?

Кира всё поняла и улыбнулась. Покорно засучила рукава, положила на стол перед собой руки, ладонями вверх. Телегин положил руки на её ладони и сжал запястья. Они смотрели друг другу в глаза, и в эту секунду Телегин тоже всё понял. То, что она всё знает, и они, может быть, вообще отсюда не выйдут.

Тем временем Гусев обошёл стол, встал у Кирь за спиной и вылил эфир в платок.

Продолжая спокойно улыбаться, Кира сжала запястья Телегина, развернула внутрь и внезапно ударила рукой об руку. Телегин ахнул и отпустил. В это мгновение Гусев прижал к её лицу мокрый платок. Резко выдохнув, Кира вырвала и отшвырнула платок, встала, взяла голову Гусева и, словно баскетбольный мяч, шарахнула о стену камеры.

По щербатой стене разбрзгалась и потекла кровь. Гусев, слабо цепляясь руками, начал сползать.

В это мгновение Телегин, успевший подойти сзади, набросил платок на шею Берёзкиной и затянул. Кира ударила его затылком, ещё и ещё, разбив ему рот, сломав скулу и переносицу, затем осела и ослабла.

Оба они повалились на пол.

Телегин захлёбывался от крови. Он не ощущал боли и не осознавал действительности. Он продолжал затягивать платок, лёжа на полу и не чувствуя онемевших пальцев.

Когда запах эфира выветрился и сознание к нему вернулось, он встал на ноги и крикнул охранника. Верхняя губа висела на ниточке, уцелевшие кое-где зубы придавали его лицу вид растленного черепа.

Телегин вывернул себе ухо и обмотал вокруг головы, через разбитый нос, ленту пластиря. Теперь ухо не могло защитить спрятанную под кожей капсулу. На глазах появившегося в дверях вертухая несколько раз изо всех сил ударился головой о стену. В голове со скрежетом провернулось, всё кончилось, стало тихо и покойно.

Часть четвёртая

АБСОЛЮТНАЯ ПАМЯТЬ

Глава первая КОЕ-ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ

И опять перед глазами загадочная станция метрополитена, облицованная мрамором, с колоннами и бронзовыми светильниками. Зюскевич стоит в сторонке; отвернувшись, говорит по телефону.

Я поднял закреплённый на штативе «фен-кибершлем».

Господи, что с нами происходит?

Роспись на потолке: снопы сжатого сена, колхозницы в красных косынках, новенький трактор.

В первый раз мы её изнасиловали.

Четыре гигантские, потускневшие от времени люстры.

Во второй раз убили.

Лепнина: виноградная лоза, красиво.

Я убил.

Как хорошо всё делали, красиво, надёжно.

Срочно чего-нибудь выпить.

— Зюскевич! Миня!..

Всё ещё говорит, отмахивается. Посмотреть на Берёзкину? Плевать, хуже не будет. А вдруг она ничего не знает? Ну, вроде того, что у каждого свои приключения. Ну?.. Раз-два-три — повернулся. Смотрит в зеркальце, подкрашивает губы. Гусев тоже смотрит на неё с интересом.

Встретившись с Гусевым глазами, я и он произносим одновременно:

— Выпить... — и кричим наперебой, в два голоса, Зюскевичу: — Миня, с-сука!! Водки! Водки давай!!

Не отрываясь от телефона, Миня быстро уходит в боковую дверь и через несколько минут приносит литровку «Абсолюта». Отдаёт и отходит. Холодная, из холодильника.

Мы вылезли из кресел и стали пить, передавая друг другу. Гусев окликнул Берёзкину и жестом предложил ей выпить. Едва взглянув, Кира отрицательно мотнула головой. Знает или не знает? Она до сих пор осталась для меня загадкой, полной противоречий.

Наконец Миня закончил телефонный разговор и подошёл к нам. Отобрал бутылку. Серьёзен как никогда.

— Хватит, потом...

— Курить-то можно?

— Можно... Происходит какая-то ерунда.

— Проблемы? — спросил Гусев.

— Не смертельно, но тут кое-что изменилось. То, что связано с вами. Оно не выровнялось, вы протащили сюда изменения из 84-го. С программой надо работать, исправлять баги, менять настройки...

— Я хочу третий шанс, — заявил Гусев. — Ты обещал три, остался девяносто четвёртый. У меня только-только всё закрутилось.

— Будет третий, нужен, об этом и говорю.

— А что случилось? С нами всё в порядке?

— Врать не буду: с вами всё в порядке. Ты поп-звезда. Легенда восьмидесятых и девяностых.

— Уже?.. — сказал Гусев.

— Песни пел? Вот это и сохранилось. Ты известный продюсер, владелец «Фабрики звёзд», муж Аллы Пугачёвой.

Гусев молча опустился в кресло. В этой жизни в 94-м для него вместе с молодостью закончился рок и началась работа в ресторанных оркестрах.

— А Телегин... — Миня обратился ко мне.

— Стоп, — сказал я. — Неужели «Генеральный секретарь»?..

— Я не знаю, кто там секретарь, а ты — владелец издательства «Царский переплёт». Книги на всех языках мира, номерные экземпляры... Как ты себя чувствуешь?

— Лучше. Меньше срывало. Раз или два.

— Да, я подправил. Там ерунда, на нервной почве. Можешь забыть, больше не будет беспокоить. Ни там, ни здесь.

— А ты думаешь, мы сюда вернёмся?

— Рано или поздно...

Не сговариваясь, мы повернулись к Берёзкиной. Я её убил. Почему она не реагирует? Берёзкина смотрела без ненависти и презрения. Не так, как в кино Зоя Космодемьянская. Даже чуть насмешливо.

— У неё всё по нулям, — махнул рукой Зюскевич. — Никаких изменений. Есть предположение, что тут играет роль человеческий фактор. Если сильный характер... — Миня пожал плечами и побежал к пульте.

— Слушай, писатель, — Гусев напряжённо курил, — мы ведь можем остановиться. Если я муж Пугачёвой и фабрика звёзд, а ты — «Царский переплёт», пора уже сказать «хватит». Можно всё испортить. У нас на руках по двадцать, ещё по карте — и будет перебор...

— Кира, а ты как думаешь? — голосом ангела обратился я к Берёзкиной.

— Я остаюсь, — произнесла она равнодушно.

Господи! В конце-то концов, знает она или не знает?!!

Зюскевич, снова подошёл к нам. Он всё слышал. Он встал перед нами как замполит перед солдатами. Вершинку надо взять любой ценой, она стратегически важна для пулемёта.

— Мужики, надо ещё раз, — требовательно сказал он. — Надо исправить баги. В холостом режиме ничего нельзя сделать.

— Ты исправишь, а мы потом — у разбитого корыта?

— Так ты уже заранее решил вернуться? — хитро прищурился Зюскевич.

— Нет, зачем... То есть... — Гусев растерялся. — А если посадят? А что у меня есть? Есть счёт за границей?

— Некогда выяснять. Что есть, то есть. Самое главное — позвонить. Помните, что я вам говорил? Это важно. Иначе всё накроется. Сразу, в первую минуту. Оба позвоните.

— Может, завтра продолжим?

— Сейчас.

— А что Берёзкина? — не унимался Гусев.

— Поехали, — я взял Гусева за локоть. — Садись.

— Ладно, так и быть. Проверим. Что там у нас в свободно конвертируемой. Выпить ещё можно?

— Там выпьем.

Я уже думал о Тане Овсеенко. Если я «Переплёт», не всё потеряно. Даже если она звезда и замужем.

— Теля, сейчас перескочим — и там сразу созвонимся. Надо добавить. То есть, сначала позвоним куда Миня просил. Кира, не скучай без нас.

Кира, стоящая в сторонке с сигаретой, даже не повернулась.

- Гусев! — сказал Зюскевич. — Про Пугачёву я пошутил.
 - Э! — встревожился я, — про «Переплёт» тоже пошутил?
 - Нет. Между прочим, тебя ждёт сюрприз.
 - Приятный?
 - Не то слово. Если я ничего не путаю.
 - Чего-чего?..
 - Больше ничего. Повторите номер телефона и что надо сказать. Мы вразнобой повторили.
 - Если вы этого не сделаете, я вас уничтожу. Превращу в моль, в червей, в гробовую плесень...
 - Чего-чего?..
 - Он шутит, — сказал я. — Я сам тебя уничтожу.
- Сначала Зюскевич был готов застрелиться, а теперь шутил. Возможно, это было связано с решением Кирьи остаться. Она уже с ним. Программа «максимум», ради которой, руку на отсечение, всё это затевалось, выполнена на все сто. Проблемы только в технической доводке машины времени. Не для себя, для начальства. И что-то ещё, связанное с этим звонком. То, что он от нас скрывает. Мы для него кролики.
- Миня опустил нам шлемы, сел за пульт, и, ударив по клавишам, сыграл увертюру к году 1994-му.

Глава вторая КТО-ТО ДЫШИТ РЯДОМ

Едва открыв глаза, я потянулся к телефону и честно набрал номер.

- Вера Алексеевна? Извините, это срочно. Моя фамилия Телегин... то есть, это не важно. Я повторю слово в слово то, что просили передать. Алло, вы слушаете?

- Да.
- Первое. Роман будет называться «Цыганка нагадала счастье».
- Что это значит? — спросила Вера после долгой паузы.
- Понятия не имею. Второе. Чен... По буквам...
- Не надо, я поняла.
- Чен даст полковнику сигарету. Она отравлена. Пусть курит завтра на приёме только свои. Это всё.

— Спасибо. Вы очень помогли. О нашем разговоре никто не знает.

Повесила трубку. Даже не спросила, кто я. Шпионские страсти... А вдруг теперь я слишком много знаю? Так или иначе, обещанное сделано. Но что-то в этом звонке, какая-то техническая мелочь, показалась мне странной.

Зазвонил телефон, в трубке послышался голос Гусева:

— Теля! Привет!.. Как ты, в порядке?.. Слушай, как там... номер... Ноль девяносто пять, это понятно. А дальше... чего-то вылетело. Триста двадцать три... или двести тридцать два... Кого-то разбудил, обхамили...

Я понял, что было странно. Я звонил в Москву без кода.

— Я уже позвонил, всё в порядке. Без московского кода...

— А! Ну тогда нормально. Почему без кода?

— Надо полагать, теперь мы сами живём в Москве. Деньги-то все в Москве, вспомни девяностые. Питер серый, нищий и облезлый, как дворняга.

— Ёкорный бабай... Так здесь совсем другая жизнь, скучать не придаётся.

Я кое-что вспомнил и разозлился:

— На хрена ты ей это сказал?!

— Что?..

— На хрена ты сказал Берёзкиной «не скучай без нас»!!

— А что...?

— Ты дурак или прикидываешься?! В первый раз мы её насилием, во второй убиваем, а потом ты ей говоришь «детка, не скучай без нас».

— Кажется, я не говорил «детка». А разве её убили? Ты что, убил её? Тогда, в камере?

О Господи, какой ужас, что он говорит, что происходит.

— Да, убил. Случайно. Из-за этого твоего пятновыводителя... эфира.

Отключился, а руки онемели...

— Ничего, не переживай, с ней всё в порядке. Она бодра, весела. Скоро выйдет замуж за Зюскевича. Если бы я знал, что ты её убил, не сказал бы «детка, не скучай без нас». Действительно, это звучит уже как-то двусмысленно.

— «Убил, убил!..» Хватит повторять. С ней всё в порядке. Ты же видел...

— Замётано, никто никого не убивал. А где она сама, между прочим? Образец 1994 года? Почему не день рождения? Я в постели и трезвый. А ты?

— Я тоже. Позвони ей, узнай, что и как. Выбирай слова. Та, что здесь, не должна ничего знать.

— Теля! (Цык-цык.) У меня зуб вставной... Чего знать?

— Ей тридцать четыре. Одна жизнь и просто тридцать четыре. Не это наше... колесо сансары.

— А! Понял. Чего колесо?.. В смысле, она не знает, что потом мы её изнасиловали и не убили... Ну, понятно. Это всё упрощает. Сейчас найду номер и позвоню. Кстати, я тут листаю записную книжку... много интересного. Похоже, что ты женат. Помнишь, Миня говорил про какой-то сюрприз?

Я быстро обернулся и включил левый светильник над кроватью.

Кто-то худенький, накрывшись с головой под одеялом, ровно дышал рядом. Я осторожно приоткрыл ему лицо и перегнулся, держась за спинку кровати.

На моей кровати, по-домашнему одетая в пижаму, спала Таня Овсеенко. Забыв про всё остальное и дрожа от волнения, я медленно потянул за край одеяла. Девушка шевельнулась и открыла глаза. Я поцеловал её, потом ещё и ещё...

Глава третья НОВЫЙ РАСКЛАД

В ближайшие дни я и Гусев аккуратно, чтобы не показаться сумасшедшими, собирали сведения о самих себе и вспоминали. Словно на погружённых в проявитель листах бумаги, в памяти проявлялись картинки ещё одной жизни, лучшей, глянцевой, прожитой именно так, как хотелось. Странным образом, нас это не особенно радовало. Было ощущение украшенного, смухлёванного, жульнического счастья.

В это же время у меня был медовый месяц. Я был женат около десяти лет, и, по убеждению моей жены Тани, пора было угомониться. Не тут-то было. Каждую удобную минуту я валил красотку на кровать, и кровать ходила под нами ходуном.

Гусев женат не был. «Фабрикой звёзд» он лично не занимался, для него это было мелко. Десятки или сотни красоток — певших, открывавших рот, вертевших попой, улыбавшихся или подтанцовывающих — полностью зависели от него и ловили в его глазах малейшую прихоть. Он выбирал их, развалившись в кресле с сигареткой на так называемых кастингах. Этот крокодил, этот похотливый карабас-барабас, специализировался на продюсировании девичьих коллективов. Таких как «Белки», «Стрелки», «Киски», «Ириски», «Мираж», «Ниагара», «Виагра», «Парфюм», «Комбнация», «Девочки», «Целочки», «Блестящие», «Поющие», «Танцующие», «Шиншиллы», «Бегемотики»... и ещё чёрта в ступе. (За точность названий не ручаюсь.) Когда он лез в джакузи, и ему туда напускали этих самых «бегемотов», вместе с плавающими игрушками, он пил шампанское и думал о карте ужина. Он уже не знал, чего ещё можно хотеть, и это становилось его проблемой.

Звукозаписывающая фирма, которой он владел, называлась «Золотой Гусь». Кроме того, он состоял в совете директоров двух музыкальных телеканалов, имея по пятнадцать процентов их акций. Его бывший импресарио, Гоша Кварцхава, стал медиамагнатом. Они остались друзьями и согласованными действиями на медиа-рынках наживали большие капиталы.

Кира Берёзкина, как выяснилось, находилась в Выборге, в пластической клинике доктора Борга. Мы пообещали навестить её, как только разберёмся с делами.

Состояние моих дел было неплохим — на первый взгляд и со стороны. Тот, кто сочинял в молодости идиотские танцевальные шлягеры, вполне естественным образом плавно переходит на продюсерскую работу с другими, пришедшими ему на смену, молодыми идиотами. У него всё в порядке. Совсем другое — тот, кто написал в молодости хотя бы одну заметную книгу. Всю оставшуюся жизнь, до тряпички, изнеможения и последнего вздоха, от него требуют ещё одну, новую, такую же хорошую, ещё лучше...

Существует мнение, что каждый человек может написать одну книгу. Нужно только собрать всё, что сам видел, слышал и чувствовал, а затем грамотно просеять и разложить по строчкам. Другими словами, ты

можешь написать одну книгу о самом себе. Но! Сочинение ещё одной, третьей и четвёртой, уже потребует от вас контакта с некой музой, подключения к секретному каналу, который включается и отключается самоизвестно, наугад, часто не вовремя, ещё чаще совсем не к тем людям, к которым того заслуживают.

Я никогда не был подключён ни к каком каналу. Я просто обладал феноменальной памятью на когда-то прочитанное, увиденное и услышанное. И я однажды грамотно поработал со своим «архивом», состряпав «Генерального секретаря». Вот уже десять лет от меня ждали новой книги. Какого-нибудь очередного «Петра Великого» или русскую «Династию», зашуршанную на современном местном колорите. В своём компьютере (300 мб HDD), я обнаружил десяток интервью со мной. Как уж на сковородке, я уворачивался от этой неприятной мне темы, уводя разговор в сторону или кивая на других великих, но столь же непродуктивных писателей.

Я не хотел писать книг, я не умел, мне не дано было это делать. Стряпать многостраничные компиляции из прочитанного, увиденного и услышанного? Портить тонны бумаги на массовое чтиво для недоумков? Но это было мне вообще ни к чему, я нуждался ни в известности, ни в дополнительном заработке.

И всё-таки необходимо бросить им кость — ради уверенности в себе, веса и куража в обществе. Я должен стать интересным и для высоколобых эстетов, и для читателей, и для жёлтых репортёров. Выдать нечто экстравагантное, вызывающее, способное щекотать тайные низменные уголки подсознания, взрывное, изящное и безупречное.

Нечто такое, широко известное позднее, во всех отношениях сомнительное, лично мне неприятное, но способное привлечь внимание публики, уже вертелось в моей абсолютной памяти...

Глава четвёртая МОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Засигналил будильник. Владимир Сорокин нащупал «off», поднял голову и огляделся. Солнце уже выглянуло из-за крыш, и его лучи заиграли на стекле сосудов, расставленных на стеллажах. В банках, мензурках и аквариумах заспиртованы прелести, выкупленные в разное время у

больничных медсестёр и уборщиц. «Воскресенье...» — подумал Владимир и улыбнулся.

Обычно он ложился спать под утро, а просыпался не раньше полу дня. Но сегодня, как и во все другие воскресенья, ему предстояло нечто особенное и восхитительное, при одной только мысли о чём приятно захватывало дух. «Я поведу тебя в музей, сказала мне сестра»...

Одежда была приготовлена: нелепо скроенный ещё в восьмиде сятых коричневый плащ, спортивные брюки и серая лыжная шапочка. Владимир надел это поверх тонкого, изысканного белья, обулся в белые китайские кроссовки, взял портфель и вышел.

Осеннняя свежесть заставила трепетные ноздри зашевелиться, хрустнула под ногой тоненько остекленелая лужица, запах прелой листвы окатил воспоминаниями о детстве. Москва ещё не проснулась; воздух на столько чист, что отсюда, из Лужников, отчётливо виден Кремль.

Несколько остановок на метро, несколько минут пешком, и вот он на Центральном рынке, столь же ещё статичном и безлюдном, как и весь город.

В мясных рядах неопрятная тётка с косым глазом выкладывает на прилавок кабанью голову. Будто не специально, походя разглядывая другое мясо, Владимир к ней неторопливо приближается.

— Есть? — говорит он чуть слышно.

— Сколько надо?

— Полтора.

Тётка берёт полиэтиленовый пакет, наклоняется и достаёт из-под прилавка мясо. Кладёт на весы.

— Кило семьсот.

Владимир кивает и протягивает зажатые в кулаке пятьдесят условленных единиц. Тётка быстро прячет, зыркая по сторонам, отсчитывает рублёвую сдачу. Владимир прячет пакет в портфель и отходит. Попутно, в овощных рядах, покупает свежие огурцы, помидоры, листья салата и зелень. Теперь обратно, домой, домой, скорей домой...

У метро он встречает ещё одного постоянного покупателя, с которым здоровается. Вместо «здравствуйте» они говорят друг другу «приятного аппетита».

Придя домой, Владимир тщательно обмыл мясо и положил его на полотенце сушиться. Обрезал корку с половинки чёрствого батона, разрезал на две части, замочил в молоке. Очистил пять крупных луковиц, ловко нарезал острейшим ножом в крошку. Окропил лук сухим белым вином, присыпал солью и чёрным перцем, перемешал.

Отжал булку, вымыл и вытер руки. Перемешал лук.

Нарезал мясо, пропустил через мясорубку, чередуя с булкой — дабы ни единой капли драгоценного мясного сока не вытекло на сковородку во время жарки.

Добавил лук и отбил массу в тазике, тщательно замешивая, приподнимая и ударяя о дно, минут семь-десять.

Вымыл стол. Загребая горстью с ладони, набросал на одну половину стола комочки фарша, каждый величиною с кулак.

Вымыл и вытер руки.

Насыпал на другой половине стола молотых сухарей, взял широкий нож и ловко сформировал полтора десятка котлет вытянутой каплевидной формы.

Нагрел широкую сковороду, щедро полил рафинированным маслом, уложил котлеты плотно, внахлест.

Как только бока зазолотились, перевернул. Теперь они все легли точно по размеру. Ещё несколько минут.

Котлеты округлились, на верхушках появились капли белой пены — верный признак готовности.

Владимир переложил котлеты на кузнецковское блюдо и поставил в слегка подогретую духовку.

Мигом настругал уже вымытых и обсущенных овощей.

Принял душ.

Побрился, избегая парфюмерии, причесался, завернулся в халат, прилёг минут на десять.

Теперь можно.

Владимир окружил котлеты на блюде нарезанными овощами, с одного боку ложку горчицы, с другого — ложку аджики. Принёс блюдо в комнату, включил Баха. Сел за стол и взял в руки вилку. Надломил ребром хрустящую корочку и отправил в рот ровно половину. Наколол на вилку кружок огурца. Прикрыл глаза.

Съев девять штук, Владимир прилёг и вскоре задремал. А проснулся часа через четыре. Он попил минеральной, снова сел за стол и доел всё, что было на блюде. Теперь, когда остыло, он ел с аджикой и горчицей.

Снова прилёг, включил телевизор. Полежал, подремал, проснулся. Ощупал растущий на животе прыщ. О! Это уже был не прыщ... Владимир вскочил с кровати и бросился в ванную. Отлепил и потянул за уголок квадратик пластиря. О! Это уже был не очень большой, но хорошо вызревший фурункул – красный, тугой, с белым кружочком на вершине. Как он прекрасен. Почему всё прекрасное создано для уничтожения? Почему именно сегодня?.. Не много ли удовольствий для одного осеннего дня? Но нет, медлить нельзя. Владимир отрезал кусок бинта, присел на край ванны, хорошенко обхватил фурункул пальцами обеих рук у основания, помедлил минуту и... надавил изо всех сил.

Вскрикнул.

В то же мгновение белый упругий сгусток выскользнул из плоти и с тоненьким отчаянным писком забился в сетях марли. Из дырочки на животе потекла кровь, затем прозрачная жидкость. Владимир прижал ранку свежим бинтом, выбросил марлю с отвратительной писклёй в форточку и откинулся на кровать в изнеможении. О-о...

Потом, очнувшись, ощупал другой квадратик, находившийся на животе тут же, неподалёку. Ему была неделя, но он был ещё совершенно гладкий. Владимир отклеил пластирь и убедился, что ранка полностью зажила. Такое бывало, ничего страшного.

Он взял булавку и, произнеся «ах» уколол себя в живот. Прошёл в туалет и провёл пальцем по низу фановой трубы, где собиралась грязь из пыли и конденсата. Старательно втёр грязь в ранку. Ваткой с одеколоном обезжирил кожу вокруг и плотно заклеил пластирем. Всё будет в порядке.

Вечером, перед сном, он взял тетрадку с ручкой и отправился в туалет. Сосредоточенно покакал, внимательно прислушиваясь к своим ощущениям и делая пометки в тетради. Наклонился над унитазом осмотрел кал, понюхал его, записал. Отрезал от рулона кусок тончайшей полиэтиленовой плёнки, накрыл кал, склонился и, возбуждённо пуская слюну облизал весь его рельеф языком. Записал. Смыл кал.

Отправился в ванную, тщательно подмылся и надушился.

Глава пятая СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАПАСЫ

Месяца через полтора, в середине апреля 1994-го, Александр Телегин, в смысле, я, дал загадочное интервью «Известиям», в котором намекал на своё скорое возвращение в большую литературу. Я намекнул, что это возвращение, учитывая необычный характер моих новых текстов, будет для многих шокирующим и даже неприятным. Но пусть кто-нибудь даст определение литературе «высокой» и «низкой». Читайте и судите.

Литературная общественность затаила дыхание.

Я записал «Лёд» и рассказы. В двухтысячном рассказы выходили отдельной книжкой «Пир», но я, для полноты, объединил всё в одной. Получилось не так много, страниц триста. Не «Генеральный секретарь». Я решил начать с последней прочитанной мною книги Сорокина, чтобы идти по нарастающей — от последних самоповторов к самой зрелой и сильной, на мой взгляд, «Тридцатой любви Маринь».

Всё когда-либо прочитанное я помнил от первой до последней строчки. Но я не знал библиографий. Я не был уверен, что «Марина» вышла после 1994-го. Даже если она вышла позже, она могла быть написана ещё в 80-х. Так же как «Сердца четырёх» и многие другие. За «Лёд» и «Голубое сало» я был спокоен, остальное было желательно прояснить. Чтобы не возникло неприятного взаимоисключающего конфликта.

Два первых романа Сорокина я намеревался проложить буфером из Пелевина. Его я тоже недолюбливал. Нравились только «Цифры», поскольку сам был немного сдвинут на нумерологии. В «Чапаеве» раздражали философствования на уровне детского сада, которые автор стыдливо перекладывал в уста уголовных идиотов. В «Дженирейшне» — тягомотные куски с костонедовщиной. Там, где писатель думает, рождается фальшь. Там, где не думает совсем — скука. Я собирался всё это вырезать и поставить обе вещи как две небольшие повести под одной обложкой. Таким образом, «Лёд» должен был взболотить литературную общественность, заставить обо мне спорить; «Чапаев-Дженирейшн» — успокоить и насмешить; «Голубое сало» — создать мне репутацию смелого, талантливого экспериментатора.

«Цифры» и «Оборотня» я придерживал про запас, на будущее... которого не будет. Предчувствие, подсказывало мне что всё опять закончится значительно быстрее, чем мечтается.

Тексты, украшенные у Сорокина, по моим расчётам, должны были ошараширить и привлечь внимание, Пелевинские — умаслить, развеселить, расслабить. Я не любил ни того, ни другого, мне нравилось читать совершенно другие книги. Но те, другие, не могли сделать меня литературной поп-звездой. Выдавать их за свои у меня бы не поднималась рука. К тому же те были написаны раньше 1994-го...

Итак, на первых порах меня ждали тиражи, лавры, костры, унитазы, воспевания и проклятия на родине.

Это не всё. В строжайшей секретности я готовил бомбу. Я набирал текст первых трёх романов о Гарри Поттере. Я ненавидел эти книги, я находил их непроходимо скучными и вредными. Однако в своё время прочитал их от корки до корки, — за тем, чтобы написать рецензию в «Трудовой смене». (В статье были такие выражения: «величайшая победа сатаны со времён костров инквизиции» и в семи местах — «непролазная скука»; сама статья называлась «ЛЮЦИФЕР ОКАЗАЛСЯ ГРАФОМАНОМ. НО НЕВЕРОЯТНО УСПЕШНЫМ КНИГОПРОДАВЦЕМ».) Материал был разбит на две-надцать заголовков, потянул на целый разворот и вызвала море противоречивых откликов.

Я намеревался разослать рукописи первых трёх книг нескольким сотням наиболее влиятельных литературных агентов Европы и Америки, предложив им на выгодных условиях оставить на время все другие проекты.

Ради осуществления этой ненужной мне авантюры я пошёл на преступление против человечества. Вместо того, чтобы заплатить хорошие деньги Джоан Роллинг и заказать ей десяток дамских или полицейских романов, я решил сам посечь ересь в умах младенцев. Мне не было жалко этот мир, в глубине души я воспринимал его как игровую стратегию и играл на его разрушение.

Не желая марать руки о клавиатуру, я скороговоркой наговаривал тексты Роулинг на диктофон — в ванной, в машине, на прогулке и на унитазе. Болванки с трэз файлами были готовы через месяц. Двадцать машинисток набрали по сотне страниц с моего голоса. Потом я разослал зипы литературным агентам. Я предлагал двадцать процентов и чек с щедрой оплатой срочной внеочередной работы. Все согласились. Мир скучился в ожидании начала моей сатанинско-графоманской рекламной кампании.

Глава шестая ЛЮБОВЬ

Я уже упоминал о моём нежданном «медовом месяце»? Вообразите молодого журналиста середины восьмидесятых, этакого Пигмалиона, у которого перед глазами на работе висит постер. В лучах цветных прожекторов на него уверенно и нагло смотрят четыре взъерошенные красотки. Так себе, размалёванные и припанкованные в стиле того времени. Ничего особенного, попсня. Но кто бы знал!.. Одна из этих девиц была кумиром, идолом красоты, предметом тайных желаний молодого человека. В её глазах он видел грусть и немой вопрос: где ты, почему ты здесь, а не со мной, мой любимый, единственный?.. Мне так мало нужно для моего маленького женского счастья! Найди меня, оживи меня, сделай меня счастливой!..

Я здесь! Я тоже ищу тебя! Я в Ленинграде, в редакции «Трудовой смены»! Я всё, буквально всё сделаю! — мысленно воскликнул Телегин. — Я! Я твой единственный, богом данный на всю твою жизнь избранник! Воплотись наяву! Удостой меня своей любви!...

И чудо случилось. Десять лет спустя Галатея сошла с постера и в одночасье сделалась его, то есть, моей законной супругой. На всю жизнь, счастливую и долгую, и после.

Утолив первую волну страсти, я попытался узнать свою жену ближе. Обалдевшая от внезапно пронёшегося урагана, Таня смотрела на меня с недоверием. Хотя, конечно, ей было приятно. Она улыбалась, отбивалась и называла меня сумасшедшим. А я ничего не мог ей объяснить.

По первому впечатлению она была не вредная. Руку даю на отсечение, что за десять лет она мне ни разу не изменила. У неё был какой-то прочный внутренний кодекс; она могла расплакаться, увидев несправедливость. Любила ли она меня? Не знаю. Не уверен. Откуда мне знать? Меня любила только Ниночка, которую я предал.

Навещая в Питере своих родных, мы с Гусевым всё-таки съездили в клинику доктора Борга. Кира к нам вышла, и мы немного выпили на

жёлтой прошлогодней травке, в окружении сосен, гигантских камней и подтаявших сугробов.

Она ничего не знала ни про 74-й, ни про 84-й, потому что та Берёзкина, которая всё знала, осталась в метро. А эта по-прежнему была нам подругой. Гусеву — ещё и любовницей. Если бы я не мешал, они бы и здесь нашли уголок для стремительного разврата. Я упорно и шизофренически ревновал и тихо злорадствовал. Она не заметила в нас перемен; мы делали вид, будто ничего не переменилось. Эта Кира Берёзкина жила как жила, плавно, словно гусеница двигаясь по своей бороздке винта вверх и вверх, с каждым новым разводом надеясь на новое удачное замужество. Для того, чтобы она стала собой, чтобы она раскинула свои огромные прекрасные крылья, надо было встряхнуть её хорошенъко. Так, чтобы сердце наружу и кровь из носа...

Глава седьмая ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ПЛЕСЕНИ

— Тебе надо жениться на Пугачёвой.

— Что?! — Гусев поперхнулся.

Кварцхава и Гусев ужинали в «Норде» после трудного дня. У Георгия Семёновича, на его телеканале «Кварц ТВ», снимали клип новой группы «Блёстки». Девочки, изображавшие лесбиянок, круто поднимались в хит-парадах, благодаря двум попавшим в резонанс шлягерам.

— Что такое? Ты что сказал? На Пугачёвой? Или у меня в ушах звенит после этих... блестящих. Гоша, ну согласись, круто. Вопят, будто конец света. Знаешь, как «блёстка» по английски?

— Погоди, Витёк, давай выпьем, — Гоша налил водку. — Я уж поговорил с Эрнстом. Пугачёва достала. Надо делать «Рождественские встречи с Виктором Гусевым».

Гусев взял свою рюмку и проглотил водку.

— Хоть бы чокнулся... Витёк, короче, у тебя сложился хороший имидж. Типа Карабас Барабас. С твоим именем у телезрителя ассоциируется все эти девичьи ансамбли — молодость, свежесть, эротика, умеренный налёт скандальности. И, что важно, всё на отечественном

материале. Пугачёва и вся советская плесень осела там как навсегда. Надо сделать тихий бескровный переворот.

— Гоша, ты умеешь уговаривать, но сейчас ты чего-то не то сказал. Плесень. Как я могу после этого на ней жениться?

— Ладно, ладно, не лови на слове. Витёк, понимаешь, Эрнст не хочет делать революцию. Он боится просто взять и прогнать старых пердунов с эстрады. Его за это убьют. Первое правило торговли: покупатель должен захотеть товар. Пугачёва должна сама захотеть передать тебе власть. А для начала ей нужно захотеть тебя.

— Вообще-то может и не передать.

— Вставь ей так, чтобы передала. Чтобы захотелось большого женского счастья. Чтоб больше не тянуло на организационные хлопоты. Обрюхатишь глупую бабу и подомнёшь под себя весь бизнес.

— Я, может, так и не сумею.

— Что?.. Кто это говорит? Половина твоих артистов в декрете. Ты похотливый шакал, вот ты кто. И ты говоришь, что не сможешь удовлетворить женщину в возрасте?

— Погоди, не шуми. Давай выпьем. За тебя.

— Нет за тебя. Вот так. Закуси. Хочешь сигару? Как на Кубе первый раз закурил, так и курю. Когда начинал, сигара здесь стоила шестьдесят копеек. А теперь — как бутылка водки. Хорошей водки.

— Почему ты думаешь, что я в её вкусе? У меня репутация... не очень хорошая.

— Для бальзаковской женщины лучше нет. Твоя репутация для бальзаковской женщины как наркотик. Они буквально теряют голову и бегут к человеку с репутацией бабника как алчущая лань бежит к водопою.

— В этом что-то есть.

— Чувствуешь, какой запах? Доставляют в специальном ящике, где нужная сухость... влажность... Тамошний воздух. Когда я его открываю, мне становится дурно от счастья.

— Как тебя легко... обрадовать. А меня уже как-то ничего особенно не радует. Надоело.

— Когда тебе надоело, молодой ещё.

— А вот, за эти полгода надоело.

— За полгода? Да нет, ты просто жару не любишь, лето не любишь. А я люблю когда солнце, жарко. Ты не любишь, ты вырос в Петербурге, на севере, на болоте. Давай ещё...

- Спаиваешь... Дай-дай лимончик...
- Витёк. Короче, такое дело, что всё в твоих руках. Как у Варум.
- Старая песня.
- А ты хоть раз пожалел? Хоть раз я тебе неправильно советовал? Скажи, а?.. Я сам капитал нажил, авторитет нажил, тебе помогу. Умным советом, связями, деньгами — всегда помогу другу. Ты меня нанял в свою группу, когда я был на грани отчаяния. А теперь я тебе помогу стать олигархом эстрады. Будут говорить не «муж Пугачёвой» а «жена Гусева». Слово даю, так будет.
- Не западёт, не западёт она на меня. На тебя западёт.
- Зачем мне?! У меня всё есть. Тебе надо.
- Такой женщине нужен крутой и с деньгами. Какой-нибудь краевец-чечен с капиталом, с недвижимостью, с братками.
- Ничего подобного, Витёк! То есть, это всё ты правильно сказал. Но его нет. Такого, как ты сказал. А такой, как я сказал, вот он, мой друг, рядом сидит! Я тебя вытащу, своим партнёром сделаю. Мы такую мафию закрутим, что всё — телевидение, радио — всё будет наше.
- Как-то ты меня озадачил. Ну, даже если нас познакомят, даже если выпьем и поедем ко мне, или к ней... Без желания, без похоти, как на экзамене... А если у неё десять мужиков в шкафу и ещё десять под кроватью. Я же обыкновенный, среднестасисти... среднестасиши...
- Дело не в этом. По моим сведениям, Алла Борисовна без особых претензий. Обычная тёлка. Я тебе один секрет скажу. Когда поедете к ней... или к тебе, ты думай так, что снял по пьяне обыкновенную мочалку. Или проститутку. Что она никто. Просто секс для разврата и никаких задних мыслей. Просто секс.
- Просто... да не просто. А ради чего вообще?
- Ну, всё с начала. Как целка ломаешься, извини, Витёк, ради бога. Ну, пора взросльеть уже. Тебе не надоело нянчиться с этими твоими куклами? В куклы играть не надоело? Серьёзным делом займись.
- Вообще-то Гусеву надоело. Хотя прошло меньше полугода. Его судьба в третьем путешествии оказалась удачной. Пять лет славы короля музыки поп, пять лет успешной продюсерской работы. Десять миллионов долларов капитала, ни разу не женат. Слава легковесная, но приятная. Ему всего хватает. Но если Гога считает, что этого мало... Гога для него авторитет. Он всегда прав и он доказал свою жизнеспособность на примере

собственной карьеры. Гусев ломался для разговора и ещё немногого боялся Аллы Пугачёвой. Живьём он её видел только пьяный.

— А хочешь, скажу то, что тебе сразу понравится? — подмигнул Кварцхава. — А, хочешь скажу?

— Ну?..

— Она тебе улыбалась.

— Когда?

— На дне рождения у Паулуса. Я видел. Ты, может, и не видел, а я всё вижу. Я тебе слово даю, клянусь, она на тебя глаз положила. Если бы ты с ней заговорил, она бы с тебя не слезла.

«Если даже врёт, — подумал Гусев, — Надо попробовать. Надо цепнуть то, что есть такой друг, который думает вместо тебя».

— Когда сватать будешь?

— Молодец. Мужской разговор. Официант! Шампанское неси! На той неделе у Телегина презентация новой книги. Будет много репортёров, телевидение. Если он сам пригласит, она придёт. Он становится модным, а ей надо бывать в тусовках, попадать в кадр. Если артист исчезает из поля зрения, о нём забывают или начинают писать гадости. На Телегина она придёт.

Глава восьмая ЛИТЕРАТУРНЫЙ БЛИЦКРИГ

В конце мая вышла моя первая сорокинская книжка. Её ждали, её заметили, о ней заговорили. Прогрессивный критик Вячеслав Курицын назвал «Лёд» гениальным симулякром истинной картины мира, а Телегина «восставшим мертвецом, который теперь живее всех живых». Бенедикт Сорнов, критик старой школы, обозвал текст туманной ахинеей и выразил сомнение в том, что автор сам понимает значение своих собственных строк.

О книге заговорили, её начали покупать. Первый десятитысячный тираж разошёлся за один месяц. Пятидесятитысячная допечатка не залёживалась на складах, предполагалось, что её раскупят за лето. Модного писателя берут не потому, что его приятно читать, а для того, чтобы при случае оказаться способным поддержать разговор.

Когда в феврале-марте я всё вспомнил, обнаружилось много полезных знакомств. Коллеги — директора издательств, с которыми я пьянился на дачах и презентациях, — узнали о моей долгожданной новой рукописи и стали наперебой предлагать свои издательские услуги. Я выбрал московский «Феникс», название которого показалось мне символическим для моего писательского возрождения из пепла. К тому же мы были на короткой ноге с его владельцем. В первую неделю после тиража мы инспирировали акции скинхедов по сжиганию «Льда» (под видом «Льда» сжигали непроданный тираж стихов). Жгли не в пустоту, а на камеры съёмочных групп телевидения. Сотней экземпляров оригинала пришлось пожертвовать для крупных планов. Вечером того же дня сюжет обошёл новостные передачи многих российских и некоторых зарубежных телеканалов. В магазинах за моими книгами стали выстраиваться незнакомые юному поколению очереди.

В августе, к выходу «Чапаева и Пустоты» мы планировали молниеносное, в стиле грингипсовских акций (возможно, их же силами), сооружение гигантского пенопластового унитаза на Красной площади и утопление в нём «Чапаева» негодящими национал-большевиками.

Фрагмент новой книги вышел в июльском «Новом мире». Там же появились две рецензии: ругательная от Вячеслава Курицына и хвалебная — от Бенедикта Сорнова. На начало августа мы запланировали выход стотысячного тиража.

По просьбе Гусева, который тоже весьма успешно продвигался в своём направлении, я лично пригласил на презентацию Аллу Пугачёву. Я поговорил с ней по телефону, и она сказала, что на её ночном столике лежит моя нашумевшая книга. Дочка позаботилась, чтобы мама тоже получила порцию отрицательных эмоций. «Теперь придётся прочитать. Если не понравится, приду и дам тортом по морде», — пошутила она.

Она разговаривала со мной как с равным; видимо, я перешагнул какой-то определённый уровень популярности, и мы в своём кругу могли материть друг друга, ничуть не напрягаясь.

К этому времени моя жена Таня была на шестом месяце беременности. Тогда, на пороге весны, впервые обнаружив её в своей постели, я снова почувствовал себя подростком на пике гиперсексуальности. Все мои юношеские мечты и фантазии, основанные на изображении постера,

висевшего на старой работе в редакции, нескончаемым праздничным фейерверком ударили в небо. И не только в небо, как я благополучно сумел убедиться ровно через девять месяцев.

Для презентации книги арендовали банкетный зал Дома актёров. Одна за другой к подъезду подкатывали мёрсы и BMW представительского класса, оттуда выходили разряженные богачи, шишки всех мастей, а также властители дум, грёз и низменных инстинктов (к последним я причислял, например, Гусева). Пугачёва, первая московская барыня, приехала в лимузине. Голова у меня шла кругом, я хотел скорее напиться, чтобы не замечать камер и репортёров. Творческий человек, в отличие от политика или чиновника, может позволить себе дурачиться на публике. Инженеру человеческих душ не зазорно быть выпивши. Писатель трезвенник вызывает недоверие и подозрение, что всё написано не от души, а по расчёту.

Гусев и Пугачёва сидели за бутылкой хорошей водки и, хитро улыбаясь друг другу, неспешно разговаривали. Я понял, что Гусев кадрит Пугачёву. Это, конечно, была с его стороны наглость. С другой стороны, я ещё не воспринимал его как знаменитость. Я придвинул стул и сел без церемоний.

— А! Писатель! Я прочитала, — Алла протянула руку. — Порадовал. Смешно. Честно, не ожидала.

— Спасибо. Можно с вами выпить?

Гусев налил, и мы чокнулись.

— За тебя, — сказала Пугачёва.

Сказала так, будто я сам ещё не понимаю всех приятных последствий моего открывшегося таланта. А она в этом деле уже собаку съела.

— А где жена? — спросил Гусев.

— Она не пьёт. И вообще... ей лучше побывать в спокойной обстановке.

— В смысле... С каких это пор?

— Ты не понял! — сказала Пугачёва.

— А-а... — сказал Гусев и, покачивая головой, налил по полной. — Тогда ещё раз за писателя... производителя.

В разгар вечеринки эти двое тихонько смылись.

Глава девятая ИМПОТЕНЦИЯ

Ехали в случайном такси, инкогнито. Алла обмахивалась шляпой, пряча лицо от шофёра. Гусев то и дело отворачивал пробку коньячной бутылки и делал хороший глоток. Его слегка трясло от волнения: он ещё не настолько свыкся со своим собственным звёздным статусом, чтобы просто поиметь Аллу Пугачёву. Он курил одну за другой, выдувая дым в приспущенное окно. Ехали к Алле в пустую городскую квартиру. Вот её улица, двор, парадная...

— Будут приставать малолетки, — прошептала Алла, наклонившись к Гусеву, — не обращай внимания, проходи мимо. Если появится высокий парень, брюнет такой с хаером, бей в морду, он драться не будет.

Гусев кивнул и протянул деньги шофёру.

— Та не надо, — сказал вдруг тот, обернувшись. — Для Аллы Борисовны завсегда даром.

Пугачёва взяла деньги, вынула из сумки фломастер и размашисто расписалась на купюре.

— Так возьмёшь?

— Возьму. В рамку поставлю. Здоровьица вам, Алла Борисовна!..

Едва вышли, с визгом набросились фанатки. Гусев, как договорились, пошёл мимо будто сам по себе. Волосатый парень не появился. Алла пробивалась к парадной с боем. Наконец у них за спинами щёлкнул кошковый замок, стало тихо. Поднялись на лифте, вошли в квартиру.

Просторные комнаты, соединённые арочными проходами, заканчивались видневшейся где-то далеко огромной кроватью-сексодромом, покрытой алым сверкающим шёлком. Вид этого сексолдрома не вызвал в Гусеве прилива энтузиазма. Если бы дело было в общаге или на природе, без помпы, похоть давно владела бы всем его существом. Любые специальные приготовления, вроде свечей и накрытого стола, только отбивают желание. Он слишком хотел того, чтобы желание пришло к нему, поэтому оно не приходило. Всё равно как заплакать или засмеяться по заказу...

Алла вышла откуда-то в коротком халате. В животе у Гусева забурчало.

— А что за высокий парень?

— Филя?.. Киркоров, работал у меня в подлевке. Псих ненормальный. Его уже и били, и брили, и в ментовку сдавали. Он на учёте, ему всё по барабану. — Алла приблизилась вплотную и понизила голос. — Короче, композитор. Ты приставать хотел? Давай, приставай, пока я пьяная. А то передумаю. Только в ванной ополоснись. Желательно весь.

Гусев нашёл ванную, вынул бутылку, винтом допил содержимое. Разделялся, ополоснулся под душем, обвязал бёдра пухистым полотенцем.

Интимная подсветка, мягкий мужской вокал в аргентинских ритмах. Под прицелом взгляда и тонкой улыбки скинул полотенце и юркнул под одеяло. Голая. Значит, не «Скрытая камера». Чего только в пьяную голову не залетит.

— Давай-давай-давай... — зашептала Алла. — На ночь я тебя не оставлю. Утром может заявиться Кристинка. Надо высаться, завтра сольный в «России».

— А можно музыку... Другую. С женским вокалом.

Алла переключила трек на Сару Брайтман. Более женского не существует.

Гусев повернулся, наработанным движением обнял, погладил, слился в поцелуе. Обычно в эти секунды у него начиналась эрекция.

Ничего подобного. Как, в принципе, и предполагалось. Пульс колоколом ударил в голову, жар заставил вспотеть. Почему им не дано испытать этого стыда? Какая несправедливость!..

Научившись не обманывать себя в сомнительных ситуациях, Гусев понял, что эрекции сегодня не будет. Паника и попытки её вызвать только ухудшат положение. Её рука... Не дать понять, не дать коснуться.

— Погоди... Я забыл. Взять это самое... Я сейчас, я быстро...

Выскользнул, торопливо вышел на кухню. Прикурил, положил горящую спичку в бумажный мусор. Геростратовой славы он не ищет, но слава импотента звезде поп совершенно ни к чему. Едва мусор в пластиковом ведре разгорелся, вернулся в опочивальню.

— Не кури, выброси в окно.

Бросил. Сел на кровать, погладил.

— Что это?..

— Где?

— Дымом пахнет.

— Разве?

Алла вскочила и набросила халатик.

— Дымом пахнет!

— Да, действительно... Наверное, с улицы. Подожгли помойку.

— Какая помойка... Только что долбанный евроремонт сделали на миллион баксов.

Через несколько секунд с кухни донёсся её крик, ругань и шум воды, набираемой в тазик.

Гусев потянулся к телефону и набрал «ноль-один».

— Пожалуйста выезжайте. Да. Пожар. Квартира Аллы Пугачёвой. Записывайте. Какие шутки с её телефона. Хорошо, как можно быстрее.

Одесся, вышел на кухню. Сгорела часть мусора, ведро обгорело и оплавилось.

— Слушай, Гусев, — сказал Алла недружелюбно. — Ты парень, конечно, интересный и всё такое. Но ты — идиот.

Она держала в руке бокал; на холодильнике — бутылка вермута и бутылка «Смирновской».

— Зачем одесся?

— На всякий случай. Тушить. Так я пошёл вон?..

— Куда пошёл! — Пугачёва дёрнула повернувшегося Гусева за ремень брюк. — Будешь прощения просить.

Выпив остатки коктейля, Алла повела себя круто. Она припечатала ухажёра к стене и, садистски глядя ему в глаза, стащила с него штаны. Халатик распахнулся. Она обхватила его голову и поцеловала. Их языки снова устремились навстречу. Гусев одной рукой обнял женщину за талию, другой схватился за своё беспомощное достоинство. Тут его руку накрыла её рука и требовательно отстранила. Тряпочная пипетка позорно смялась женскими пальцами.

— Я тебя не возбуждаю? — прошептала Пугачёва и залезла языком в самое его ухо.

— Да... Нет...

— Ты что, импотент?

— Нет!

— Тогда пошёл вон.

Пугачёва внезапно ударила его головой о стену.

— Погоди, я не понял. «Пошёл вон» потому что не импотент?..

Алла толкнула его к выходу, и он, запутавшись в спущенных штаних, беспомощно запрыгал.

— Если бы был импотент, может, пожалела.

— Но я могу, я хочу!..

— Значит, плохо хочешь. Иди к своим мокрощёлкам. «Блестящим», «Сосущим»... как там их... Пошёл вон.

Гусев получил такого пинка в зад, что если бы он не успел подтянуть штаны, то растянулся бы в коридоре в полный рост. От второго пинка, в стальных дверях квартиры, он ловко увернулся, вильнув задом. На улице гудели сиренами подъезжавшие к дому Аллы Борисовны Пугачёвой пожарные машины.

Глава десятая ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

На другой день было неприятно и стыдно. Больше всего ему не хотелось объясняться по поводу случившегося с Гошей Кварцхавой. Он так и не решил, врать или рассказать всё как есть. А как есть? Стоит или не стоит?..

Это следовало проверить как можно скорее. Вика, Ника, Наташка, Ирочка... Гусев лихорадочно взъерошил листки записной книжки. Чего думать, надо звонить самой надёжной, сто раз проверенной, с кем миллион раз и без проблем...

— Аллё! Верунчик? Разбудил... Ну не плачь, приходи, у меня до-спишь. Абсолютно трезвый. Подарю. Зачем тебе? Сколько? Рублей, итальянских лир или аргентинских крузейро? Зелёных... У меня столько нет, полтинник дам. На тачку само собой. Да, пожрать чего-нибудь купи. Целую, жду.

Едва он повесил трубку и потянулся к сигаретам, зазвонил телефон. Звук голоса Кварцхавы снова ввёл Гусева в растерянность. Он притворился спящим и протяжно зевнул в трубку.

— Да...

— Не зевай, не зевай, рассказывай.

— Чего...

— Да ладно, весь город уже знает.

— Чего!

— Чево-чево, расчевокался. Проснись и пой, джигит. Полдела сделано: вас телевидение сосватало.

— Какое телевидение? — испугался Гусев. — «Кварц-ТВ»?

— Нет, не «Кварц». Всероссийское телевидение. Первый, второй, третий канал, НТВ, региональные...

— Гога, что значит сосватало! Что про меня сказали?..

— Про вас, про вас. Про вас с Аллочкой Борисовной.

— Блин, ты скажешь, или я трубку брошу!..

— Бросай. Наша бригада к тебе скачет.

Гусев бросил трубку, включил телек, пощёлкал по каналам, прикурил, резко прошёлся взад-вперёд по комнате. Снял трубку, набрал номер Кварцхавы.

— Что? О чём говорят?!

— Ну как... Что вы вдвоём шуры-муры, потом пожар... Пожар любви!

— А она?

— Она... Ну, как всегда. Послала, обматерила. Без микрофона, конечно. Не комментирует.

— Гоша! Отзови своих. Сейчас не могу. Потом, ближе к вечеру, — хоть раком встану.

— Замётано.

Гусев повесил трубку, выдернул из розетки. Начиналась заставка новостей на НТВ. Татьяна Миткова бойко оглашает новости дня. Ельцин, Чечня, Чубайс, Тарантино, Пугачёва... Вот оно. Пожарные что-то объясняют, фанатки-малолетки наперебой кричат в объективы камер, через слово его фамилия. Раздражённая Пугачёва появляется в дверях квартирьи, прикрывается от ламп, со словами «с ума все посходили», захлопывает дверь. Комментарии поп-звёзд по телефону. Кто-то видел, как Гусев и Пугачёва вместе выходили из Дома актёра, с презентации книги Александра Телегина. Короткий сюжет о новой книге Телегина. На всех каналах подано примерно одинаково. Везде — акцент на внезапно вскрывшиеся отношения двух звёзд шоу-бизнеса. Каналы посолидней намекают на серьёзные отношения, возможное слияние капиталов и передел медиа-рынка.

Включил телефон, набрал номер Кварцхавы.

— Слушай, Гоша, я тебе сейчас всё скажу, а ты сам решай. Короче, у нас ничего не было.

— Как так!

— Ну, не успели. Там... мусор, что ли, загорелся... пожарники, всё такое... Ну, ты видел.

— Ничего, сегодня пойдёшь снова и удовлетворишь женщину. Постараешься. Так, чтобы кричала, чтобы постель вспыхнула огнём, чтобы все пожарники мира от стыда покраснели.

— Так ты не торопи это дело, не надо сегодня интервью.

— Ладно, не надо. Дорогой, как скажешь! Слушай! Я тебе один волшебный таблеточка дам. Голубенький такой, смешной. Будешь во время пожара, дефолта, наводнения — всегда женщину радовать.

— Гога, прекрати этот акцент, говори нормально, мне не до шуток. Что за таблеточка?

— Виагра. Название, кстати, — «ВИА-gra». Дарю.

— Так я пришлю кого-нибудь.

— Я пришлю! Курьеры целыми днями сидят в приёмной. Пять долларов в месяц — за что получают?

— Ладно, ладно, за пять долларов присылай своего курьера.

— А что, по всей стране такая зарплата.

Минут через двадцать приехала Верунчик — палочка-выручалочка, старая любовь, которая не ржавеет. Позавтракали из свёрток, немного выпили. Пару раз трахнулись. Второй раз — исключительно для уверенности, чтобы закрепить.

— Порнухи насмотрелся? — сказала Верунчик, одеваясь. — Прямо как ребёнок, всё интересно.

Гусев поцеловал её в губы и проводил до дверей. Абсолютно голый. Никакого стеснения.

— Полтинник обещал.

— Верно, держи... стольник. Выручила. Можно сказать, вернула к жизни.

— А что такое?

— Ничего. Новости не смотрела, радио не слушала?

— Я что, чокнутая? Там одни трупы. Я только «Муз-ТВ» и «Европу Плюс».

— Ну и правильно.

— А что в новостях про тебя? С бандитами связался? Лучше откупись, денег не жалей. Кто мне ещё такую камасутру покажет. Ты представь: моему молодому человеку девятнадцать лет. А он уже старый. Ему уже всё в лом. А ты всегда как ребёнок. Мне правда деньги нужны, машину забрать. Тюкнулась как дура о столб, теперь чего-то там исправляют. В другой раз я сама тебе заплачу.

Закрыв дверь, Гусев подошёл к раскрытыму настежь балкону и со счастливой улыбкой сделал потягушечки. Ребёнок во дворе показал на него пальцем и засмеялся. Гусев одной рукой прикрылся, другой быстро задёрнул занавеску.

Глава одиннадцатая КУКЛОВОДЫ

В центре Москвы, в неприметном здании с вывеской «Стандартизация Плюс», мимо которой пройдёт, не обратив внимания, даже бывалый почтальон, за стальными раздвижными воротами, находилась организация, истинное название которой произносили лишь немногие посвящённые. Это была секретная служба Президента Российской Федерации или «СМЕРШ», как в шутку называл её Борис Ельцин. Но даже и сам Президент не знал, насколько далеко простирается тайная власть этих людей, сколь многие нити управления государством держат они в своих руках. Младший по чину в иерархии секретной службы — лейтенант — мог отдать приказ об аресте армейского или фээсбешного генерала. Капитан мог вынести смертный приговор любому человеку — в стране и за её пределами.

Возглавлял службу полковник Коготь. Высокий, худощавый, с шрамом через всю впалую щёку, когда-то весёлый и многословный, но с некоторых пор сильно переменившийся.

Утром четвёртого апреля 1994 года в кабинет полковника вошла женщина лет сорока, стройная, спортивного телосложения в строгом костюме. Её звали Вера Алексеевна Штурм. Когда-то она была его секретарём и любовницей. Теперь, в звании капитана, она была его заместителем.

Вера присела в кресло и подвинула к себе пепельницу. Коготь вынул из её пальцев сигарету и тщательно затушил.

— Я получил результат, — произнёс он глухо. — Вернее, приговор. Это рак.

— О господи... — прошептала Вера Алексеевна. — Это из-за аварии на реакторе?..

— Вряд ли. После обычного облучения опухоль не развилась бы так быстро. Скорее всего, сигарета, выкуренная на приёме у китайского консула. Тогда, в конце февраля. Вскоре я почувствовал себя неважко. Тебе придётся принять у меня дела. Я поговорю с президентом.

— Не надо. Меня устраивает существующее положение. И мы попытаться его сохранить. Не уверена, что соглашусь сесть на твоё место... будет много недовольных. Мы поставим тебя на ноги. Есть соломинка, за которую мы попробуем ухватиться.

Коготь молчал. Вера заговорила снова:

— Кое-где ведутся перспективные разработки вакцины. Лет через пять-семь запущенный рак можно будет лечить так же легко, как трёхдневный триппер.

Коготь поднял глаза. Вера продолжала:

— Формулу будут держать в секрете, как инструмент международного воздействия на уровне президентов и владельцев крупного капитала. Это цветочки. Слушай меня, Коготь, слушай внимательно. И пусть это не покажется тебе бредом. У военных в Петербурге есть парень, который делает что-то вроде машины времени. Я попыталась собрать факты и проанализировать. Всё верно, это не шутки. Никто не заинтересован запускать подобную нелепую дезинформацию... на уровне генералитета ВПК. Скорее всего, что-то такое уже есть. Если будем действовать быстро, напролом и решительно, мы заставим парня слетать в будущее и узнать формулу вакцины.

Коготь поверил или захотел поверить. Привычная сталь в его глазах расплывилась, он поддался слабости чувств.

— Когда-то цыганка нагадала мне смертельную болезнь и чудодейственное исцеление. Что за парень? Он работает на военных?

— Разумеется. Но он об этом не знает. У него есть мощный внутренний стимул. Синдром гадкого утёнка.

— Женщина?

— Да, очень красивая. Фотомодель, не увядающая в свои тридцать четыре. Однажды он поразит мир своим изобретением, получит Нобелевскую премию, и красавица бросится в его объятия. Если он узнает, что работа навсегда останется засекреченной, стимул отпадёт. За ним, за его здоровьем и его контактами следят ото всюду, даже из унитаза. Многие сохранили себе жизнь только тем, что не поверили его рассказам о машине времени.

— Итак, женщина.

— С ней работает наш человек, доктор Борг.

— Значит ты... всё знала?

— Я забочусь о тебе, Коготь, — Вера взяла руку полковника в свою, но тот мягко отстранился.

— Кто будет работать с этим парнем?

— Я сама поеду в Ленинград и осуществлю блицкриг. Я решу все наши проблемы за один вечер. Сегодня.

Коготь задрожал от волнения, щека со шрамом подёрнулась, но он промолчал. Вера поднялась, подошла к нему, наклонилась и поцеловала в губы.

— Ты знаешь, я написала сентиментальный женский роман. О том, чего мне так и не досталось в этой жизни.

— Жизнь ещё не кончена.

— Сегодня мы это узнаем.

— Как называется твой женский роман?

— Завтра я впишу название. «Цыганка нагадала счастье».

— Удачи.

Вера заглянула ему в глаза, кивнула и вышла.

Через два часа в Пулково к частному самолёту фирмы «Стандарт Плюс» подкатил BMW с тонированными стёклами. Ещё через полчаса машина остановилась возле парадного подъезда одного из частных особняков на Каменном острове.

— Он в порядке? — спросила Вера Алексеевна своего питерского полпреда.

— Немного испуган. Немного горд. Он думал, что никому особенно не нужен.

- Вы не перестарались?
- Мы не наигрывали ситуацию.
- Были потери?
- Четверо с их стороны и двое наших.
- Эффект неожиданности мог дать лучшие результаты.
- Они были готовы к неожиданностям. Их натаскивают на всякого рода неожиданности. Была честная схватка, и наши оказались проворнее.
- Хорошо. В моей комнате всё готово?
- Картинка отчётил. Доктор Борг ждёт наших указаний.
- Я приведу себя в порядок. Пусть парень ждёт в моей гостиной. Он должен остро почувствовать, что может потерять эту женщину.

Глава двенадцатая В БУДУЩЕЕ В ОБЕЗЬЯНЬЕМ КОНТЕЙНЕРЕ

В апреле 1994-го Зюскевичу было двадцать пять лет от роду. Ничего до этого, кроме лаборанток, сослуживцев, с которыми пил спирт, экрана и клавиатуры он не видел. Он видел только Киру Берёзкину — часто по телевизору и ещё однажды на дне рождения у проректора. Это случилось год назад. С тех пор он повсюду встречал её, стоя с цветами. А вокруг неё толпились угодливые красавцы — все шире в плечах и на голову выше Зюскевича. Но он не отчаивался и однажды был вознаграждён: Кира сама подошла к нему и пригласила к себе в гости. А отпустила только утром. В этот рабочий день Миня опрокинул в лаборатории ртуть, и рабочие в химзащитах неделю вскрывали пол.

Под Новый год он получил немыслимую премию от ВПК и подарил Берёзкиной кольцо с бриллиантом. Умолял выйти замуж. Она изредка допускала его к телу, не отвечая ни «да» ни «нет».

В январе Зюскевича перевели в охраняемую лабораторию, расположенную в недостроенной ещё до войны ветке метро, и прибавили зарплату. Вскоре он въехал в хорошую, обставленную трёхкомнатную квартиру. Под окном стоял новенький «Москвич».

Миня всё ещё числился в своём НИИ, но работал только над одним проектом — тем самым. Его никто не дёргал, не торопил, но щедрые авансы говорили о многом и обязывали. Кое-что стало получаться.

Сегодня утром ему позвонили из клиники (Кира исправляла прикус после неудачного визита к стоматологу). Дежурный врач сообщил, что у пациентки случилась критическая реакция на наркоз, что она в коме. Зюскевич бросился к своей машине и помчался на всех парах по Выборгскому шоссе. На 75-м километре фура отрезала от него эскорта негласной охраны. Его остановили и пересадили сначала в автобус, затем в электричку. Сказали, что с Кирой всё в порядке, дали поговорить с ней по телефону. Он всё понял и был послушен. Когда они приближались к Питеру, над местностью начали кружить вертолёты. Потом Зюскевича посадили в микроавтобус без окон и привезли в особняк, спрятанный за высокой стеной. Его провели в богатую комнату с мерцающими экранами мониторов, накрыли изящный столик, извинились за причинённые неудобства и попросили ждать.

Для того, чтобы он в нужное время оказался в этой комнате, умерли шестеро.

Ждать пришлось не долго. В комнату вошла красивая высокая и худощавая женщина средних лет; в халате, с головой обмотанной полотенцем. Она была влажная и от неё приятно пахло. Она села в кресло, закинула ногу на ногу, поправила халат и прикурила.

— Извините, что так вышло, — сказала она. — Для соблюдения всех приличий и условностей нет времени. Меня зовут Вера Алексеевна. Вы работаете на военно-промышленный комплекс. Я работаю на президента. Независимо его от имени и фамилии на данный период времени. Если кто-нибудь из военных не подчинится или подумает не подчиниться нашему президенту, который является также и главнокомандующим, мы его уничтожим. Мы действуем исключительно в интересах и во благо нашего государства. Вы хотите что-то сказать?

Зюскевич надрывно закашлялся.

— Выпейте рюмку коньяка.

Зюскевич послушно выпил.

— Итак, от вас требуется не много; сегодня вы сможете вернуться к прежней жизни, позабыв обо всём, что случилось. Что умеет делать ваша машина?

— Какая машина? — прошептал Зюскевич.

Вера взяла пульт, и на экранах появились картинки. Вот Кира Берёзкина стоит у окна в своей палате. Вот операционная, ярко освещённый стол, сверкающие инструменты. Всё готово для работы. А вот пыточное кресло и сидящая в нём изуродованная женщина. Другая женщина, старая запись. Срабатывает монтажный эффект, создаётся последовательность: Кира — операционный стол — изуродованная пытками.

— Да, я всё понял, — задыхаясь заговорил Зюскевич. — Машина существует. Она там, в главной лаборатории, в метро... Но она не может...

— Сядьте. Теперь выпейте ещё и спокойно скажите, что она может, а чего не может. Спокойно, молодой человек, спокойно. Никто никого не режет. Завтра, в вашем присутствии, если вы того захотите, ей исправят прикус. Выпили? Теперь говорите. Говорите о будущем, прошлое меня не интересует.

— Мне удалось отправить на десять лет в будущее неодушевлённый предмет, затем насекомое... И ещё, совсем недавно, нескольких кроликов и обезьяну.

— Она вернулась?

— Обезьяна? Да... она вернулась. Она пробыла там более часа. В контейнере.

— Год? Какой год?

— Каждое двадцать пятое февраля с шагом в десять лет.

— Именно двадцать пятое февраля?

— Да, в ночь с двадцать пятого на двадцать шестое. Это... личное. Её день рождения...

— Двадцать шестое февраля. — Вера задумалась. — Это важно. Об этом мы поговорим во вторую очередь. Итак, десять лет. Если они на правильном пути, десяти лет им хватит. Двадцать, тридцать — рискованно. Через двадцать всё может измениться. Отлично, десять лет это то, что нужно. Вы поместитесь в этот ваш обезьянний контейнер?

— Простите... что?..

— У нас мало времени. Теперь говорите только «да» или «нет». Если не можете говорить, объяснитесь знаками. Повторяю: вы поместитесь в контейнер?

Зюскевич взглянул на экраны и кивнул.

— Вы сможете выполнить небольшое поручение и вернуться?

— Да...

— Вы сможете взять с собой оттуда ампулу с лекарством?

— Нет...

— Вы сможете ввести лекарство себе в кровь и вернуться?

— Да...

Да. Вера выдохнула и откинулась в кресле. Три... нет пять секунд на релаксацию. Всё. Главное позади, поехали дальше.

— Продолжим. Можете говорить так, как вам удобно. Сколько пройдёт времени здесь?

— Нисколько. Условно говоря, мгновение.

— А если вы пробудете там сутки или больше?

— Это не имеет значения. Сутки, год или десять лет.

Вера принялась грызть ногти, но опомнилась. Сняла с головы полотенце, встряхнула головой, распустив волосы. Миню снова обдало приятным запахом.

— Меня интересует событие, случившееся чуть более месяца назад.

— Это не реально.

— Но если вы отправите кого-нибудь в это время из две тысячи четырёх?

— То есть... Кого?.. Там? В две тысячи четырёх?

— Разумеется. Ведь это возможно сделать там, в две тысячи четырёх?

— Да... возможно, я полагаю... это было бы интересно. Мы только начинаем, машина работает в экспериментальном режиме. Через десять лет... Да, это было бы интересно! Конечно. Потрясающая идея.

В Зюскевиче проснулся дух учёного-экспериментатора, глаза его загорелись. Вера налила ему и себе по рюмке коньяка.

Глава тринадцатая ОНА СОГЛАСНА

Вечером Гусев приехал в концертный зал «Россия», где давала большой трёхчасовой сольный концерт Алла Пугачёва. Приехал к самому окончанию; директора зала попросил встретить на служебном входе. Гусев перемолвился с ним о текущих делах и направился в гримуборную артистки. За ним следом поспевал мальчик в униформе посыльного лучшего в столице цветочного салона «Амстердам».

Гусев прекрасно знал, как может чувствовать себя человек после сольного выступления без фонограммы. Именно состояние Аллы, как выжатого лимона, должно было уравнять её темпераментный напор и его нордическую неторопливость. Он должен был доказать себе и этой женщине свою мужскую состоятельность. Ему уже просто хотелось этой женщины.

Директор проводил именитого гостя в пустую гримуборную Пугачёвой и деликатно удалился. Гусев сел в кресло, поставил цветы между ногами, отпустил посыльного и стал ждать.

После нескольких бисов, доносившихся из зала, в коридоре зашумели. В дверь пропустили, оттеснив поклонников, певицу. Алла разжала руки, и охапки цветов посыпались вниз, образовав на полу приличную кучу. Заперла за собой дверь и обернулась. Несколько секунд смотрела на Гусева, ещё не зная, как реагировать. Решила не обращать особого внимания, делать что обычно.

— Ничего не поджёг?..

— Я не псих. Извини, за вчерашнее. Теперь я чувствую себя несвободным. Ведь нас сосватали.

— Дурацкие шутки.

— Это не шутки. Я люблю вас.

— Что?!

Пугачёва сделала вид, что рассердилась, но улыбка выдавала её чувства. Для любой женщины нет более приятного момента, чем услышать такое.

— Я люблю вас, я не шучу.

— Если любишь, женись.

Сказала так, понимать надо так: «А жениться слабо? Все вы только на словах женихи».

— Я вас люблю и прошу вашей руки, — Гусев отодвинул корзину и встал на колени.

А теперь шутки в сторону. Надо решать свою судьбу... на ближайшие месяцы... или годы...

— Ты точно не псих? И не больной?.. Я согласна. Свадьба через неделю.

Гусев обнял и поцеловал невесту. Торопливо расстегнул застёжки, крючки, сбросил с неё влажное от пота концертное платье.

— Погоди, — слабо засопротивлялась она, — я не могу так, без душа.

— Так ещё лучше... возбуждает...

Возбуждать дальше уже рискованно: эрекция — как у Буратины. Голубой ромбик заморской таблетки оказался реально действенным. Даже слишком.

Гусев стащил с Аллы трусы, приподнял её и усадил на гримёрный столик. На пол полетели краски, пузырьки и баллончики. И вот, в отражении зеркал, всё вокруг заходило ходуном. Алла расстегнула пуговицы его рубашки и обняла за шею. Ещё минуту спустя она вскрикнула и в кровь оцарапала ему плечи. Гусев вскинул голову, как взнужданный конь, замер и несколько раз конвульсивно дёрнулся.

Всё в порядке, это случилось. Он доказал, что может быть не только безумным, но и страстным. Как мало надо женщине: она смотрит на него совершенно по-другому.

Вскоре они вышли из «России» и, поцеловались перед камерами. Толпа поклонников обмерла. Залезая в лимузин, Алла крикнула:

— Скоро свадьба!

Толпа взорвалась.

— Приходите все! — добавил от себя Гусев, залезая в машину следом. Он понимал, что слова утонут в шуме, но его выигрышный жест и улыбка появятся на обложках глянцевых журналов.

На этот раз поехали к жениху. Уставшая после сольного концерта, выпив десяток бокалов шампанского натощак, Алла дурачилась и танцевала, пока не опрокинула музыкальный центр. Гусев стал её укладывать в постель. Он терпеливо стаскивал с неё вещи, а она хохотала и дрыгала ногами. А потом она заснула, едва оказавшись под одеялом. Неугомонная таблетка продолжала действовать, и Гусев, отчаявшись будить и слышать «сейчас, сейчас... ещё минуточку...», два раза поимел свою невесту спящей.

Глава четырнадцатая ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Свадьба состоялась через две недели, 26 августа. Как положено — с венчанием, регистрацией, концертом звёзд и письменным поздравлением от Президента. Свидетелем был, естественно, я. Свидетельницей — сестра Аллы, дама обыкновенная, нигде не засветившаяся. Рядом находились моя беременная жена и дочка Аллы со своим мужем.

Мы с Гусевым начали «по напёрстку» с самого утра, поэтому казались себе элегантными, умными, красивыми и острыми на язык. Ко мне то и дело подходили с просьбой подписать книгу. А гости, все как один, были непростые. Я подписывал, не задумываясь. С некоторых пор я носил в кармане заготовленную на досуге шпаргалку с шаблонами возможных оригинальных дарственных надписей. По возможности одинаковые надписи не должны были попадать к людям, между собой знакомым.

Кристина и Володя Пресняков спели дуэтом специально сочинённую песенку-поздравление. Гусев был близко знаком с Кристиной по гастрольным турам. Хорошо ещё, не более того. А ведь, бывали в номерах ситуации, что на грани...

- Теперь я буду вас папой называть? — сказала Кристина.
- Почему папой? Отцом.
- Ты уже, между прочим, не просто отец, ты уже дед.
- Пора уже.
- В тридцать четыре?
- Год за два!
- Слушай, Гусев, как у тебя, вообще-то дела идут? Ты мне помогать собираешься? С деньгами, с раскруткой... Мог бы для начала машину подарить.
- Будешь хамить отцу, полетишь быстрее звука. С растопыренными руками. Без машины и без раскрутки. Да, вот ещё что. Имей в виду: бросишь Володьку Преснякова — чем породил, тем тебя и убью. Ты должна его так любить, чтобы у него глаза светились. Без водки и кокаина.
- Нет, это не реально.
- Тогда нос свой береги.
- Нос? Почему?
- Потому что однажды возьмут за шкирку и потыкают как следует в это самое... — Гусев показал, как щенка тыкают носом в какашки.
- Дурак. Это тебя потыкают.

Дальше всё развивалось так, как запланировал мудрый авантюрист Гоша Кварцхава. Алла забеременела, сделалась немного рассеянной и мечтательной, а Гусев подмял под себя весь эстрадно-телевизионный бизнес на трёх каналах. Директор ОРТ был доволен происходящим и за возлияниями предлагал Гусеву место своего заместителя. Но Гусев уже перерос место заместителя. Август 98-го был не за горами. Следовало подумать о сборе средств для грандиозной ставки в короткой игре, результат которой в подробностях просчитывался заранее. Не соросовского масштаба, конечно, но достаточную для того, чтобы сделаться олигархом при Ельцине и наладить отношения с будущим президентом.

Тем не менее, подготовка к «Рождественским встречам с Виктором Гусевым» началась в октябре, с невиданным для российского телевидения размахом. «Новый год в Останкине» и «Старые песни о главном» сделались частью одного большого проекта. Кобзона, Лещенко, Леонтьева и даже многих молодых, вроде Агутина, Варум, Апиной и Газманова, плавно оттеснили на дециметровые каналы. Лицом музыкального вещания ОРТ сделались всевозможные гусевские «Звёздочки», «Блёстки», «Мультфильмы», «Страшилки» и «Бегемотики». Телевизионный экран помог лодел и повеселел.

В то время, как Алла думала только о будущем ребёнке и проводила время исключительно с моей ещё более беременной женой, Кристина начала рвать и метать. По счастью, она не успела объявить отчиму боевые действия, потому что Гоша Кварцхава дал Гусеву очередной мудрый совет. «Дай ей всё, что она хочет. Поверь, Витёк, она сама не знает, чего хочет. Дай ей полную власть, и она захлебнётся».

Так и случилось. Получив в подарок пятьдесят один процент акций «Золотого гуся» и декоративную должность арт-директора ОРТ, Кристина вдруг поняла, что власть ей не нужна. Власть не дала ей ничего, кроме головной боли. И она протянула Гусеву руку дружбы:

— Слушай, отец, давай вернём всё как было. Я хочу два хита в год, два клипа и один хороший концерт в месяц для тонуса. Всё остальное — моя личная, моя собственная жизнь. Корячьтесь со своим бизнесом без меня.

— Я не буду управлять твоими акциями.

— Да засунь ты их себе... Нужны мне на хрен твои акции... Песенку давай, хорошую, хитовую, модную.

— Такая подойдёт?

Гусев вынул из кармана и развернул лист бумаги. Сел за рояль и бойко напел с листа «Не виновата я» — стопроцентный хит, купленный неделю назад у Матецкого и содержавшийся в секрете.

С первых же строчек Кристина начала улыбаться, затем подошла к роялю и заглянула в листок через плечо отчима. Со второго куплета они уже пели вместе.

Съёмки клипа назначили на декабрь, как только будет готов сценарий и фонограмма. Затраты — сколько потребуется.

Глава пятнадцатая ВОЗВРАТА НЕТ?

В начале декабря одна за другой посыпались катастрофы.

Сначала Владимир Сорокин подал на меня в суд за plagiat. Потом из Европы и Америки стали приходить отчёты от нанятых мною литературных агентов. Все как один писали, что романы о мальчике-колдуна Гарри Поттере несомненно представляют интерес для определённой части публики, однако, к сожалению, ни одно издательство не смогло оценить их по достоинству. «Возможно, — писал один из наиболее авторитетных американских агентов, — стоит предложить эти труды некоторым влиятельным сектам, имеющим свои собственные издательства и заинтересованные в публикации подобных произведений, адаптированных для успешного детского восприятия».

Я взбесился: почему же они не сказали это Джоан Роулинг?! Почему и как они сделали эту унылую белиберду самой продаваемой книгой после Библии??!

Бог с ними, мой международный триумф тихо провалился, о неудаче никто не узнает. Надо было думать о том, что под грохот барабанов и звон фанфар происходит со мной здесь, на родине.

Выпустив с нарастающим успехом в короткий строк сорокинско-пелевинские «Лёд», «Чапаев и Пустота», «Поколение П.,» и «Голубое сало», я ощутил головокружение от успехов и потерял бдительность. Большшим отрывком в журнале «НЛО» я анонсировал «Сердца четырёх» — и промазал.

Оригинал романа уже существовал в рукописи, и Сорокин предоставил суду тетрадки с черновиками.

Пока шла экспертиза, я, по совету Кварцхавы, предложил через надёжного посредника Сорокину взятку. Большие деньги, настолько большие, что любой здравомыслящий человек принял бы их без раздумий.

Однако эксцентричный и самовлюблённый писатель отказался от денег. Он уже успел уверовать в свою гениальность, слава была для него дороже любых денег.

Ему пытались угрожать. Его подкараулили и, приставив перо к горлу, заставили кричать «я был не прав, я пиidor, я говно». После этого Сорокин скрылся на просторах Германии, и даже его адвокат не знал его местонахождения, общаясь с клиентом по телефону.

Суд был назначен на первое октября, надвигалось позорное разоблачение.

Снова на помощь пришёл Гоша Кварцхава. Он сказал:

— Если даже ты подкупишь суд, рукопись потеряют, и ты формально выиграешь дело, в глазах общественности ты уже потеряешь всё. Станут говорить, что ты и раньше покупал романы у непризнанных гениев. Единственный твой шанс победить — это вчинить встречный иск. Обвинить Сорокина в краже твоей рукописи. Доказать, что твой текст был набран у тебя на компьютере значительно раньше, чем тот появился в сорокинской тетради. Украдь текст из компьютера проще пареной репы. Одновременно назначить экспертизу на предмет авторства путём сравнения «Льда», авторство которой никто не оспаривает, и этой новой книги. Психологически убедительно: никому не известный графоман пытается привлечь внимание к себе через скандал с маститым классиком. Подключи к этому делу журналистов.

На другой день мой адвокат вчинил встречный иск.

Через три дня в «Коммерсанте» появился материал «Слон и Моська».

Через неделю все поверили в мою невиновность.

А ещё через две недели в суде прозвучало заключение литературоведческой экспертизы, установившей моё авторство на все сто процентов. Тиражи моих — не моих книг подскочили втройне. Предполагалось, что я буду представлять лицо современной российской литературы на франкфуртской книжной ярмарке. Моё собственное лицо не выражало радости по поводу этого предстоящего события.

Сорокин так и не вернулся из-за границы. Говорят, он работает на автозаправке в пригороде Зальцбурга. Вечера проводит в местном садомазо клубе, бреет лицо, носит короткую стрижку и увлекается экстремальным пирсингом. В свободное время пишет по немецки порно-рассказы и порно-сценарии, любит пиво с сосисками и в последнее время очень заметно располнел.

Потом началась депрессия. Мне стало отвратительно всё: и работа, и выпивка и украденная слава. Временами возникало желание удавиться. Временами я пытался писать сам — без затей — обо всём, что с нами случилось. Будущий роман назывался «Винт», и страниц пятьдесят было со скрипом написано. По своим художественным достоинствам текст скорее напоминал дневник спятившего с ума графомана. Но я рассчитывал впоследствии, когда весь фактический материал будет набран, серьёзно заняться его художественной обработкой. Или даже, в случае полной беспомощности, нанять для этой цели неизвестных, но яких литераторов — благо в «Золотой переплёт» произведения начинающих авторов шли нескончаемым потоком.

Но вот однажды, по непонятной причине, мой новенький «386-й» накрылся медным тазом. А дискеты, на которых я имел привычку архивировать свои рукописи, бесследно исчезли. Я принял намёк свыше и оставил затею.

Чтобы отвлечься, я стал наговаривать в dictaphone туповато-ходульные шлягеры Бориса Акунина. Симпатии читающих народных масс, как я надеялся, могла запитать меня положительно заряженной энергией.

Временами, задумавшись, я проводил пальцем по коже за ухом и катал по косточке круглую упругую капсулу. В нашем «клубе путешественников», численностью теперь в два человека, этот жест считался вредной и опасной привычкой. Но вот однажды я не нашупал капсулу у себя за ухом. При помощи двух зеркал и направленной лампы я смог разглядеть лёгкий, едва заметный и уже затянувшийся надрез. Это была третья катастрофа, самая страшная катастрофа в моей жизни.

От нахлынувшего на меня ужаса я мог потерять рассудок. Невозможность возврата к прежней жизни оказалась страшнее смерти. Всё равно как залететь в далёкий космос и обнаружить, что вытекло топливо, предназначенное для обратной дороги.

Я бросился к телефону и после первого же оборвавшегося гудка услышал подавленный возглас Гусева:

— Да!..

— Пощупал? — заговорил я с ним страшным голосом.

— Да...

— Почему не позвонил?

— Я... хотел.

— Струсили. Когда?

— Вчера была. Я... голову мыл. Перед этим... как его... концертом.

— Значит, ночью.

— Кто? Зачем?

— Не знаю. Спецслужбы... Какой-нибудь «Патруль времени».

От волнения мы оба говорили как пьяные.

— А если Зюскевич?

— Зачем, ему не надо. Мы и без того у него под колпаком. Мы сидим у него под колпаком, там в метро, понимаешь? Зачем ему?!

— Не ори. Я всё равно этого не осмысливаю. Я с самого начала ничего не понимал. Как это можно. Есть же какие-то причинно-следственные связи...

— По правде говоря, я тоже не понимаю.

— И что теперь?

— Гусев... я так не согласен. В реальной жизни я бы не стал ничего этого делать.

— Чего?

— Убивать, насиловать, воровать чужие тексты. А ты?

— А я и так... Ну, немножко. На Пугачёвой бы точно не женился. Да, это всё как игра воспринималось, как симулятор, стрелялка... Теперь не знаю. Здесь всё по-другому. Здесь я поставлю всё своё состояние на «красное» и глазом не моргну. Потому что в любую минуту можно соскочить. Теперь не знаю.

— Ладно, заладил. Я людям страшнее жизни поломал. Писательский труд это... а-а, тебе не понять. Слушай, Гусев. Короче, так. Если Зюскевич нам не поможет, я, может... Я точно застрелюсь или траванусь. Больше не могу. Я ещё раньше не мог, но терпел, а теперь всё, выбора нет.

— Стой, стой, ты чего! — Гусев перепугался, что останется один в «далёком космосе». — Ты чего, у тебя семья, ребёнок будет!

- Всё липа, всё мираж, все зомби, роботы.
- Блин, ты чего! Я же не робот! Стой, погоди, я всё придумал.
- Я поверил, потому что от испуга можно найти выход почти из любого положения.
 - Что.
 - Третья капсула. Берёзкина вернулась вместе с нами, но без капсулы. Мы в тюрьме хотели отнять, но её уже не было. Значит — она спрятала!
 - Ну так мы уже в другом времени.
 - Мы в другом времени. Но мы не в другом мире. Мы в продолжении того, нового! А это значит...
 - Это значит, что капсулу нужно искать в тюрьме...
 - Мы найдём её, Теля, мы её точно найдём!
- В смутном вихре панических обрывков прорезался луч надежды.
- Как же мы попадём в тюрьму, в Кресты?
- А, век воли не видать! Ведь всё, всё ложиться, один к одному! Ведь я там буду через неделю, буду снимать клип. Ну, понимаешь, такой, сюжетный. Херня, короче. А мы всё разнюхаем. Расспросим, подмажем... Где спала, где жрала... Койку, стол, стул обшарим по миллиметру. В дырку от сучка сунула, мякишем замазала, как сейчас вижу. Объявим премию за находку среди зеков, будто капсула с ядом... ну, в порядке бреда, придумаем что-нибудь. Теля, мы её должны найти, или нам нормально не жить!
- Не жить, — согласился я и повесил трубку.

Глава шестнадцатая ПАРАДОКСЫ ВРЕМЕНИ

Едва Зюскевич вошёл в лабораторию, следом влетел его начальник генерал Лядов.

- Где вы были?! — прохрипел он, задыхаясь.
- С каких пор я должен отчитываться, где бываю?
- Вы прекрасно знаете, что ваша работа имеет государственное значение.
- Я не продавал секретов.

— Вас пытались охранять, с вами пытались связаться!

— Мне позвонили... будто бы из больницы, где находится моя невеста... Кто-то зло пошутил, и я поехал. Машина сломалась. Я дозвонился до больницы, пересел в электричку и вернулся.

Генерал вытер платком лицо. Было похоже, что его тоже здорово нахлобучили. А кто может нахлобучить технаря-генерала? Спецслужбы...

— Работайте, Зюскевич. И без фокусов. Скажите спасибо, что перестройка.

— Ладно, я обещаю. Вы Анечку не видели?

— Кажется... в буфете.

— Пойдёмте, кофейку выпьем.

— Благодарю вас, я уже...

Зюскевич вошёл в местную кофейню и сразу увидел свою лаборантку — маленькую и худенькую девушку, которой он никак не мог найти применения. Она болтала с курящими подругами, которые стряхивали пепел в кофейные чашки.

Миня негромко окликнул Анечку и поманил пальцем.

— О! — сказала она. — А говорили, что вас найти не могут.

— Нашли, нашли. Пойдём, поможешь.

Анечка поднялась и сказала подругам:

— Раньше слышала только «уйди» и «не мешай», а теперь — «пойдём, поможешь».

— Жениться хочет. Анька, слышь, после первого свидания не соглашайся — уважать не будет!

Миня покраснел и, схватив Анечку за руку, потащил в лабораторию.

— ...И дверь, дверь, чтоб была открыта!..

Однако дверь Зюскевич сразу закрыл и перекодировал.

— Аня, сосредоточься, пожалуйста.

Анечка сжала рот в точку и вскинула брови.

— Я всё настрою, залезу в хроноотсек, а ты нажмёшь «энтер».

Сумеешь?

— Вы? В обезьянник?! Ни за что.

— Хорошо, давай так: ты лезешь в хроноотсек, а я жму на клавишу.

— Всё, я поняла, я согласна нажать.

— Тогда пошли в метро.

В недостроенной когда-то ветке метро, под самым центром города, находились упакованные в многослойные саркофаги «заповедные» зоны, в которых никто не имел права ничего менять ни через год, ни через сто, ни через тысячу лет. Здесь проводились эксперименты по перемещению во времени.

Они прошли через десяток шлюзовых камер и оказались на заброшенной станции, оформленной мрамором, бронзой с позолотой и росписью.

— Садись за пульт. Вот это не трогай. Это тоже. В смысле, вообще ничего не трогай, всё запрограммировано.

— А что так неожиданно?

— В науке всё бывает неожиданно.

— А в жизни?

— Жизнь и наука неотделимы.

— А, верно, у меня папа журнал такой выписывал: «Наука и жизнь».

А вы надолго? У меня в половине седьмого встреча

— Ты что, дура? Как это может быть долго?

— Ах, да. А вы в какое время, если не секрет?

— В две тысячи четвёртый.

— Класс... Позвоните, спросите, как у меня дела.

— Это нельзя. По международной конвенции.

— Ну вы только намекните, я всё пойму.

Зюскевич залез в прозрачный контейнер и опутал свою голову датчиками.

— Готово. Ну, три-четыре. Давай, не тяни, жми.

— Ой, Михаил, вы знаете, я волнуюсь.

— А я что по твоему — каменный? Жми!!!

Анечка поднесла пальчик к клaviше «Ввод» и надавила.

Крикнув «жми!!!», Миня тут же осёкся: всё позади, ахнуть не успел. Вместо «обезьяньего ящика» — удобное кресло. На голове кибершлем. Внизу всё тот же мраморный пол.

Миня поднял шлем, похожий на фен. Никого. На часах полночь с двадцать пятого на двадцать шестое февраля 2004 года. Самочувствие — отличное.

Приблизился к пульте, набрал программу. Навёл справки о себе и Кире: был женат, развёлся, она свободна. Просмотрел заголовки новостей за истекшие десять лет. Полный застой.

Теперь взять у медиков вакцину и — в «Сталин». Действовать быстро и решительно.

В фармакологии никого, все в кафе. Взял чашечку, подсели, поболтал. Подвёл к теме.

— Бери, только аккуратно. В левом шкафу. Там есть один начатый, распечатанный.

Кто-то интересуется: «А что такое?»

— У Зюса больная бабушка.

— Через пять лет будет лежать в каждой аптеке. Зюс — властелин времени, пусть слетает. А «Зенит» выйдет в первую лигу?.. А кто будет президентом в 2012-м? Сколько лет мне нагадала кукушка? Сын или дочь?.. Не давайте ему, пока не скажет... Ладно, ладно, бери так, даром. Не разбей ничего. Когда вдуешь — бабушку врачам не показывай хотя бы месяц. Сам знаешь? Ну бывай, успехов.

Нашёл, поморщившись от детских страхов, пшикнул вакцину в кровь.

Теперь — в «Сталин».

Начальнику охраны: «Приду не один, запишите». Начальник болезненно трёт лоб: такой уже проходил, человек раздоился.

Возле ресторана придётся помёрзнуть. Хотя, клиент — «Зюскевич-старший» — пить не умеет и долго не высиживает. Так и есть: ведут, усаживают в якобы такси. Изо всех арок, из-за углов, выползают машины охраны.

Ещё минут десять... Теперь можно.

В «Сталине» полный разгул. Играет оркестр, танцуют пары, звенит посуда, снуют официанты. Свечи греют, фонтан освежает. Кира танцует с каким-то папиком. Гусев в оркестре.

Подсели к Телегину как ни в чём не бывало.

— Вернулся?

— Ага...

— Наливай.

Зюскевич налил. В этом мире ничего не изменилось, ничего. Чокнулись, выпили.

— Ты что... в другом костюме? Пролил что-нибудь?

— Блеванул.

— Это нормально. Если на себя. Бывает, какая-нибудь сволочь в метро... или в автобусе... в час пик. Понимаешь?

— Нет, я на себя.

— Это нормально. Если ты вернёшь меня в детство, я женюсь на Ниночке, честное слово. И буду любить её всю жизнь. Я же её предал, понимаешь?

Зюскевич не умел притворяться пьяным и попытался подражать манерам Телегина:

— Это нормально. А меня просто бросили. Берёзкина. За что?!

— Ей нужен папик. А ты — хлюпик.

— Я не хлюпик. Я гений.

— Для женщин — одно и то же. Но если гений вдруг богатеет, он переходит в разряд папика и становится желанным.

— Я могу разбогатеть в любую минуту. У меня есть машина времени.

— Это стрёмно, тебе яйца за такое отрежут.

— Кира свободна?

— Свободна. Она всегда свободна.

— Я хочу снова на ней жениться.

— Сначала стань папиком.

— Я возьму её не за деньги.

— Какой-нибудь любовный эликсир? Многократные оргазмы её не возбуждают. То есть, на это она тоже не купится. Знаешь, сколько загорелых мачо трётся у её ног?.. Теоретически они могут удовлетворять её круглые сутки, всем коллективом.

— Не секс. За что женщина готова отдать всё?

— А... Да. За молодость женщина отдаст всё.

— С кем она танцует?

— Не знаю.

Барабанщик ударил по тарелке, всё стихло, раздались аплодисменты. Гусев и Берёзкина приблизились с разных сторон к столику одновременно. События вдруг начали развиваться столь стремительно, что я, если бы имел на голове шапку, крепко бы за неё ухватился. Я уже ничему не удивлялся и ни о чём не задумывался.

— Фу, совсем запарились, — Берёзкина осушила бокал минералки.
— Где мои семнадцать лет... Миня! Ты же уехал!..
— Я почувствовал себя хорошо и вернулся.
— Слишком хорошо. Какой-то ты подозрительно гладкий и трезвый.
Неужели домой съездил и переоделся? Как будто вдруг помолодел.
— Кира, — произнёс Зюскевич, — я могу вернуть тебе молодость.

Вечером четвёртого апреля 1994 года полковник Коготь внезапно потерял сознание. До этого момента, весь день после ухода Веры Алексеевны, он сидел за рабочим столом и думал. Ему звонили, к нему приходили, он справлялся с текучкой на автопилоте, думая только об одном и беспрестанно глядя на стрелки часов.

В половине восьмого Вера условными фразами сообщила, что Зюскевич спустился в лабораторию. Она сделала всё, оставалось ждать. Но теперь это ожидание превратилось в страдания Прометея. Коготь больше не мог работать в фоновом режиме и приказал не беспокоить себя ни при каких обстоятельствах. Стрелка теперь как будто стояла на месте.

Но вот, в четверть десятого, голова вдруг закружилась, весь организм как будто пронизал ток, и Коготь вскрикнул и завалился набок.

Мгновение спустя он очнулся и быстро поднялся с пола. Обхватил голову руками, застонал от напряжения — и всё вспомнил. Он здоров. Он не взял отравленную сигарету у китайского консула. Его предупредили. Ему даже не пришлось воспользоваться вакциной, которую ему доставили из 2004-го.

Но от чего он так счастлив? Дело не в чудесном избавлении от смертельной болезни. Он никогда не боялся смерти, а в последнее время успел смириться с её неизбежностью. На столе, в деревянной рамке, портрет Веры. Он так привык видеть её каждый день, что фото поначалу не заметил. Они женаты. Женаты и счастливы вот уже второй месяц. Потому так празднично на душе.

Ещё через минуту Коготь обеспокоился. Это счастье могут отнять у него в любую минуту. Вернётся тот, страшный мир со смертельной болезнью — пропастью между ним и любимой женщиной. Надо забрать у этих двоих их капсулы. Во сне, так, чтобы они ничего не почувствовали. Второй раз он не решиться сделать предложение женщине, которую любит более двадцати лет.

Глава семнадцатая «КРЕСТЫ»

Через неделю, в назначенное время, из Москвы в Питер двинулась передвижная студия — для записи клипа Кристины Орбакайте «Не виновата я». Концепция клипа решена в интерьерах знаменитой тюрьмы «Кресты», расположенной на берегу Невы почти в центре города. Разрешение на съёмки получено во всех инстанциях по личному ходатайству мэра.

Пока фура с логотипом «Золотой гусь» ползла по трассе, мы вдвоём с этим самым «золотым гусем» решили спокойно, для успокоения нервов, подремать в поезде, под стук вагонных колёс. Всю ночь я проворочался в бессоннице, слушая храл моего ещё более циничного друга.

На перроне Московского вокзала нас встречали. Не заехав к родителям, мы рванули прямо в тюрьму, где уже стояла наша студия и работала куча людей. Кристина прилетит завтра, только на один день съёмок, когда всё будет расписано по секундам. Роль умного следователя на допросе должен исполнять всенародный штирлиц Вячеслав Тихонов.

Мы познакомились с начальником тюрьмы Угрюмовым, и он повёл нас на экскурсию по местам, где не ступала нога постороннего. Я — будто бы собирал материал для книги; Гусев — будто бы хлопотал ради успеха своей падчерицы. Однажды мы здесь уже были. Я — убийца. По совести — здесь мне и место. Но я молод, богат, знаменит.

Мы не опасались, что нас узнают: за десять лет наверняка сменилось большинство служащих. А если кто-то и узнал, то он узнал до того и без нашего визита: наши морды мелькали на ТВ с частотой рекламы.

Водя по музею, а затем по территории, начальник рассказывал о попытках побега, показывал сделанную из хлебного мякиша точную копию пистолета Макарова, а мы плавно подводили его к камере свиданий. Наконец мы вошли в неё, и меня, хотя я готовился к этому моменту, всего передёрнуло.

— А здесь был один случай, — заговорил Угрюмов без всяких наших подводок, — когда я ещё служил в Саблинской женской колонии...

И он более или менее правдоподобно пересказал эпизод нашего свидания с Берёзкиной. За эти годы история приобрела оттенок ещё

более кровожадный, мистический, за гранью, с элементами каннибализма и левитации.

— А кто-нибудь ещё работает здесь с того времени? — поинтересовался я, делая вид, что записываю в книжечку, на самом деле переписывая одну фразу: «Господи, накажи и прости. Господи, накажи и прости. Господи, накажи...»

— Нет, куда там! Зарплаты маленькие, текучка большая. Есть одна зэка, которая попала по второму разу. Только что выйти успела — и снова за убийство. Теперь дадут пожизненно, это факт. Она эту психическую хорошо помнит, вместе сидели. Будете беседовать?..

Беседовали в кабинете начальника тюрьмы, в присутствии врача и двух вертухаев. Получив от нас блок сигарет и отхлебнув из кружки сладкого растворимого кофе, в который Гусев налил коньяку из фляжки, женщина разговорилась.

— Ну, короче, её поначалу опустить хотели. Красивая. Три бабы её держали. Она вывернулась, да так их всех троих отметелила, что одна, думали, погрёб в лазарете. А потом она раз только была в камере, вот как раз когда её убили во время свиданки.

— Где же она была всё время?

— Как где? Известно где, в шизо.

— Штрафной изолятор, — пояснил Угрюмов. — За драку полагается.

Мы с Гусевым переглянулись. В штрафной одиночке есть времена подумать и наверняка есть место, где спрятать предмет величиной с горошину.

— А можно осмотреть этот изолятор?

Метр на полтора. Бетонный пол, каменные щербатые стены, ни черта не видно. Попросили фонарик. На глазах удивлённого Угрюмова обшарили все неровности в полу и стенах.

Гусев вышел, я за ним следом.

Прибежал ассистент режиссёра — всё готово, артист в гриме, первая репетиция.

Мы поблагодарили Угрюмова, написали приветствия в каких-то музеиных книгах, направились к своим. От том-вагена к корпусу тянулись провода-змеи. Гусев внезапно остановился, загородив мне дорогу. Медленно поднял руку и разжал кулак. На его ладони — капсула, потемневшая от грязи и сырости. Десять лет она пролежала, залепленная смесью хлеба

и пыли, в углублении щербатой стены изолятора. Я вскрикнул так, что эхо разнеслось по всем постройкам, имевшим здесь вид правильных крестов, если смотреть с неба.

Глава восемнадцатая СЛИШКОМ ХОРОШО

Всё стало налаживаться, как по волшебству. Без свежей информационной подпитки о плагиате все забыли. Новый подоспевший роман «Эраст Фандорин» на семистах страницах (сложенный из четырёх), состряпанный в упрощённо-гоголевской манере, понравился всем сразу. Методом быстрого наговаривания текста на диктофон, когда сам не понимаешь значения фраз, можно было выпускать по роману в неделю. Запись дробилась на сколь угодно много отрывков и mp3 файлы рассыпались машинисткам. Набранные в «Ворде» отрывки слетались по электронной почте и собирались в единое целое. На очереди стояли перенесённые на русскую почву Зюскинд и Мураками. Можно было оставить всё как есть, даже самих Зюскинда и Мураками на обложке. Но моя фамилия, как фамилия истинного автора этих стилизаций, была бы для всех секретом Полишинеля и притчей во языцах. Такой маркетинговый ход мог оживить бизнес элементом игры.

Разумеется, я не намеревался издавать более одного-двух романов в течение года, но в сложившейся ситуации было необходимо бросить щепотку сладкого отвлекающего снадобья в глаза общественности.

Настоящая бомба хлопнула за пределами отчества: внезапно аукнулся мой позабытый уже «Гарри Поттер».

Крупное, но находящееся в финансовом кризисе британское издательство прислало мне своих эмиссаров. Разговор был долгий и трудный. Без обиняков мне сказали, что, по мнению их экспертов, романы о сатанинских обрядах, полётах на метле и колдовской школе — художественной ценности не представляют. Они даже могут попасть в разряд «не рекомендованных для внеклассного чтения». Однако, в наиболее благоприятное для подобной акции время, они заполнят безнадёжно вопиющую пустоту в литературе для детей и подростков. Дорогая, продуманная

специалистами-психологами рекламная кампания привлечёт к проекту не только детей, но и взрослых читателей. Поэтому книги будут издаваться «как взрослые» — без картинок, с вариантом пустой чёрной обложки (для чтения взрослыми в общественном транспорте). В случае успеха, последующие тома пишутся силами самого издательства. Проценты от стоимости проданных тиражей стекаются на мой счёт.

Короче, они решили собрать всё, что у них есть, взять ссуды, где только не откажут, и, восславив дьявола, поставить все деньги на рекламу единственного проекта.

Ни секунды не задумываясь, я подписал договор и получил аванс. Эмиссары улетели в свою Британию, дрожа от волнения и страха неизвестности.

В договоре был пункт, в котором указывался мой творческий псевдоним для проекта «Гарри Поттер», который я, поколебавшись мгновение, цинично вписал собственной рукой: «Джон Роллинг». Истинная фамилия русского автора будет держаться в секрете на протяжении двух лет.

Заметно приободрился и Гусев. Теперь он тоже ждал ребёнка и, как мне казалось, влюбился в свою собственную жену, которую совсем недавно взял по циничному расчёту. Я ждал мальчика, а он, естественно, девочку; наши жёны дружили, и мы часто проводили семейные вечера вместе. Неожиданно для себя Гусев почувствовал, что всю жизнь хотел ребёнка. Однако, не имея ни одной серьёзной связи, никак не мог представить себя в роли отца семейства. И тут вдруг всё переменилось. У него появился дом, капитал, умная понимающая жена, добрые заботливые родственники. В одно время нам с Гусевым наконец-то показалось, что мы абсолютно счастливы и ничего, ни в коем случае, нельзя трогать.

Кто-то из нас должен был стать хранителем «возвратной» капсулы. Мы решили разыграть этот последний шарик, бросив жребий. Выиграл, разумеется Гусев, и я, сделав за его ухом крошечный надрез, аккуратно ввёл шарик на прежнее место. Ранка зажила за несколько часов, не оставив следа. Теперь Гусев трогал шарик не по привычке, а из страха, что он как-нибудь случайно повредится, и тогда всё рухнет. Иногда, глядя на улыбающуюся во сне жену Таню, собиравшуюся рожать мне под Новый год мальчишку, я звонил Гусеву и просил его быть как можно более осторожным.

Глава девятнадцатая КОНЕЦ ИГРЫ

В канун нового 1996-го года Алла давала большой праздничный концерт в «России». Название всей программы и самого хита — «Скоро буду мамой». Многочисленные друзья и родственники большой, уже почти единой семьи сидели в первых рядах, держали друг друга за руки и улыбались. Гусев стоял в кулисах.

В перерыве они заперли дверь гримёрки и бросились навстречу, порывисто дыша, хватая губами губы и расстёгивая без разбора всё, что могло расстёгиваться. Они уже не могли проводить день друг без друга, но они ждали именно этого момента — здесь в этой комнатке, где они впервые сблизились и полюбили. Свет погашен, горит только одна лампа — над тем самым столиком.

Перерыв — не менее сорока минут. Ресторан кафе, различные увеселения — публике есть чем заняться. Концерт без большого перерыва — просто халтура.

На пол полетели брюки, концертное платье, трусы, пиджак... Дрогнул столик с красками и пузырьками, в отражении зеркал качнуло комнату. О... Первое движение. Немного помедлить. Какая красивая грудь у его жены. Наверное, они здорово смотрятся со стороны в такие мгновения. Он был бы даже не против, если бы какой-нибудь нахальный папарацци сделал несколько снимков, спрятавшись... ну вот хотя бы за этой маленькой ширмой...

Стоп.

Там действительно кто-то есть...

Гусев быстро обернулся.

— Что!.. — прошептала Алла в нетерпении.

— Здесь кто-то есть.

— Что?! — Алла подняла голову, оттолкнула Гусева и скжала коленки.

— Это я.

Поднявшись с корточек, из-за ширмы вышел тот самый псих, высокий парень с копной чёрных выьющихся волос. Парень улыбался, сжимая руке небольшой револьвер. С первого взгляда Гусев понял, что револьвер не газовый.

— Филя, зачем, не надо!.. — Алла спрыгнула на пол.

— Стой там! — Киркоров сделал шаг назад и перестал улыбаться.

— Филечка, Филипп, не надо, прошу тебя, я люблю тебя, но ты такой... странный... Ну погоди, может быть, у нас что-то получится... Если тебя не посадят в тюрьму, всё получится...

Заговоривая Киркорова, сделала чуть заметный знак мужу, и тот начал осторожно двигаться в темноте по периметру в сторону ширмы.

— Ты не веришь? Хочешь, я докажу? Прямо сейчас. Мой муж... он трус, он не посмеет... Иди, иди сюда!..

Киркоров шагнул вперёд, и в ту же секунду Гусев прыгнул как тигр на него сзади. Обхватил за шею, повис, сжал его горло стальным зажимом. Вместе они повалились на пол. Оказавшись сверху, Гусев стал выламывать из его пальцев револьвер. Сбив дыхание, Филипп хрюпал, он ослаб, но никак не выпускал оружие, хотя вывернутые пальцы трещали.

Наконец оружие оказалось в руке у Гусева. Но в тот же момент сумасшедший с рёвом бросился на Пугачёву. Гусев выстрелил.

Сквозным ранением меж рёбрами нападавшего пуля вошла в грудь Аллы и сразила её сердце. Несчастная женщина умерла, не успев понять, как это случилось, не успев почувствовать боли.

Филипп обнял мёртвую за шею, поцеловал в лоб, медленно закрыл ей глаза. Не повернувшись к бывшему своему сопернику, держась за рану, поковылял прочь.

Гусев приставил револьвер к «горошине» за ухом, загнал её в окружность ствола — и выстрелил.

ЭПИЛОГ

Благодаря экспериментам с нашей психикой, Зюскевич полностью отладил прибор, который ещё долгое время будет оставаться заsekреченным. Во время последнего путешествия баги были исправлены, и никакие, даже самые малейшие изменения в прошлом не просочились в наше время. Зюскевича прославил не прибор, а роман, за который он получил Нобелевскую премию. Разумеется, он писал не литературное произведение, а программу, которая писала за него. Программа угодила всем: читателям, критикам и Нобелевскому комитету. Она вычислила оптимальную фабулу, задала общественно-значимую тему, скомпилировала

надрывный драматизм и юмор, расставила на каждом шагу афоризмы и мелочевые детали: звуки, запахи, мимолётные ощущения...

Поскольку Зюскевич был засекречен и не мог подписаться своим именем, для него наняли специального человека, провинциального актёра, единственной обязанностью которого было появляться на публике и повторять заученные фразы. Оптимальная биография автора также была просчитана машиной.

Вот в двух словах содержание этого романа. Войска ООН входят в Чечню и спасают от русских мародёров чеченского ребёнка. Ребёнок неполноценный, калека, но он вырастает образцовым натовским военным, становится Главнокомандующим Объединённых миротворческих сил и несёт мир всем воюющим на Земле странам. Разумеется, что Голливуд не заставил себя ждать.

Зюскевич женат и счастлив. Кира Берёзкина, родив от него своего первого ребёнка, совершенно переменилась. Будто не было четырёх мужей, любовников и жестоких интриг в мире модельного бизнеса. Теперь в ней сможет проснуться звериное только в том случае, если опасность будет угрожать её детёнышу.

Гусев первое время по прежнему работал в своём оркестре. Он не поверил в реальность наших трипов. Он утверждал, что это были наши собственные фантазии, глупости, бессознательное, вызванное щекотанием определённых участков мозга. Тем не менее, в его квартире появились пла- каты с изображением Аллы Пугачёвой, а на концерт Филиппа Киркорова о однажды явился, чтобы свистеть и кидаться в артиста сырыми яйцами.

Иногда, по пьянке, он приставал к Зюскевичу на предмет ещё одной попытки путешествия в 1994-й. Но, без толку. Эксперимент закончился, кроликов распустили, Миня больше ни чем не распоряжался. Но он пожалел Гусева и подарил ему такое, после чего всё изменилось.

Однажды Зюс подвёл Гусева к роялю и двумя пальцами наиграл незамысловатую, но цепляющую за всё живое, мелодию.

— Что это? — сказал Гусев.

— Эту музыку я слышал в две тысячи двадцать четвёртом.

— Ты был в две тысячи двадцать четвёртом?..

— Об этом знает только моя ассистентка... Анечка, — зашептал Миня.

— Может, ты сам сочинил? (Мало ли чего ещё может отмочить нобелевский лауреат...)

— Я, конечно, немного умею. Ну, менуэт... и ещё это... забыл. Давно учился. Кажется, в первом или во втором классе. Потом бросил. Ты запиши.

— Повтори.

Миня добросовестно повторял, промазывая мимо нужных клавиш и исправляясь, пока не убедился, что все ноты мелодии и гармонии Гусевым записаны верно.

— Теперь, то есть, потом... зарегистрируй, что это ты автор. Будет пользоваться по-пу-лярностью, — Зюскевич многозначительно поднял кверху указательный палец. — А этот человек, автор... то есть, это женщина... она не обидится, у её много.

И он не обманул. «Мелодия дождя», мыслимые и немыслимые вариации на неё и песня зазвучали вскоре из каждого утюга. Её свистели, мычали, напевали и орали в пьяном виде. Её первой подбирали на одной струне начинающие учиться на гитаре. В каждой второй лирической заставке радио и ТВ угадывался такой близкий, щемящий и никогда не надоедающий мотивчик.

Авторские отчисления за каждую патентованную нотку, прозвучавшую где бы то ни было, капали на специальные счета и стекались к Гусеву полноводной рекой. Не часто мелькая в тусовках и на телевидении, он стал очень богатым и влиятельным человеком, автором одной мелодии. И хотя он уже полностью уверился в собственном авторстве, часть денег уходит на благотворительность.

Со мной пока всё в порядке, у меня нет претензий ни к одному из действующих лиц этой истории. Разве я могу винить кого-нибудь в том, что в полнолуние голова раскалывается от боли, мысли-картинки мелькают, словно в калейдоскопе, и перепутываются с реальностью.

И последнее. Если после опубликования этих записок меня не посадят в дурдом или не пристрелят люди из СМЕРШа, я буду считать, что грех жаловаться, и жизнь моя, то есть все четыре, местами сложились не так уж плохо.

А на всякий случай, если всё-таки шлётнут или посадят, вот вам мой последний привет: пошли вы все...

2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

СРЫВАЕТ С РЕЗЬБЫ

Глава первая ПОСЛЕДНЯЯ РЕДАКЦИЯ

Глава вторая «СТАЛИН»

Глава третья ПРОГРАММА ВНУТРИ

Глава четвёртая ПОЯВЛЯЕТСЯ ОРАНГУТАНГ

Глава пятая КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

Глава шестая НАКЛЁВЫВАЕТСЯ ПОЛЕЗНОЕ ЗНАКОМСТВО

Глава седьмая ДОЛЛАР НЕНАДЁЖЕН

Глава восьмая ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ССЫЛКЕ «BLACK»

Глава девятая КАТАСТРОФА

Глава десятая КАК НАС УБИВАЛИ

Глава одиннадцатая ЗЮСКЕВИЧ ИГРАЕТ ПО-КРУПНОМУ

Глава двенадцатая ПОЕХАЛИ...

Часть вторая

СЕКС ГДЕ-ТО РЯДОМ 41

Глава первая СЛИШКОМ БЫСТРО, ЧТОБЫ ПОНЯТЬ И ПОЧУВСТВОВАТЬ

Глава вторая МАЛЬЧИКОВ РАСПИРАЕТ ДО НЕПРИЛИЧИЯ

Глава третья ЕЙ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ, ОНА НЕЦЕЛОВАННАЯ...

Глава четвёртая МНОГО ЗНАТЬ ВРЕДНО

Глава пятая НА КОВРЕ (1)

Глава шестая НА КОВРЕ (2)

Глава седьмая В ПОСЛЕДНЕМ РЯДУ

Глава восьмая ШТРИХ К ПОРТРЕТУ ВОЖДЯ(ранняя редакция)

Глава девятая ШТРИХ К ПОРТРЕТУ ВОЖДЯ(зрелая редакция)

Глава десятая ШТРИХ К ПОРТРЕТУ ВОЖДЯ(отвергнутая самим автором редакция)

Глава одиннадцатая JE T'AIME. MOI NON PLUS

Глава двенадцатая СНОВА ПОЯВЛЯЕТСЯ ОРАНГУТАНГ

Глава тринадцатая НЕСКОЛЬКО СТАКАНОВ ПОРТВЕЙНА

Глава четырнадцатая КРОВЬ ЖЕНСКАЯ И КРОВЬ МУЖСКАЯ

Глава пятнадцатая КАРТЫ, ДЕНЬГИ, ДВА ЛОХА

Глава шестнадцатая ЖРИЦЫ ЛЮБВИ КАРЛИКОВ НЕ ОБСЛУЖИВАЮТ

Глава семнадцатая МАЛЬЧИКИ БЫВАЮТ НАСТОЙЧИВЫ

Глава восемнадцатая ДЕЛО НЕ ЗАКРЫТО

Часть третья

ПОЧТИ РОК-Н-РОЛЛ 88

Глава первая ЦАРЬ РУССКОГО РОКА

Глава вторая 1984 (не по Орвелу)

Глава третья УТРОМ ВЫПИЛ – ВЕСЬ ДЕНЬ СВОБОДЕН

Глава четвёртая «ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ», МЕСТЬ И ДЗЕН

Глава пятая ЗАСТОЯВШЕЕСЯ ВИНО И НОВЫЕ МЕХИ
Глава шестая ОЗАРЕНИЕ
Глава седьмая ВСПОМНИТЬ ВСЁ
Глава восьмая КОЗЛЫ
Глава девятая МИР ТЕСЕН
Глава десятая ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ СОВЕТСКОГО ШОУ-БИЗНЕСА
Глава одиннадцатая ХУДСОВЕТ
Глава двенадцатая ПИПЛ ДОЛЖЕН ХАВАТЬ
Глава тринадцатая РАБОТА НАД ОШИБКАМИ
Глава четырнадцатая МИРАЖ
Глава пятнадцатая ДВОРЕЦ КРАСОТЫ
Глава шестнадцатая БЕЛЯШКИ
Глава семнадцатая У КИРЫ СИЛЬНЫЕ РУКИ
Глава восемнадцатая РИВЬЕРА
Глава девятнадцатая НЕБО НАД ТОБОЙ КАК СОМБРЕРО...
Глава двадцатая БЕС В РЕБРО
Глава двадцать первая НУЖНАЯ И СВОЕВРЕМЕННАЯ КНИГА
Глава двадцать вторая БЕРЁЗКИНА СТАНОВИТСЯ ПРОБЛЕМОЙ
Глава двадцать третья ПУСТЬ ПРИДУТ И ПОПРОБУЮТ
Глава двадцать четвёртая ФАКТОР НЕОЖИДАННОСТИ

Часть четвёртая
АБСОЛЮТНАЯ ПАМЯТЬ 150

Глава первая КОЕ-ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ
Глава вторая КТО-ТО ДЫШИТ РЯДОМ
Глава третья НОВЫЙ РАСКЛАД
Глава четвёртая МОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ
Глава пятая СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАПАСЫ
Глава шестая ЛЮБОВЬ
Глава седьмая ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ПЛЕСЕНИ
Глава восьмая ЛИТЕРАТУРНЫЙ БЛИЦКРИГ
Глава девятая ИМПОТЕНЦИЯ
Глава десятая ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ
Глава одиннадцатая КУКЛОВОДЫ
Глава двенадцатая В БУДУЩЕЕ В ОБЕЗЬЯНЬЕМ КОНТЕЙНЕРЕ
Глава тринадцатая ОНА СОГЛАСНА
Глава четырнадцатая ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ
Глава пятнадцатая ВОЗВРАТА НЕТ?
Глава шестнадцатая ПАРАДОКСЫ ВРЕМЕНИ
Глава семнадцатая «КРЕСТЬ»
Глава восемнадцатая СЛИШКОМ ХОРОШО
Глава девятнадцатая КОНЕЦ ИГРЫ
ЭПИЛОГ

СТРАНИЦА-ССЫЛКА

**Текст книги свёрстан автором.
Данный PDF рекомендован для печати А4,
а также для чтения на устройствах
с экраном формата А5 (10') и более.**

**Если произведение вам понравилось,
вы можете перечислить маленький
благотворительный
взнос на счёт автора:**

<https://sheba.spb.ru/forma.htm>